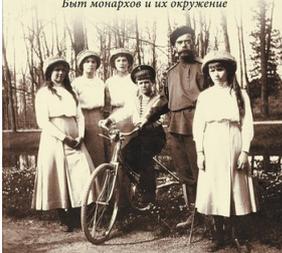

Игорь Зимин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО
ИМПЕРАТОРСКОГО
ДВОРА
ДЕТСКИЙ МИР
ИМПЕРАТОРСКИХ РЕЗИДЕНЦИЙ
Быт монархов и их окружение

Игорь Викторович Зимин
Детский мир императорских резиденций.
Быт монархов и их окружение
Серия «Повседневная жизнь Российского
императорского двора», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645445

*Повседневная жизнь Российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение.: Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-227-02410-7*

Аннотация

Книга – тематическое продолжение исследования доктора исторических наук, профессора И.В. Зимина «Повседневная жизнь императорского двора. Взрослый мир императорских резиденций». В этом издании обстоятельно рассказывается о воспитании детей в царской семье, о повседневном окружении монархов – статс-дамах, фрейлинах, камердинерах и челяди, о бытовых условиях жизни монархов. Множество малоизвестных сведений, несомненно, будут интересны любознательным читателям.

Содержание

Рождение детей в императорской семье	4
Рождение детей в семье Николая II	9
Рождение цесаревича Алексея	19
Крещение детей	25
Воспитание высокородных детей	33
Кормилицы и педиатры при императорской семье	34
Няни и воспитательницы	43
Воспитатели и учителя. Царские дети после семи лет	64
Одежда детей	78
Наказания детей	84
Детские игрушки	88
Образование императорских детей	100
Особенности домашнего образования Александра I	101
Домашнее образование Николая и Михаила Павловичей	102
Образовательные новации в обучении детей и внуков Николая I	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Игорь Викторович Зимин

Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение

Рождение детей в императорской семье

Рождение детей – это радость, а в императорской семье – радость двойная, особенно если на свет появлялся мальчик, поскольку мальчики обеспечивали «устойчивость» правящей династии. Это было важно для правящего императора и наследника-цесаревича. В целом, со времени Павла I, имевшего четырех сыновей, «проблема наследника» на протяжении всего XIX в. не являлась актуальной для императорской семьи. Всегда имелся «запас» по прямой нисходящей линии, позволявшей безболезненно для страны замещать «выбывавших» по разным причинам императоров или цесаревичей.

Все русские императрицы рожали дома, то есть в тех императорских резиденциях, в которых они оказывались на момент родов. Ни одна из особ Императорской фамилии не рожала в специализированных клиниках, которые в XIX в. уже существовали. Даже когда в 1904 г. на Васильевском острове лейб-акушер Д.О. Отт открыл роскошную акушерскую клинику, ни одна из особ Императорской фамилии ею так и не воспользовалась. Рожали по традиции дома, приспособив одну из комнат под родильную палату.

Цесаревны и императрицы, несмотря на надвигавшиеся роды, неуклонно соблюдали «график» переездов из резиденции в резиденцию вне зависимости от сроков беременности. При этом лейб-акушер неотступно следовал за беременной особой Императорской фамилии. Рожала она в той резиденции, в которой начинались схватки. Николай II родился в мае 1868 г. в правом крыле первого этажа Александровского дворца Царского Села, куда, следуя традиции, царская семья только-только переехала на лето. Из пяти детей Николая II одна дочь родилась в Александровском дворце Царского Села, а три дочери и сын – в Нижнем (Новом) дворце в Петергофе. Для лейб-акушера Д.О. Отта поблизости от Нижнего дворца, в котором жила семья Николая II в Петергофе, во Фрейлинском доме выделили двухкомнатную квартиру, где он и жил, ожидая наступления очередных родов императрицы.

Как правило, при родах или в непосредственной близости от родильной комнаты присутствовали все родственники, которые оказывались поблизости. А муж буквально держал рожавшую жену за руку, находясь в «родильной палате». Эта традиция восходила еще к временам Средневековья. По древней европейской традиции, высшая аристократия имела право присутствовать при родах королевы, непосредственно удостоверяться в «истинности» и родов, и наследника, их будущего властителя. Поэтому присутствие императора или цесаревича рядом с рожавшей женой преследовало цель не только поддержать жену, но и соблюсти давнюю традицию.

О рождении ребенка в императорской семье подданным сообщали изданием соответствующего «Манифеста», который «встраивал» родившегося ребенка в фамильную иерархию Романовых, официально провозглашая младенца «Высочеством». Когда у Николая I в 1827 г. родился второй сын, то в «Манифесте» сообщалось: «Объявляем всем верным Нашим подданным, что в 9 день сего сентября любезнейшая Наша Супруга, Государыня Императрица Александра Федоровна разрешилась от бремени, рождением Нам Сына, нареченного Константином...»¹.

Кроме этого о рождении царственного младенца подданные узнавали по артиллерийским залпам орудий Петропавловской крепости. Количество залпов уведомяло о поле младенца. 101 залп означал рождение девочки, а 301 – мальчика.

Вся дворцовая прислуга, находившаяся на дежурстве в день рождения ребенка, обязательно получала памятные ценные подарки². Следует добавить, что подданных информировали не только о рождении ребенка, но и о наступлении беременности у императрицы. Такие объявления печатались в разделе официальной хроники «Правительственного вестника».

Отдельным манифестом подданные извещались о новых высокотожественных датах в имперском календаре.

В манифесте от 1 марта 1845 г. указывалось, что «рождение любезнейшего Внука Нашего Великого Князя Александра Александровича (будущего Александра III. – И. 3.) повелеваем праздновать в 26 день февраля, а тезоименитство в 30 день августа»³.

При родах цесаревны или императрицы в обязательном порядке присутствовал министр Императорского двора. Опять-таки с целью гарантировать «истинность» факта рождения ребенка. Однако в XIX в. этого требования уже не придерживались буквально, но министр Двора при родах находился «за дверью» комнаты, в которой рожала императрица или цесаревна, и у него в обязательном порядке было заготовлено *пять вариантов* манифеста, в котором официально объявлялось о рождении ребенка. Царь сам выносил министру Двора новорожденного и сам вписывал в указ заранее выбранное имя⁴. Когда императрица Александра Федоровна готовилась рожать первого ребенка в 1895 г., то, согласно принятой процедуре, в недрах канцелярии Министерства Императорского двора было заранее заготовлено *пять проектов* правительственного указа о рождении ребенка. Эти проекты предусматривали *все возможные варианты*: 1) рождение сына; 2) рождение дочери; 3) двойня из двух сыновей; 4) двойня из двух дочерей; 5) двойня из сына и дочери.

В проекте пропускалось только имя ребенка и не указывался день его рождения. Проект указа на рождение сына формулировался следующим образом: «В день сего... Любезная Супруга Наша Государыня Императрица Александра Федоровна благополучно разрешилась от бремени рождением Нам сына, нареченного...»⁵.

Начиная с Павла I, императорские и великокняжеские семьи были многодетными. Ни о каком ограничении рождаемости речи не шло. Императрицы, цесаревны и великие княгини рожали сколько «бог давал». В семье Павла I императрица Мария Федоровна родила *четырёх сыновей и шестерых дочерей*. При этом первый ребенок родился в декабре 1777 г. (будущий император Александр I), а последний – в 1798 г. (великий князь Михаил), т. е. за 22 года Мария Федоровна родила 10 детей.

У Александра I не было сыновей. Жена Александра I, императрица Елизавета Алексеевна, родила *двух дочерей*, которые умерли в раннем возрасте. Надо заметить, что между супругами отношения были очень сложными и у Александра I имелись побочные дети.

1882.

Июнь — *Июнь*

ИЮНЬ	У т р о.	В е ч е р њ.
Вторникъ 1	В 7 ч. ушла в резиденцию Роден. Е. М. П. Вел. Кн. Анна Федоровна. В 12 ч. ушла в резиденцию в резиденцию в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции.	Минутка Константиновичи, уехали в сад в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции.
Среда 2	В 7 ч. ушла в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции.	В 12 ч. ушла в резиденции.
Четвергъ 3	В 7 ч. ушла в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции.	В 12 ч. ушла в резиденции.
Пятница 4	В 7 ч. ушла в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции.	В 12 ч. ушла в резиденции.
Суббота 5	В 7 ч. ушла в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции.	В 12 ч. ушла в резиденции.
ВОСКРЕСЕНЬЕ 6	В 7 ч. ушла в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции. В 12 ч. ушла в резиденции.	В 12 ч. ушла в резиденции.

Памятная книга Александра III с записью о рождении дочери Ольги 1 июня 1882 г.

У образцового семьянина Николая I с женой, императрицей Александрой Федоровной, было семеро детей – четыре сына и три дочери. Первый ребенок родился в 1818 г. (будущий Александр II), последний (великий князь Михаил Николаевич) – в 1832 г.

В семье Александра II и императрицы Марии Александровны, несмотря на слабое здоровье императрицы, за 18 лет родилось восемь детей – две дочери и шестеро сыновей. Первый ребенок (великая княгиня Александра Александровна) родился в 1842 г., последний (великий князь Павел Александрович) – в 1860 г.

В семье Александра III и императрицы Марии Федоровны также родилось шестеро детей, из них один ребенок в годовалом возрасте умер. Осталось в семье три сына и две дочери, Первый ребенок (Николай II) родился в 1868 г., последний (великая княгиня Ольга Александровна) – в 1882 г., т. е. за 14 лет родилось шестеро детей.

Романовы	Прожили в супружестве	Год рождения детей	Годы жизни умерших детей
Александр I и Елизавета Алексеевна	1793—1825, 32 года		Мария 1799—1800 Елизавета 1806—1808
Николай I и Александра Федоровна	1817—1855, 38 лет	1818 — Александр II 1819 — Мария Николаевна 1822 — Ольга Николаевна 1827 — Константин Николаевич 1831 — Николай Николаевич 1832 — Михаил Николаевич	Александра 1825—1844
Александр II и Мария Александровна	1841—1880, 39 лет	1845 — Александр Александрович 1847 — Владимир Александрович 1850 — Алексей Александрович 1853 — Мария Александровна 1857 — Сергей Александрович 1860 — Павел Александрович	Александра 1842—1849 Николай 1843—1865
Александр III и Мария Федоровна	1866—1894, 28 лет	1868 — Николай Александрович 1875 — Ксения Александровна 1878 — Михаил Александрович 1882 — Ольга Александровна	Александр 1870—1871 Георгий 1871—1899
Николай II и Александра Федоровна	1894—1918, 24 года	1895 — Ольга 1897 — Татьяна 1899 — Мария 1901 — Анастасия 1904 — Алексей	Расстреляны с родителями в июле 1918 г. в Екатеринбурге

В семье Николая II и императрицы Александры Федоровны с 1895 по 1904 г. родилось пятеро детей. Для Николая II проблема наследника обернулась серьезными политическими последствиями – многочисленные родственники мужского пола, из младших ветвей дома Романовых, были готовы с огромным желанием унаследовать трон, что, естественно, совершенно не устраивало ни Николая II, ни Александру Федоровну.

Таким образом, рождение сыновей в императорской семье имело не только характер обычной человеческой радости, но и становилось событием большого политического значения, создавая запас прочности правящей династии.

Имп. Мария Федоровна с сыном Николаем. Осень 1868 г.

В 1817 г. бездетный император Александр I сообщил своему младшему брату Николаю Павловичу, что намерен передать трон ему. Об этом решении стало известно только братьям: великому князю Константину Павловичу и великому князю Николаю Павловичу. Позднее это решение оформили юридически. Поэтому, когда в 1818 г. в Москве родился Александр Николаевич, в семье его воспринимали уже как будущего наследника трона. При новом политическом раскладе Николай Павлович был заинтересован в рождении сыновей, и когда в августе 1819 г. его жена Александра Федоровна родила второго ребенка, великую княжну Марию Николаевну, он воспринял «не с особенной радостью: он ожидал сына; впоследствии он часто упрекал себя за это...»⁶. Однако позже Бог дал ему сыновей, потомство которых, в свою очередь, упрочило династический фундамент российского Императорского дома.

Рождение детей в семье Николая II

Проблема престолонаследия во все времена во множестве стран тесно переплеталась с закулисными интригами. Особенно остро с ней столкнулась семья последнего русского императора Николая II. Главной династической задачей любой императрицы является рождение наследника престола. Поэтому любое недомогание молодой женщины списывалось на ожидаемую всеми беременность. Достаточно характерно звучит фраза, записанная в дневнике великого князя Константина Константиновича в декабре 1894 г., менее чем через три недели после бракосочетания Николая и Александры, но более чем через полгода после помолвки в Кобурге: «Молодой императрице опять сделалось дурно в церкви. Если это происходит от причины, желанной всей Россией, то слава Богу!»⁷.

Д.О. Отт

Акушер Дмитрий Оскарович Отт был крупнейшим специалистом-гинекологом своего времени. Еще в 1893 г. он был назначен директором Императорского клинического повивального института. Впервые Николай II упоминает профессора Отта в своем дневнике 26 сентября 1895 г. За месяц до рождения первенца в императорской семье лейб-акушер лично приехал в Зимний дворец. Об этом Николай записал в дневнике: «Отт и Гюнст приехали осмотреть мою душку!» Через день он вновь упомянул, что «Отт и Гюнст довольны». Вскоре пришло время рожать, и в дневнике Николая II упоминается, что схватки продолжались почти сутки – с часа ночи и до позднего вечера. Только в 9 часов вечера 3 ноября 1895 г. императрица родила девочку, которую родители назвали Ольгой. Все это время рядом с ней находился профессор Отт и акушерка Евгения Конрадовна Гюнст.

Первые роды императрицы Александры Федоровны были тяжелыми. Хотя их готовились принимать в Зимнем дворце, рожала императрица в Александровском дворце Царского Села. Как упоминала младшая сестра царя, великая княгиня Ксения Александровна, младенца «тащили щипцами». Крестили Ольгу 14 ноября 1895 г. в Большой церкви Екатери-

нинского дворца в Царском Селе. Только спустя полтора месяца после родов царская семья перебралась с маленькой дочерью в Зимний дворец.

Патологические роды, видимо, обусловливались как слабым здоровьем императрицы, которой на момент родов было 23 года, так и тем, что с юношеского возраста она страдала крестцово-поясничными болями. Боли в ногах преследовали ее всю жизнь. Поэтому домочадцы часто видели императрицу в инвалидной коляске. Однако она вопреки традициям сама начала с 5 ноября кормить дочь, чем очень гордился царь. Через несколько недель царь вновь упомянул среди врачей, которые находились во дворце при купании ребенка, Д.О. Отта. Старшая сестра императрицы, Елизавета Федоровна, писала в письме к королеве Виктории, что уход во время родов был «прекрасный». Последний раз Николай II упомянул имя Д.О. Отта 30 ноября – «присутствовал при ванне дочки. Отт тоже был там; теперь он приезжает редко». Акушерка Е.К. Гюнст простилась с царской семьей 20 декабря, пробыв в Зимнем дворце три месяца.

Успешные первые роды императрицы положили начало придворной карьере Д.О. Отта, продолжавшейся вплоть до февраля 1917 г. Именным высочайшим указом от 4 ноября 1895 г. на имя министра Императорского двора Д.О. Отт был «всемилоостивейше пожалован в лейб-акушеры Двора Его Императорского Величества с оставлением в занимаемых должностях и званиях». В формулярном списке Д.О. Отта на 1 декабря 1895 г. были зафиксированы эти должности и звания: «Директор Повивального института, лейб-акушер, консультант и почетный профессор по женским болезням при Клиническом институте Великой княгини Елены Павловны, доктор медицины, действительный статский советник». Можно добавить, что на основании «Положения» Придворной медицинской части Министерства Императорского двора звание лейб-медика «производилось вне всяких правил по усмотрению Их Величеств».

После тяжелых родов императрица встает «на ноги» только 18 ноября 1895 г. и садится в инвалидное кресло: «Сидел у Алике, которая каталась в подвижном кресле и даже побывала у меня»⁸. Видимо, уже первые роды неблагоприятно сказались на ее слабом здоровье, и поэтому вновь возобновлены общеукрепляющие процедуры. Царь записал в дневнике 28 ноября 1895 г.: «Алике опять купалась – теперь она будет по-прежнему принимать ежедневно соляные ванны»⁹.

Слабое здоровье императрицы¹⁰ и рождение девочки сразу же повлекло за собой различные слухи. Даже старшая сестра Александры Федоровны, великая княгиня Елизавета Федоровна, в письме к королеве Виктории сочла нужным упомянуть, что «вы знаете об ужасных слухах, которые неизвестно кто распускает, будто Алике опасно больна и не может иметь детей и что нужны операции».

Вновь императрица родила менее чем через два года. В письме к матери в январе 1897 г. Николай II сообщал, что «вчера Алике решительно почувствовала движение – прыжки и толчки»¹¹. Эта беременность тоже оказалась не простой. Видимо, на ранних сроках беременности медики опасались выкидыша, поскольку в документах глухо упоминается, что императрица встала с постели только 22 января 1897 г., пролежав, не вставая, семь недель. Все это время рядом с ней был лейб-акушер Д.О. Отт. В тех же документах упоминается, что он сам катал в коляске императрицу по саду рядом с Зимним дворцом. Угроза выкидыша подтверждается и упоминанием Николая II в письме к матери о том, что «мы более чем осторожны при движении и при всякой перемене положения на диване»¹². Тем не менее буквально накануне родов, по традиции, царская семья переехала на лето в Александровский дворец Царского Села, где 29 мая 1897 г. родилась Татьяна. В этот день великий князь Константин Константинович записал в дневнике: «Утром Бог дал Их Величествам... дочь. Известие быстро распространилось, и все были разочарованы, т. к. ждали сына»¹³.

В ноябре 1898 г. выяснилось, что императрица беременна в третий раз. Как и при первых родах, она немедленно усаживается в свою коляску, так как не могла ходить из-за боли в ногах и ездила по залам Зимнего дворца «в креслах». 14 июня 1899 г. в Петергофе родилась третья дочь – Мария.

Черета дочерей в царской семье вызывала устойчивое настроение разочарования в обществе. В 1913 г. кадет Обнинский писал: «Свет встречал бедных малюток хохотом... Оба родителя становились, суеверны... и когда умер чахоточный Георгий, у нового наследника, был отнят традиционный титул «цесаревича» из суеверной боязни, как говорили, что титул этот мешает появлению на свет мальчика»¹⁴. Граф В.Э. Шуленбург, служивший в лейб-гвардии Уланском полку, вспоминал, что рождение Ольги было встречено «со злорадством», а после рождения других великих княжон среди офицеров начались бесчисленные «недостойные остроты и обвинения»¹⁵.

Даже ближайшие родственники царя в своих дневниках неоднократно отмечали, что известие о рождении очередной дочери вызывало вздох разочарования по всей стране. Ксения Александровна, младшая сестра Николая II, записала в дневнике еще в ноябре 1895 г.: «Рождение дочери Ники и Алике – большое счастье, хотя жалко, что не сын»¹⁶. Сестра императрицы Елизавета Федоровна писала английской королеве Виктории: «Радость огромная и разочарование, что это девочка, меркнет от сознания, что все хорошо»¹⁷. Что характерно, такие записи появились в интимной переписке царских родственников уже при рождении первой дочери царской четы – Ольги Николаевны.

Начало четвертой беременности придворные медики подтвердили осенью 1900 г. Ожидание стало нестерпимым. В дневнике великого князя Константина Константиновича записано: «Она очень похорошела... все поэтому трепетно надеются, что на этот раз будет сын»¹⁸. В июне 1901 г. акушерка императрицы Е.К. Гюнст «ошибочно предположила» наступление преждевременных родов¹⁹ и поэтому экстренно вызвали из своего имения в Курской области профессора Попова. Его трижды приглашали для осмотра императрицы в Новый Петергоф²⁰. Приглашение нового акушера косвенно свидетельствовало о том, что у императрицы к этому времени отношения с лейб-акушером Д.О. Оттом изменились. Дело в том, что императрица терпела около себя только тех медиков, которые подтверждали ее собственные диагнозы. 5 июня 1901 г. в Петергофе родилась четвертая дочь царя – Анастасия.

После рождения четвертой дочери сдержанные вначале интонации недовольства прорываются. В июне 1901 г. в дневнике Ксении Александровны появляется запись: «Алике чувствует себя отлично – но, Боже мой! Какое разочарование!.. 4-я девочка!»²¹ Дядя императора, знаменитый «К. Р.» – великий князь Константин Константинович – записал тогда же в дневнике: «Прости, Господи! Все вместо радости почувствовали разочарование, так ждали наследника и вот – четвертая дочь»²².

Разочарование было общим. Сама Александра Федоровна впала в отчаяние. Отсутствие прямого наследника у царя оживило «проект» осени 1900 г., когда прорабатывались юридические возможности передачи власти в обход существующих законов старшей дочери царя – Ольге Николаевне. А. В. Богданович записала в дневнике 9 июля 1901 г.: «Мясоедов-Иванов говорил, что Витте с Сольским проводят мысль об изменении престолонаследия, чтобы сделать наследницей дочь царя Ольгу»²³. И поэтому неслучайно, что именно в 1901 г. около трона начинает появляться череда шарлатанов, которые обещали помочь царской семье решить эту деликатную проблему.

К 1901 г. в семье Николая II родились четыре девочки подряд, подобное уже бывало в семье Романовых. Жена Павла I, подряд родила пятерых дочерей, но перед этим у нее родилось два мальчика – Александр и Константин Павловичи.

День рождения	Место рождения	Имя	Рост, см	Вес, фунтов
3 (15) ноября 1895 г.	Царское Село. Александровский дворец	Ольга	55	10
20 мая (10 июня) 1897 г.	Петергоф. Нижний дворец	Татьяна	54	9
14 (26) июня 1899 г.	Петергоф. Нижний дворец	Мария	54	10
5 (18) июня 1901 г.	Петергоф. Нижний дворец	Анастасия	55	11,5

Проблема наследника

Отсутствие прямого наследника у императорской четы волновало не только придворные круги. После рождения третьей дочери, начиная с 1899 г., в Министерство Императорского двора начинают поступать письма из различных стран: Англии, Франции, Бельгии, США, Латинской Америки и Японии с предложениями сообщить секрет, гарантирующий рождение наследника.

Советы были не бескорыстны. Суммы назывались разные, в некоторых письмах в несколько десятков тысяч долларов. Примечательно, что российские поданные давали советы своему царю «даром». Но при этом советы иностранцев, как правило, основывались на известной в то время теории австрийского эмбриолога профессора Венского университета Шенка. Он опубликовал целый ряд исследований по развитию яйца и органов чувств у низших позвоночных и стал известен своими опытами по определению пола зародыша у млекопитающих и человека при помощи соответствующего кормления родителей²⁴.

Советы российских поданных выглядели попроще. Среди авторов были люди самого различного общественного положения: командир 2-й роты 8-го понтонного батальона Адам-Генрих Гласко из Тирасполя, отставной подполковник Ф.Ф. Лихачев из Могилевской губернии, помощник для ведения судебных дел из Владивостока И.В. Мясников, контролер-механик службы телеграфа Л. Зандман из Омска, таганрогский мещанин И.В. Ткаченко, жена генерал-лейтенанта Энгельгардта, мещанин Давид Сацевич из Ковенского уезда, земский фельдшер Н. Любский из Новгородской губернии и многие другие.

Для того чтобы представить содержание этих «простых» советов, обратимся к одному из них, написанному относительно сведущим в медицине человеком, фельдшером Н. Любским: «Можно предсказать, какого пола отделяется яйцо у женщины в данную менструацию и, следовательно, можно иметь ребенка желаемого пола. Такую строгую последовательность в выделении яичек у женщин я осмеливаюсь назвать законом природы»²⁵. Давались и такие: «попросите Государя, Вашего Супруга, ложиться с левой стороны или, иначе сказать, к левому боку Вашего Величества, и надеюсь, что не пройдет и года, как вся Россия возликнет появлением желанного наследника»²⁶.

Вследствие обильного потока подобных писем (архивное дело насчитывает более 260 листов) сложился определенный порядок работы с ними. Заведующий Канцелярией Министерства Императорского двора полковник А.А. Мосолов писал: «что по установленному в Министерстве Императорского Двора порядку письма и ходатайства, заключающие в себе подобного рода советы, оставляются без ответа и без дальнейшего движения»²⁷. Однако, как следует из этого же дела, некоторые письма все же принимались во внимание. В письме от 28 апреля 1905 г. крестьянин Тульской губернии деревни Хотунки Д.А. Кирюшкин пишет В.Б. Фредериксу о том, что «в 1902 г., 7 января я имел счастье быть во дворце у Вашего Высокопревосходительства по поводу рождения наследника престола. Я ходатайствовал перед Вашим Высокопревосходительством о допущении меня и доклада Его Императорскому Величеству Всемилодивейшему Государю Императору». В 1907 г. он вновь письмом напомнил о себе: «Я был во вверенном Вам дворце, для объяснения, почему рождаются мальчики и девочки»²⁸. Крестьянин напористо требовал от министра Двора гонорара, поскольку рождение цесаревича Алексея он связывал со своими советами.

Таким образом, особенности внутривластной ситуации, отношения в Императорской фамилии, особенности характера императрицы Александры Федоровны подготовили появление при Дворе французского шарлатана Филиппа. Об истории его появления при русском Дворе подробно пишет в «Воспоминаниях» С.Ю. Витте. По его словам, с Филиппом познакомилась за границей жена великого князя Петра Николаевича, Милица – «черногорка № 1», через нее Филипп «влез» к их великим князьям Николаевичам и затем к Их Величествам²⁹.

Дело в том, что Филипп вылечил сына Милицы – Романа. Витте упоминал, что черногорки ходатайствовали о том, чтобы Филиппу разрешили медицинскую практику в России и выдали ему медицинский диплом. Пожалуй, это единственный случай в истории присуждения ученых степеней в России, когда «вопреки всем законам при военном министре Куропаткине ему дали доктора медицины от Петербургской Военно-медицинской академии и чин действительного статского советника. Все это без всяких оглашений. Святой Филипп пошел к военному портному и заказал себе военно-медицинскую форму»³⁰.

При этом надо заметить, что информация об экстрасенсе поступала во дворец из различных источников. Заведующий парижской и женевской агентурой П. И. Рачковский по просьбе дворцового коменданта П.П. Гессе собрал на Филиппа досье, где представил его шарлатаном. Но вера императорской семьи в Филиппа оказалась столь сильна, что руководителя заграничной агентуры Департамента полиции с 1882 г. немедленно отстранили от должности в 1902 г.

Великий князь Александр Михайлович в «Воспоминаниях» писал, что «французский посланник предостерегал русское правительство против этого вкрадчивого иностранца, но Царь и Царица придерживались другого мнения... Он утверждал, что обладает силой внушения, которая может оказывать влияние на пол развивающегося в утробе матери ребенка. Он не прописывал никаких лекарств, которые могли бы быть проверены придворными медиками. Секрет его искусства заключался в серии гипнотических сеансов. После двух месяцев лечения он объявил, что Императрица находится в ожидании ребенка»³¹.

Пятая беременность Александры Федоровны началась в ноябре 1901 г. Поскольку эту беременность царская чета связывала исключительно с загадочными «пассажи» Филиппа, то ее скрывали даже от ближайших родственников. Сестра Николая II Ксения Александровна только в апреле 1902 г. узнала от императрицы о ее беременности. В своем письме к ней Александра Федоровна писала: «Сейчас это уже трудно скрыть. Не пиши Матушке, так как я хочу сказать ей, когда она вернется на будущей неделе. Я так хорошо себя чувствую, слава Богу, в августе!»³².

По рекомендации Филиппа императрица не допускала к себе медиков вплоть до августа 1902 г. К весне все заметили, что она сильно потолстела и перестала носить корсет. О ее беременности было объявлено официально. Как писал Витте: «Императрица перестала ходить, все время лежала. Лейб-акушер Отт со своими ассистентами переселился в Петергоф, ожидая с часу на час это событие. Между тем роды не наступали. Тогда профессор Отт начал уговаривать Императрицу и Государя, чтобы ему позволили исследовать Императрицу. Императрица по понятным причинам вообще не давала себя исследовать до родов. Наконец она согласилась. Отт исследовал и объявил, что Императрица не беременна и не была беременна, что затем в соответствующей форме было объявлено России»³³.

Это известие обрушилось страшным ударом на психику Александры Федоровны. Ребенка, которого она вынашивала с ноября 1901 г. просто не было. Это было потрясением для всех. Новость моментально стала известна среди аристократического бомонда. Ксения Александровна в письме от 19 августа 1902 г. к княгине А.А. Оболенской, ближайшей фрейлине и подруге императрицы

Марии Федоровны, писала: «Мы все ходим, как в воду опущенные со вчерашнего дня... бедная А.Ф. оказалась вовсе не беременна – 9 месяцев у нее ничего не было и вдруг пришло, но совершенно нормально, без болей. Третьего дня Отт ее видел в первый раз и констатировал, что беременности никакой нет, но, к счастью, внутри все хорошо. Он говорит, что такие случаи бывают и что это происходит вследствие малокровия»³⁴. Великий князь Константин Константинович записал в своем дневнике 20 августа 1902 г.: «С 8 августа ежедневно ждали разрешения от бремени Императрицы... Алике очень плакала. Когда, наконец, допущенные к ней доктор Отт и Гюнст определили, что беременности нет, но и не существовало»³⁵.

Кроме этого, надо было внятно объяснить всей стране, куда делся ребенок императрицы. Из этой щекотливой ситуации надо было как-то выходить. Поэтому в официальном «Правительственном вестнике» 21 августа 1902 г. было опубликовано сообщение: «Несколько месяцев назад в состоянии здоровья Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны произошли перемены, указывающие на беременность. В настоящее время, благодаря отклонению от нормального течения, прекратившаяся беременность окончилась выкидышем, совершившемся без всяких осложнений при нормальной температуре и пульсе. Лейб-акушер Д.О. Отт. Лейб-хирург Гирш. Петергоф 20 августа 1902 г.». 27 августа 1902 г. последовал еще один бюллетень, в котором сообщалось, что Ее Величество «находится на пути к полному выздоровлению».

Это событие породило в народе множество слухов о том, что царица родила «неведому зверушку». Государственный секретарь А.А. Половцев в августе 1902 г. писал: «Во всех классах населения распространились самые нелепые слухи, как например, что императрица родила урода с рогами»³⁶. Он называл произошедшее «постыдным приключением императрицыных лжеродов». В аристократической среде эта информация также вызвала самые различные толки. Да и власть давала для критики серьезные основания. В Нижнем Новгороде полиция конфисковала календарь, на первом листе которого была изображена особа женского пола, несущая в корзине четырех маленьких поросят. После «выкидыша» полиция приказала исключить из оперы «Царь Салтан» слова: «Родила царица в ночь не то сына, не то дочь, не собачку, не лягушку, так – неведому зверушку»³⁷.

В августе 1902 г. великий князь Константин Константинович записал в дневнике: «Вчера за подписями лейб-акушера Дм. Отта и лейб-хирурга Гирша объявлен в газетах бюллетень... Текст бюллетеня критикуют, особенно слово «благодаря»»³⁸. В результате этой в общем-то трагической для царской семьи истории за императрицей окончательно закрепля-

ется диагноз истерички. Великий князь Александр Михайлович писал об «остром нервном расстройстве»³⁹, С.Ю. Витте называет ее «ненормальной истеричной особой»⁴⁰.

Однако назвать произошедшее выкидышем, наверное, нельзя, так как царица выносила положенное время, не было это и ложной беременностью. Объективная медицинская информация содержится в архивном деле Кабинета Его Императорского Величества Николая II: «Объяснения лейб-медика акушера Гирша о причинах ложной беременности Александры Федоровны». На конверте стоит гриф «совершенно секретно» и «Высочайше поведено хранить не распечатывая в Кабинете Его Величества». Поскольку об этом эпизоде упоминается во многих мемуарах и эти события во многом объясняют особенности характера императрицы, мы позволим привести обширные цитаты из этого, ранее не публиковавшегося документа: «Ея Величество последний раз имела месячные крови на первый день ноября месяца. С этого времени крови больше не появлялись, что заставило Ея Величество считать себя беременной с этого времени, ожидая разрешения в первых числах августа, т. е. к нормальному сроку беременности. Хотя в этот раз беременность по своему течению и отличалась от предыдущих незначительным размером живота, тем не менее, чувствуя Себя вполне хорошо и не испытывая никаких болевых или неприятных ощущений, Ея Величество считала, что беременность протекает правильно и не находила поэтому нужным обращаться за врачебным советом до ожидаемого разрешения от бремени. Между тем установленный срок прошел и к тому же 16 августа с утра показалось кровотечение, по своему количеству и характеру появления не отличавшегося от обычных месячных очищений (незначительное кровоотделение было, впрочем, отмечено Ея Величеством еще в июле месяце).

Указанные выше обстоятельства побудили Ея Величество обратиться за медицинским советом к состоящему при Ея Величестве Лейб-акушеру профессору Отт, который, будучи приглашен к Ея Величеству около 10 часов утра 16 августа, осмотрел Ее Величество в присутствии повивальной бабки Гюнст и установил, что на основании данного исследования исключаются всякая мысль о беременности, и не только в конечном ее сроке, но и вообще в такой стадии развития, которая признается акушерской наукой поддающейся распознаванию. К такому заключению давало право весь комплекс объективных исследований и в особенности почти не измененный противу нормы размер самой матки.

В течение последующих дней: 17-го, 18-го, 19-го августа кровотечения Ея Величества продолжались в очень умеренной степени, причем к вечеру 19-го числа Ея Величество почувствовала боли по характеру, напоминавшие собою родовые схватки, которые к утру следующего дня утихли, причем во время утреннего туалета обнаружено было произвольно вывалившееся из половых органов мясистое образование величиной с грецкий орех, сферически – продолговатой слегка сплюснутой формы и с относительно гладкой поверхностью. По внешнему виду описанное образование (что подтверждено и микроскопическим исследованием) можно принять за отмершее плодовое яйцо не более 4-недельного развития. По вскрытии разрезом выделенного яйца в его полости ясных признаков зародыша обнаружить не удалось, водная и ворсистая оболочка достаточно хорошо выражена; последняя сильно утолщена и в одном отделе пропитана кровоизлиянием. Все яйцо носит признаки мацерации и некоторой отечности, представляя собой так называемый Мясистый закос (Mole carnosum). Выделившееся яйцо, вскрытое профессором Оттом, показано было лейб-хирургу Гиршу и госпоже Гюнст.

На основании всего вышеизложенного следует признать, что задержка в месячных кровях у Ея Величества была обусловлена произошедшим зачатием, причем беременность прекратилась в ранней стадии развития плодового яйца, а обмершее яйцо в качестве так называемого «запаса» оставалось в полости матки вплоть до его выделения из нея, произошедшее лишь 20 августа.

Помимо указанного нахождения в полости матки обмершего яйца на продолжительную задержку месячных отделений не могло не повлиять малокровие и связанное с ним нарушение обмена веществ в организме Ея Величества.

Петергоф августа 26 дня 1902 г. Лейб-акушер Двора Его Императорского Величества, профессор Дм. Отт. Лейб-хирург, Его Величества Доктор Медицины Гирш»⁴¹.

Этот документ находился на особом режиме хранения в архиве Министерства Императорского двора. Министр двора Фредерике, учитывая щекотливый характер «заболевания», предложил царю несколько вариантов хранения документации, связанной с событиями лета 1902 г. Николай II выбрал самый «закрытый» вариант, по которому все медицинские материалы должны были хранить в особом пакете, «не вскрывая»⁴².

Об этом эпизоде упоминала также великая княгиня Ксения Александровна в письме от 20 августа 1902 г.: «Сегодня утром у А.Ф. произошел маленький выкидыш (если только можно это назвать выкидышем!), т. е. просто вышло крошечное яйцо! Вчера вечером у нее были боли и ночью тоже, а утром все кончилось, когда эта история вышла! Теперь, наконец, можно будет объявить об этом и завтра в газетах появится бюллетень – с сообщением о том, что произошло. Наконец, найден единственный выход из этого грустного случая»⁴³.

В 1928 г. сам Д.О. Отт рассказывал об этой истории следующее: «Это была пятая беременность императрицы. Императрица переходила на два месяца тот срок, в который она, по ее расчетам, должна была родить. Чувствовала она себя хорошо, и я ее не осматривал, да и увидел я ее беременной впервые на седьмом месяце. Роды приближались, и меня пригласили жить в Петергофе. Поражал вид императрицы, фигура ничуть не изменилась, живот отсутствовал. Я ей указал на это и просил разрешения ее осмотреть. Она мне ответила: «Bleiben sie ruhig, das kind ist dahinten» (Будьте спокойны, ребенок там). Образ жизни она вела мало-подходящий, почти ежедневно часов в одиннадцать уезжала в Знаменку к великому князю Николаю Николаевичу и возвращалась часа в три ночи, но я не вмешивался. В один прекрасный день меня спешно зовут к императрице: она сидит взволнованная, на рубашке капли крови. Государь ходит по комнате, очень волнуется и просит ее осмотреть. Осмотр показал, что беременность была, но яйцо не развилось. Это то, что называется мясистый, или кровавый, закос. Благодаря кровотечению он вышел. Я объяснил, в чем дело. Государь просил меня спешно поехать к великому князю Владимиру Александровичу, где был весь двор на «целовании руки» по случаю бракосочетания Елены Владимировны, и поставить в известность министра Двора Фредерикса. Я это сделал. Фредерике спросил: «Quel est le mot d'ordre?» (Какие распоряжения?). Я сказал, что не знаю. Фредерике просил меня написать бюллетень. Я написал так, что всякий между строк мог понять, о чем шла речь. На другой день меня вновь вызывают во дворец. Там меня ждут Фредерике и личный врач императрицы доктор Гирш, немец, и дают читать глупо составленную бумажку. Я говорю, что это никуда не годится, что я иначе писал. Мне говорят, что государь приказал, чтобы я подписал эту бумажку. Ну я и подписал. Так появилось то извещение, которое всем известно»⁴⁴.

Как мы видим, вся «беременность» императрицы патронировалась «святым» Филиппом, который жил в имении великого князя Николая Николаевича Знаменка, и Александра Федоровна ежедневно его посещала. О Филиппе окружение царя знало очень немного, поскольку знакомство с ним не афишировалось. Великий князь Константин Константинович называл его в дневнике в августе 1901 г. «неким Филипповым, не то доктором, не то ученым, занимающимся прививкой и лечением различных болезней». Но спустя несколько дней он с ним знакомится лично: «Мы пили чай у Милицы и увидели его. Это небольшого роста, черноволосый, с черными усами человек лет 50, очень невзрачной наружности, с дурным южнофранцузским выговором»⁴⁵.

В действительности Филипп Низье-Вашо, уроженец Лиона, окончил только три курса медицинского факультета Лионского университета. Обнаружив у себя способности экстра-сенса, он оставил университет и начал специализироваться на лечении нервных болезней. Особенно часто его клиентами были женщины, и, как правило, весьма состоятельные. На этом поприще он приобрел весьма широкую известность. Но поскольку у него не было медицинского диплома, то Филиппа неоднократно привлекали к уголовной ответственности за незаконную медицинскую практику. Со временем он сумел обойти это препятствие, взяв к себе в качестве «компаньона» дипломированного врача.

В дневнике Николая II и переписке императорской четы его называют «нашим дорогим Другом». О степени влияния Филиппа на царя красноречиво говорит следующая запись в дневнике Николая II за июль 1902 г.: «Mr. Philippe говорил и поучал нас. Что за чудные часы!!!». Такой характер дневниковых записей царя довольно редок, так как Николай II отличался крайней скупостью на эмоции. Кроме этого, видимо, учитель вмешивался не только в личные дела царя. 22 июля 1902 г. императрица пишет царю, отбывавшему на яхте в Германию для встречи с императором Вильгельмом II: «Рядом с тобой будет наш дорогой друг, он поможет тебе отвечать на вопросы Вильгельма». Видимо, лето 1902 г., когда императорская чета ожидала появления на свет «чудесно» зачатого мальчика-наследника, было временем наибольшего влияния Филиппа. И вновь необходимо подчеркнуть, что это влияние начало принимать политический характер. Все это не могло не беспокоить ближайшее окружение царской семьи. О политической деятельности Филиппа упоминала также Н. Берберова в книге «Люди и ложи». Она писала: «В России оживилась деятельность «мартинистов» с помощью двух шарлатанов, Папюса и Филиппа»⁴⁶.

Среди окружения Николая II было достаточно широко известно, что царь легко соглашается с мнением последнего собеседника. Историк и политик П.Н. Милюков в «Воспоминаниях» даже пытался классифицировать эти влияния. В начале царствования на принятие решений влияли мать императора и его дядя, с 1901 г. начинается этап влияния «черногорок» и Филиппа, и «этот период ознаменовался столоверчением и переходом от Monsier Филиппа к собственным национальным юродивым, таким как фанатик Илиодор, идиотик Митя Козельский или – самый последний – сибирский «варнак» – Григорий Распутин, окончательно овладевший волей царя»⁴⁷. Об этом же пишет министр иностранных дел (1906–1910 гг.) А.П. Извольский: «Разве можно удивляться тому, что император мог попасть под влияние такого вульгарного проходимца, каким был известный Филипп, начавший свою карьеру в качестве мясника в Лионе, сделавшийся позже спиритом, гипнотизером и шарлатаном, который был осужден во Франции за различные мошенничества и кончил тем, что превратился в желанного гостя при русском Императорском дворе и сделался советником императрицы и императора не только по делам личного характера, но даже по делам большой государственной важности»⁴⁸. Все попытки ближайшего окружения царя (императрица Мария Федоровна, сестра царя Ксения, сестра императрицы Елизавета Федоровна) нейтрализовать влияние Филиппа были безуспешны. В этом контексте можно упомянуть, что, по мнению некоторых исследователей, издание С.А. Нилусом известных «Протоколов сионских мудрецов» связано с попытками императрицы Марии Федоровны, фрейлиной которой являлась Озерова (супруга С.А. Нилуса), дискредитировать представителя ложи мартинистов Филиппа⁴⁹.

Парадоксально, но и после замершей беременности императрица не утратила в него веры. В конце 1902 г. Филипп объявил ей, что она родит сына, если обратится к покровительству Св. Серафима Саровского. После этого Филипп уехал во Францию, где умер в 1905 г.

Несмотря на возражения обер-прокурора Синода КП. Победоносцева, Серафима Саровского срочно канонизировали. В июле 1903 г. царская семья, следуя совету Филиппа,

посетила Саровскую пустынь. После посещения села Дивеева (Саровской пустыни) императрица забеременела в шестой раз. Эта беременность закончилась благополучным рождением в июле 1904 г. цесаревича Алексея.

В переписке между царем и царицей за 1914–1916 гг. имя Филиппа неоднократно упоминалось с благоговением. Как позже вспоминала А.А. Вырубова: «Когда я только что ближе познакомилась с Ее Величеством, я была удивлена Ее мистическим рассказам про М. Philippe, который недавно умер». До конца жизни в царской семье бережно хранились, как святыни, подарки французского ясновидца. Вырубова упоминала: «У Их Величеств в спальне всегда стояла картонная рамка с засушенными цветами, данная им М. Philippe, которые, по его словам, были тронуты рукой самого Спасителя»⁵⁰.

Столь трепетное отношение к Филиппу объясняется тем, что Николай II и Александра Федоровна были абсолютно убеждены в том, что рождение цесаревича Алексея есть результат чудесного влияния экстрасенса. Об этом свидетельствует записка, написанная царем к одной из черногорок, Милице Николаевне, в день рождения долгожданного наследника: «Дорогая Милица! Не хватает слов, чтобы достаточно благодарить Господа за Его великую милость. Пожалуйста, передай каким-нибудь образом нашу благодарность и радость... Ему. Все случилось так скоро, что я до сих пор не понимаю, что произошло. Ребенок огромный, с черными волосами и голубыми глазами. Он наречен Алексеем. Господь со всеми вами. Ники»⁵¹. «Он» – это, безусловно, Филипп, и именно ему царь передавал «нашу благодарность и радость».

Таким образом, эпизод лета 1902 г. имел значительные политические последствия. Во-первых, подготовлена почва для появления нового «дорогого Друга». Во-вторых, царская семья созрела к различным «влияниям», замешанным на мистицизме. В-третьих, наметился разрыв царя, и особенно царицы, с Императорской фамилией. В-четвертых, за императрицей закрепилась репутация истерички с железной волей. Все это во многом подготовило стремительное падение авторитета Императорской фамилии и сравнительную легкость падения 300-летней династии Романовых.

Рождение цесаревича Алексея

Долгожданный цесаревич Алексей Николаевич родился 30 июля 1904 г. в Петергофе. Надо отметить, что царская семья еще в феврале 1904 г. окончательно покинула Зимний дворец, в котором они прожили около 9 лет, и переселилась в Царское Село.

В этот день Николай II писал в дневнике: «Незабвенный великий для нас день, в кот. так явно посетила нас милость Божья. В 1^{1/4} дня у Алике родился сын, кот. при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро – для меня, по крайней мере. Утром побывал как всегда у Мама, затем принял доклад Коковцова и раненного при Вафангоу арт. офицера Клепикова и пошел к Алике, чтобы завтракать. Она уже была наверху, и полчаса спустя произошло это счастливое событие. Нет слов, чтобы уметь достаточно благодарить Бога за ниспосланное нам утешение в эту годину трудных испытаний! Дорогая Алике чувствовала себя очень хорошо. Мама приехала в 2 часа и долго просидела со мною, до первого свидания с новым внуком. В 5 час. поехал к молебну с детьми, к кот. собралось все семейство. Писал массу телеграмм. Миша приехал из лагеря; он уверяет, что подал «в отставку». Обедал в спальне».

Императрица родила наследника очень легко – «за полчаса». В своей записной книжке она записала: «Вес 4660, длина 58, окружность головы 38, груди 39... в пятницу 30 июля в 1 ч. 15 м. пополудни»⁵². На следующий день, 1 августа, в газетах начали печататься бюллетени о состоянии здоровья императрицы и наследника. Всего вышло девять бюллетеней, которые публиковались в газетах с 1 по 8 августа 1904 г. В них отмечалось, что «состояние здоровья Наследника Цесаревича во всех отношениях удовлетворительно». Подчеркивалось, что императрица сама кормит грудью наследника. 8 августа в газетах было напечатано, что «кормление Наследника Цесаревича Самой Августейшей родительницей идет успешно». 1 августа 1904 г. был опубликован указ, по которому регентом «на случай кончины Нашей... до совершеннолетия Его, назначается Нами Любимый Брат Наш, Великий Князь Михаил Александрович». Крестником цесаревича стал германский император Вильгельм II⁵³. В день крещения наследника опубликован манифест с обычными милостями и льготами.

На фоне этой праздничной суеты царственных родителей снедало беспокойство, не покажутся ли тревожные признаки страшной болезни. Обычно в исследованиях, посвященных этой теме, пишется, что о гемофилии стало известно через пять недель после его рождения. 8 сентября 1904 г. царь записал в дневнике: «Алике и я были очень обеспокоены кровотечением у маленького Алексея, которое продолжалось с перерывами до вечера из пуповины... около 7 часов они наложили повязку»⁵⁴. Затем он на протяжении последующих трех дней с глубокой тревогой констатировал: «Утром опять на повязке была кровь; с 12 часов до вечера ничего не было»; «Сегодня целый день у Алексея не показывалась кровь; на сердце так и отлегла щемящая забота»; «Кончилось кровотечение уже двое суток».

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

Божією милостію,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

царь польскій и великій князь финляндскій,

и проч., и проч., и проч.,

объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Въ 30-й день сего іюля любезнѣйшая супруга Наша Государыня Александра Теодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ сына, нареченнаго Алексѣемъ. Приемля сіе радостное событіе какъ знаменованіе благодати Божіей, на Насъ и Имперію Нашу наливаемой, возносимъ вмѣстѣ съ вѣрными Нашими подданными горячія молитвы ко Всевышнему о благополучномъ возрастаніи и преуспѣяніи Нашего первороднаго сына, призываемаго быть наслѣдникомъ Богомъ врученной Намъ державы и Великаго Нашего служенія. Манифестомъ отъ 28 іюня 1899 года призвали мы любезнѣйшаго брата Нашего Великаго Князя Михаила Александровича къ наслѣдованію Намъ до рожденія у Насъ сына. Отнынѣ, въ силу основныхъ Государственныхъ законовъ Имперіи, сыну Нашему Алексѣю принадлежитъ высокое званіе и титулъ Наслѣдника Цесаревича со всѣми сопряженными съ нимъ правами.

Данъ въ Петергофѣ въ 30-й день іюля въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четвертое, царствованія же Нашего въ десятое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано

„НИКОЛАЙ“.

Манифест о рождении цесаревича Алексея

Вместе с тем ряд документов свидетельствует, что о гемофилии у наследника родители узнали буквально в день его рождения. Поскольку рождение наследника родители напрямую

связывали с магическим влиянием Филиппа, то у них не было секретов от великой княгини Милицы, которая поддерживала связь с экстрасенсом. Уже 1 августа 1904 г. Николай II писал ей: «Дорогая Милица. Пишу тебе со слов Алике: слава Богу день прошел спокойно. После перевязки в 12 часов и до 9 часов 30 мин вечера не было ни капли крови. Доктора надеются, что так будет продолжаться. Коровин остается на ночь. Федоров уезжает в город и вернется завтра. Он нам обоим чрезвычайно нравится! Маленькое «сокровище» удивительно спокойно, а когда ему делают перевязку, или оно спит, или лежит и смеется. У родителей теперь немного отлегло от сердца. Федоров говорит, что по приблизительному исчислению потеря крови за двое суток составляет от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{9}$ всего количества крови»⁵⁵.

Видимо, появление записи о кровотечении в дневнике царя за 8 сентября объясняется тем, что весь август родители надеялись, что кровотечение больше не повторится. Но после того как диагноз был окончательно поставлен, царь сделал эту страшную для него запись.

Таким образом, документально зафиксированы два кровотечения. Первое сразу же после родов и второе в начале сентября 1904 г., которое все расставило по местам. Рядом с наследником постоянно находился хирург С.П. Федоров, который «обоим чрезвычайно понравился» и «оставался во дворце двое с половиной суток безвыездно»⁵⁶. С этого времени болезнь наследника превращается в постоянно действующий дестабилизирующий политический фактор, обусловленный высокой степенью персонификации политической жизни самодержавной России.

Для императрицы свершившаяся трагедия становится очевидной. Поскольку она, видимо, неоднократно говорила на эту тему со своей старшей сестрой Ирэнной, то для нее уже тогда, в сентябре, совершенно очевидно было и бессилие медиков в борьбе против этой болезни. И хотя немедленно привлекаются лучшие врачи из Военно-медицинской академии, она уже тогда, в сентябре 1904 г., больше надеется на чудо, чем на медицинскую помощь. Об этих настроениях императрицы свидетельствует ее фраза в письме к царю от 15 сентября 1904 г., написанном в Петергофе: «Я уверена, что наш Друг оберегает тебя так же, как он берег маленького на прошлой неделе»⁵⁷.

Эта фраза знаменательна тем, что в ней уже прочитывается весь будущий сценарий трагедии этой семьи. «Друг» – это еще не Распутин, а Филипп, его сразу же уведомили о заболевании цесаревича, и надежда на помощь «Друга» в заботе о «маленьком» значительно больше, чем на помощь врачей. В ноябре 1904 г. наследнику вновь понадобилась медицинская помощь. Лекарский помощник Поляков сообщал, что хирург С.П. Федоров нанес «еще два визита».

Болезнь ребенка сразу же приобрела характер государственной тайны, и даже ближайшие родственники далеко не сразу узнали об этом страшном заболевании. О том, насколько тщательно оберегалась тайна, говорит то, что великий князь Константин Константинович только в январе 1909 г. записал в дневнике о наследнике: «У него болит нога, поговаривают, что это воспаление коленного сустава, но наверно не знаю»⁵⁸. Вероятно, эти безобидные слухи о «воспалении коленного сустава» сознательно распространялись для того, чтобы скрыть страшную правду о гемофилии. О «разнообразии» слухов, связанных с «диагностированием» заболевания цесаревича, свидетельствуют многочисленные мемуарные упоминания. В январе 1911 г. А.А. Бобринский записал в дневнике: «У наследника нечто вроде аппендицита на почве ошибочного доморощенного медицинского диагноза»⁵⁹. Впрочем, степень осведомленности столичного бомонда была разной. Удивителен разрыв в степени информированности различных людей во властной элите Петербурга. С одной стороны, уже в ноябре 1904 г. А.В. Богданович записала в дневнике: «Про наследника говорил сегодня Штюмер, что якобы у него есть одна болезнь, с которой он и родился, и что теперь один хирург находится неотлучно во дворце»⁶⁰, а с другой стороны, американский посол в России Дж. Мэрей

писал в конце 1916 г.: «Мы слышали много различного рода историй о состоянии наследника. Самой правдоподобной нам кажется версия о том, что у Алексея существуют какие-то трудности с кровообращением. Кровь как будто находится слишком близко от поверхности кожи»⁶¹.

А. Вырубова замечает в мемуарах, что «Их Величества скрывали болезнь Алексея Николаевича от всех, кроме самых близких родственников и друзей»⁶². Болезнь скрывали так тщательно, что, видимо, к этим «близким родственникам» не относилась даже сестра царя Ксения Александровна, которая узнала о заболевании племянника от своей сестры, великой княгини Ольги Александровны, только в марте 1912 г.: «В вагоне Ольга нам рассказала про свой разговор с ней»⁶³. Она в первый раз сказала, что у бедного маленького эта ужасная болезнь и от этого она сама больна и никогда окончательно не поправится»⁶⁴.

В царской семье росли еще четыре дочери, а поскольку именно женщины являлись носителями мутантного гена, то, естественно, возникал вопрос: не будут ли дочери так же несчастны, как их мать, родив неизлечимо больного ребенка? Старшая Ольга была уже невестой, но ей не торопились выбирать жениха. Впрочем, возможно, и женихи не торопились, хорошо представляя последствия гемофилии. Периодически назывались различные имена, от румынского принца до великого князя Дмитрия Павловича. Но все эти намерения остались только в планах. Не было ли здесь опасения за судьбы дочерей?

По свидетельству Й. Ворреса, великая княгиня Ольга Александровна была уверена, что ее племянницы являются носительницами мутантного гена. И если бы они вышли замуж, то передали бы эту болезнь своим детям. Она утверждала, что «у них бывали сильные кровотечения. Она вспоминала, какая поднялась паника в Царском Селе, когда великой княжне Марии Николаевне удаляли гланды. Доктор Скляров, которого великая княгиня представила императрице, рассчитывал, что предстоит обычная несложная операция. Но едва она началась, как у юной великой княжны обильно хлынула кровь... Несмотря на то, что кровотечение продолжалось, ему удалось успешно завершить операцию»⁶⁵.

Об этой тайне и порожденных ею слухах позже писали многие мемуаристы и историки. Отношение к этой ситуации среди них было разное. Промонархически настроенные авторы оправдывали действия царской семьи. Например, Е.Е. Алферьев в своей книге писал, что «по политическим и династическим соображениям, чтобы не давать возможность врагам России использовать болезнь Наследника в своих, преступных целях Они были *вынуждены ее скрывать*»⁶⁶. Историк С.С. Ольденбург в своей двухтомной истории царствования Николая II просто констатировал, что «болезнь наследника считалась государственной тайной, но толки о ней тем не менее были широко распространены»⁶⁷.

Критики династии отмечали катастрофические последствия закрытости царской семьи и бесперспективность этой позиции. Например, Феликс Юсупов отмечал, что «болезнь наследника старались скрыть. Скрыть до конца ее было нельзя, и скрытность только увеличивала всевозможные слухи, которые вообще порождались в обществе благодаря уединенной жизни государя»⁶⁸. Говорили о том, что Алексей умственно отсталый, эпилептик, что «будто бы нигилисты изувечили ребенка на борту императорской яхты»⁶⁹.

По впечатлениям П. Жильяра, который видел цесаревича в феврале 1906 г., он не производил впечатления больного ребенка: «У него был свежий и розовый цвет лица здорового ребенка, и когда он улыбался, на его круглых щеках вырисовывались две ямочки»⁷⁰. Многочисленные фотографии подтверждают это.

Не все так по-доброму воспринимали Алексея. На него смотрели не как на больного ребенка, а как на наследника огромной державы и будущего властителя. Многие задавались вопросом: а какое будущее ожидает их страну, когда во главе ее окажется калека? Эти настро-

ения отражены в воспоминаниях графини М. Клейнмихель: «Стали говорить, что ребенок слаб и недолговечен. Говорили, что у ребенка отсутствует покров кожи, отсутствие которого должно вызвать постоянные кровоизлияния, так что жизнь его могла угаснуть от самого незначительного недомогания... Благодаря тщательному уходу за ним, ребенок выжил, стал поправляться, хорошеть, был умен, но долго не мог ходить, и вид этого маленького существа, постоянно на руках у здорового казака, производил на народ удручающее впечатление... Этот маленький калека – в нем грядущее великой России?»⁷¹. Кроме этого монархистов заботила чрезмерная близость Распутина не только к императрице, но и к наследнику. М.В. Родзянко писал, что «не без основания, являлось опасение, что постоянная проповедь сектантства может оказать влияние на впечатлительную детскую душу... привьет его мирозозерцанию вредный мистицизм и может сделать из него в будущем нервного и неуравновешенного человека»⁷².

Первый серьезный кризис в развитии болезни произошел в конце 1907 г., когда цесаревичу уже было три с половиной года⁷³. Он в первый раз серьезно травмировал ногу. Как писал великий князь Александр Михайлович: «Трех лет от роду, играя в парке, цесаревич Алексей упал и получил ранение»⁷⁴. По свидетельству великой княгини Ольги Александровны, именно во время этого кризиса Распутин впервые стабилизировал положение больного ребенка. По ее словам, «от докторов не было совершенно никакого проку. Перепуганные больше нас, они все время перешептывались. По-видимому, они просто не могли ничего сделать». Она пишет, что только после появления Распутина, ситуация изменилась, и «малыш был не только жив, но и здоров»⁷⁵. А. Вырубова, коротко упомянув о кризисе 1907 г., ни словом не обмолвилась о вмешательстве Распутина, наоборот, она подчеркивала, что «когда осенью заболел наследник... Ничто не помогало ему, кроме ухода и забот его матери»⁷⁶.

Во время первого серьезного кризиса в состоянии здоровья цесаревича в Александровский дворец Царского Села впервые пригласили иностранного специалиста. Это был профессор ортопедии Берлинского университета доктор Альберт Гофф⁷⁷. Его приглашение стало, видимо, связано с первой и последней попыткой обратиться к опыту европейских специалистов. Поскольку больше их не приглашали, этот опыт оказался не особенно удачным. Впрочем, возможно, его консультации потребовались для квалифицированного заказа в Берлинском ортопедическом институте специальной кровати для больного цесаревича. Одно можно утверждать с уверенностью, что с 1907 г. для европейских медиков и политиков тайны заболевания русского цесаревича уже не существовало.

В марте 1908 г. очередная травма цесаревича стала поводом для переписки царя и императрицы Марии Федоровны. Алексей упал, ударился лбом, в результате чего на его лице появились страшные отеки. Императрица Мария Федоровна с беспокойством писала сыну из Лондона: «Я слышала, бедный маленький Алексей ударился лбом, и на лице появились такие отеки, что смотреть страшно, а глаза совсем закрылись»⁷⁸. Для того чтобы последствия травмы прошли, потребовалось три недели. В ответ Николай писал матери в Лондон: «Ты спрашиваешь про маленького Алексея – слава Богу, шишка и синяки у него прошли без следа. Он весел и здоров, как и его сестры»⁷⁹. Это были первые серьезные звонки, но далеко не последние.

Цесаревича Алексея несет на руках вахмистр Пилипенко. 1913 г.

Позже все они слились в некий тревожный фон, к которому царская семья привыкла и приспособилась, но не забывала о нем ни на минуту. Из документов мы узнаем об этих «незаметных» кризисах. О серьезности их говорит то, что хирург С.П. Федоров «в декабре (на рождество) 1908 г. был экстренно вызван из Москвы»⁸⁰ к цесаревичу.

В августе 1912 г. в Москве состоялось празднование 100-летия Бородинской битвы. Император очень хотел показать народу здорового наследника и хотя бы частично развеять те слухи, которые были с ним связаны, но очередное недомогание сделало это невозможным. Во время всех церемоний его носил на руках его дядька – боцман А.Е. Деревенько. Московский губернатор, в то время В.Ф. Джунковский, заметил: «Больно было видеть наследника в таком положении»⁸¹.

Крещение детей

Крещение родившегося ребенка являлось важной частью не только религиозной обрядности, но повседневной жизни. Понятия «крестный отец» или «крестная мать» в России никогда не были пустым звуком.

Крестильная рубашка Алексея

Процедура крещения ребенка – одна из отработанных придворных церемоний с четким, раз и навсегда определенным ритуалом. Естественно, на торжественную церемонию собиралось все наличное «семейство». Естественно, крещение обставлялось со всей возможной традиционной пышностью. Ребенка укладывали на подушку из золотой парчи и укрывали тяжелой золотой императорской мантией, подбитой горностаем. При этом крестильные рубашки потенциальных самодержцев, розовые у девочек и синие у мальчиков,

бережно сохранялись. До нас дошла крестильная рубашка цесаревича Алексея, окрещенного в Петергофе летом 1904 г.

Примечательно, что важность события прекрасно осознавалась, и саму процедуру крещения старались зафиксировать. Причем не только в камер-фурьерских журналах, но и изобразительными средствами. До нас дошли акварели придворного художника Михая Зичи, на которых он запечатлел процедуру крещения будущего Николая II в мае 1868 г. В архиве хранится официальный фотоальбом, посвященный крещению первой дочери Николая II Ольги в 1895 г.

Крестили через две недели после родов. Как правило, там, где случалось рожать матерям. Процедура крещения начиналась с торжественного шествия в храм. Если крещение происходило в домовых церквях, то это было торжественное шествие по дворцовым залам. Если же церковь находилась вне жилой резиденции – использовались парадные кареты. Золоченые кареты образовывали торжественный поезд, который конвоировали гвардейцы. Поскольку Александр II родился в Москве, то и обряд крещения над ним совершался также в Москве, в церкви Чудова монастыря. Примечательно, что восприемница младенца вдовствующая императрица Мария Федоровна, следуя примеру матери Петра Великого, положила младенца на раку, где находились нетленные мощи Св. Алексия, митрополита Московского.

Родителей, конечно, волновало состояние здоровья младенца, как бы его не простудили и не уронили во время церемонии. Тем более, что по традиции мать ребенка не присутствовала на крещении. Спокойствие ребенка во время процедуры крещения воспринималось как благоприятный знак в его судьбе. Примечательно, что у высочайших родильниц периодически отмечались психозы, описанные сегодня в медицинской литературе. В мае 1857 г., когда крестили Сергея Александровича, императрица Мария Александровна поделилась со своей фрейлиной опасениями, что младенца «утопят или задушат во время крестин»⁸².

Матери получали подарки по случаю крещения своих детей. В апреле 1875 г. при крещении великой княжны Ксении Александровны ее мать, цесаревна Мария Федоровна, получила от Александра II две крупные жемчужины в серьгах⁸³.

Во время процедуры крещения младенца на руках несла статс-дама, которую страховали «ассистенты». Некоторым из статс-дам удавалось принять участие в крещении двух императоров. В 1796 г. будущего Николая I на руках несла статс-дама Шарлотта Карловна Ливен, которую сопровождали обер-шталмейстер Л.А. Нарышкин¹ и граф Н.И. Салтыков⁸⁴. Через 22 года, когда в Москве 5 мая 1818 г. крестили будущего Александра II, та же Шарлотта Ливен внесла в храм на своих руках будущего императора. Надо заметить, что статс-дамы в полной мере понимали свою ответственность. Поскольку они, как правило, были уже пожилыми женщинами, то, страхуясь, они прибегали к различным ухищрениям. Например, когда в 1904 г. крестили сына Николая II, статс-дама Голицына несла подушку из золотой материи, на которой лежал ребенок, прикрепив ее к своим плечам широкой золотой лентой. Кроме этого, к своим парадным туфлям она приказала приклеить каучуковые подошвы, чтобы не поскользнуться. При этом ее поддерживали под руки церемониймейстер А.С. Долгорукий и граф П.К. Бенкендорф⁸⁵.

Немаловажной частью процедуры крещения был подбор крестных матерей и отцов. Как правило, этот вопрос решался не только с учетом дворцовых раскладов, но и высокой политики. Приглашение в крестные являлось знаком не только хороших личных отношений, но и демонстрировало прочность политических отношений. В 1818 г. восприемниками будущего императора Александра II стали сам Александр I, вдовствующая импера-

---

¹ Нарышкин Лев Александрович (1733–1799) – обер-шталмейстер. Службу начал в лейб-гвардии Преображенском полку. С 1751 г. – камер-юнкер, с 1756 г. – камергер. В день коронации Екатерины II 22 сентября 1762 г. пожалован в обер-шталмейстеры.

трица Мария Федоровна и дед по матери Фридрих-Вильгельм III, король Прусский. В 1857 г. воспитанниками родившегося великого князя Сергея Александровича были старший брат цесаревич Николай Александрович, великая княгиня Екатерина Михайловна⁸⁶, великий герцог Гессенский Людвиг III и вдовствующая королева Нидерландов Анна Павловна. В 1904 г. в число многих крестных матерей цесаревича Алексея входила его старшая сестра – 9-летняя Ольга. Поскольку Алексей – единственный сын российского монарха, то у него были «серьезные» крестные отцы – король Англии Георг V и германский император Вильгельм II, датский король Христиан IX и великий князь Алексей Александрович.

В процедуре крещения участвовали старшие братья и сестры новорожденного. Для детей это становилось важным опытом участия в торжественных дворцовых церемониях. К ним готовились, особенно девочки. Одна из дочерей Николая I вспоминала, как они готовились к крестинам Константина Николаевича, родившегося в сентябре 1827 г.: «К крестинам нам завили локоны, надели платья – декольте, белые туфли и Екатерининские ленты через плечо. Мы находили себя очень эффектными и внушающими уважение. Но – о разочарование! – когда Папа увидел нас издали, он воскликнул: «Что за обезьяны! Сейчас же снять ленты и прочие украшения!» Мы были очень опечалены»⁸⁷.

Немаловажной частью обряда крещения было возложение на младенца «статусных» орденов. По традиции в конце церковной службы императору на золотом блюде подносился орден Св. Андрея Первозванного, который он возлагал на новорожденного. Кроме этого ордена младенец «награждался» орденами Св. Александра Невского, Белого Орла, а также высшей степенью орденов Св. Анны и Станислава, производился в прапорщики и зачислялся в один из лейб-гвардейских полков. Девочки при крещении получали знаки ордена Св. Екатерины. Завершался обряд крещения вечерним торжественным обедом и иногда иллюминацией.

Кортеж в день крещения цесаревича Алексея 11 августа 1904 г. Шествие от Нижней дачи к Большому Петергофскому дворцу

День крещения цесаревича Алексея 11 августа 1904 г. Прибытие имп. Марии Федоровны

День крещения цесаревича Алексея 11 августа 1904 г. Прибытие новорожденного

Кортеж в день крещения цесаревича Алексея 11 августа 1904 г. Шествие к Нижней даче от Большого Петергофского дворца

Когда в 1840-х гг. начали появляться дети у будущего Александра II, обряд их крещения повторился до деталей. Первая дочь Александра II родилась 19 августа 1842 г. 30 августа состоялся обряд ее крещения в церкви Большого Екатерининского дворца Царского Села. Нести новорожденного по статусу полагалось первой придворной даме, которой тогда была статс-дама княгиня Е.В. Салтыкова. Согласно требованиям церемониала, на ней было «русское» придворное платье, кокошник с нашитыми на него бриллиантами, перекрытый фатой. По традиции, новорожденную положили на парчовую подушку, которую держала в руках статс-дама, и покрыли парчовым покрывалом, прикрепленным на плечах и груди графини. Подушку и покрывало придерживали двое знатных придворных.

Примечательно, что на процедуре крещения, но за ширмами, присутствовали также лица, которые обеспечивали «техническую сторону» происходящего на случаи различных «детских неожиданностей»: англичанка-бонна, кормилица и акушерка. Как упоминала мемуаристка, акушерка была в дорогом шелковом платье и блондовом чепце, украшенная бриллиантовым фермуаром² и серьгами⁸⁸. Традиция присутствия при крещении «технического персонала» сложилась значительно раньше. Николай I, описывая свое крещение, упоминает, что «во время церемонии крещения вся женская прислуга была одета в фижмы и платья с корсетами, не исключая даже кормилицы. Представьте себе странную фигуру простой русской крестьянки из окрестностей Петербурга в фижмах, в корсете до удушия. Тем не менее это находили необходимым. Лишь только отец мой, при рождении Михаила, освободил этих несчастных от этой смешной пытки»⁸⁹. Однако присутствие няни на церемонии крещения было обязательным, поскольку только профессиональная няня могла нейтрализовать «неожиданности» со стороны младенца. Аристократки такой «квалификацией» не обладали, да и не по статусу это было...

Няня-англичанка детей Николая II описывает в воспоминаниях, как она присутствовала в качестве «технического персонала» на крестинах двухнедельной Марии Николаевны в 1899 г. в домовая церкви Большого Петергофского дворца. По ее воспоминаниям, торжественная церемония продолжалась более двух часов. Няню провели в служебные помещения рядом с церковью, причем один из священников проконсультировался у няни, спросив, какой температуры должна быть вода в купели для великой княжны. Мемуаристка указывает, что родители не участвовали в процедуре крещения, а Мария Николаевна была одета в крестильную рубашку, в которой в мае 1868 г. крестили самого Николая II.

Примечательно, что хотя процедура крещения совершалась со всей положенной pompой, но певчие в этом случае пели очень тихо, чтобы не испугать младенца⁹⁰.

Крещение будущего Александра III состоялось 13 марта 1845 г. в Большой церкви Зимнего дворца. Поскольку гофмейстрина цесаревны княгиня Е.В. Салтыкова была больна, то младенца несла на подушке статс-дама М.Д. Нессельроде, по сторонам ее шли, поддерживая подушку и покрывало, два знатнейших сановника Империи: генерал-фельдмаршал князь Варшавский Паскевич-Эриванский и статс-секретарь граф Нессельроде, возведенный в этот же день в звание государственного канцлера⁹¹.

Крещение будущего Николая II состоялось 20 мая 1868 г. в Большой церкви Зимнего дворца. Судя по акварели М. Зичи, в этой процедуре самое активное участие принимал дедушка, Александр II, который, как и все остальные, отчетливо понимал, что совершается крещение не просто его первого внука, но, возможно, будущего императора. На акварели

---

² Фермуар (от фр. *fermoir*) – в данном контексте ожерелье с такой застежкой.

изображены четыре сцены крещения, и на двух из них Александр II держит своего внука на руках. Примечательно, что во время крещения в качестве ассистентов статс-дамы выступали два императора – Александр II и отец – великий князь Александр Александрович (будущий) Александр III. То, что отец, нарушая традиции, принимал активное участие в крещении, видимо, было связано с важностью происходящего. Два императора, действующий и потенциальный, держали на руках своего очередного преемника, укрепляя фундамент его легитимности.

М. Зичи. Крещение вел. кн. Николая Александровича. 1868 г.

Современник описал это событие следующим образом: «Крестины новорожденного происходили 20 мая в Царском Селе с особенной торжественностью. При церемониальном шествии через все залы Большого Царскосельского дворца в церковь дворцовую новорожденного несла гофмейстрина княгиня Куракина, поддерживаемая с одной стороны государственным канцлером князем Горчаковым, с другой – фельдмаршалом князем Барятинским (поддержка не очень надежная, так как оба сановника сами плохо держались на ногах). Восприемниками были Государь и великая княгиня Елена Павловна, а, кроме того, заочными – королева и наследный принц Датские»⁹².

Примечательно, что и в 1845 г., и в 1868 г. в крещении будущих императоров принимали участие главы внешнеполитического ведомства (граф Нессельроде и князь Горчаков) и два фельдмаршала (генерал-фельдмаршал князь Варшавский Паскевич-Эриванский и фельдмаршал князь Барятинский).

Совершенно очевидно, что это не было случайностью, это отчетливый «след» соблюдения традиции «прежних лет».

Впоследствии, в августе 1904 г., Николай II в день крещения своего сына Алексея записал в дневнике: «11-го августа. Среда. Знаменательный день крещения нашего дорогого сына». Конечно, и факт рождения, и крещения первенца для любого монарха был «знаменательным», поскольку «перекидывал мостик» к следующему царствованию. Процедура кре-

щения цесаревича отличалась от процедуры крещения его сестер только несколько большей пышностью. Карету с младенцем везли 8 лошадей, а не 6, как у его сестер. Этим все статусные различия и ограничивались.

По традиции, процедура крещения завершалась большим обедом, на котором присутствовали особы первых трех классов. В 1857 г. после крещения великого князя Сергея Александровича на «трехклассном обеде» присутствовало 800 человек.

Конечно, во время ответственной и многолюдной процедуры крещения не обходилось без суеты и накладок. Во время крещения Анастасии, четвертой дочери Николая II, при подготовке торжества «отстали от графика», и золотая карета, в которой находилась княгиня Голицына с ребенком и ее ассистенты, буквально неслась по улицам. «Золотая же карета, которая обычно употребляется для этой церемонии, – старой конструкции, поэтому бока у обоих стариков были сильно помяты»⁹³.

Воспитание высокородных детей

Родители во все времена старались дать детям лучшее, в первую очередь здоровье, образование и воспитание. Огромное значение «дошкольному» воспитательному процессу придавалось и в императорской семье. Все совершенно отчетливо понимали, что со временем эти мальчики будут управлять огромной империей, а девочки станут женами владельцев персон.

Кормилицы и педиатры при императорской семье

С рождения у детей постепенно формировался *собственный штат*, отвечавший за их здоровье и благополучие.

Фундамент здоровья детей закладывался вскармливанием. Высокородные матери своих детей, конечно, не кормили. Кормилиц подбирали очень тщательно. Как правило, это были крестьянки из деревень. Ответственность за подбор кормилиц и состояние их здоровья целиком лежала на придворных медиках. Поскольку детей в царской семье рождалось много, то и кормилиц требовалось много. Поэтому императрица Мария Федоровна внимательно заботилась не только о санитарном состоянии пригородных резиденций, но и близлежащих деревень, которые были «рассадником кормилиц для царских и городских детей». Например, под Павловском таким «рассадником» кормилиц стала деревня Федоровская. Лейб-медик Рюль отмечал, что в деревне народ был «трезвый, здоровый, постоя никогда не было, а все знают, что постоя войск портит женщин и нравственно»⁹⁴.

Подбор кормилиц «из народа» имел еще одну очень важную сторону – политическую. То, что российского⁹⁵ императора вскармливала простая русская крестьянка и у царя имелись молочные братья и сестры из крестьянской среды, было очень важным кирпичиком в фундаменте неразрывно-мистической связи царя и народа.

Имена кормилиц оставались в истории. Для самих кормилиц, кроме статуса, наверное, была очень важна пожизненная пенсия и денежные подарки к тезоименитству, Рождеству и Пасхе.

Кормилицей Николая I стала красносельская крестьянка Ефросинья Ершова. История «взаимоотношений» Николая I и кормилицы с ее детьми продолжалась с 1796 по 1853 г., то есть 57 лет, фактически всю жизнь императора. История этих «взаимоотношений» реконструируется по «Гардеробным суммам» Николая I.

Николай I родился 25 июня 1796 г. Ему сразу же подобрали кормилицу, положив ей жалованье в 800 руб. в год. Жалованье кормилице выплачивалось «по третям», то есть раз в три месяца. 16 февраля 1797 г. кормилица Ефросинья Ершова получила 200 руб. Естественно, она была неграмотна, и в «ведомости» за нее расписалась няня Сеницына⁹⁶. Кормила императора Ефросинья около года, по крайней мере, в сентябре 1797 г. она, «по повелению императрицы», получала «положенный пансион, принадлежащий ей за прошедшие полгода, считая с марта по 1 сентября 300 руб.»⁹⁷.

Пенсию в 800 руб. в год Ефросинье Ершовой установили в размере жалованья, и она получала ее, так же как и жалованье, по 200 руб. каждые три месяца⁹⁸.

В декабре 1797 г. у Николая I появилась молочная сестра, поскольку по ведомости кормилице выдали «за окрещение у ней младенца 100 руб.». В 1803 г. кормилица получила еще 100 руб., также «за крещение у нее младенца». Наверняка у Ефросиньи Ершовой и до 1896 г. был, по крайней мере, один ребенок, но молочными сестрами Николая I считались только дети кормилицы (Авдотья и Анна), рожденные в 1797 и 1803 гг. Позже у кормилицы родился сын Николай, его также зачислили в молочные братья царя.

Царская кормилица

Умерла кормилица Николая I, видимо, в 1832 г., поскольку к Новому 1833 году «детям умершей кормилицы Авдотье и Анне» выплатили «поздравление с Новым годом – 50 руб.»⁹⁹. С 1833 г. начинаются «отношения» Николая I с молочными сестрами. В бухгалтерских документах они так и назывались – «дочери умершей кормилицы». Примечательно, что деньги им выплачивались по четко фиксированным поводам и только в случае их личной «явки» во дворец. Дочери кормилицы являлись в «свои дни», «как часы», а молочный брат царя только изредка. «Свои» 25 руб. за поздравление с Новым годом он получил единственный раз в 1837 г.

Поводы к выплате денег были следующие. Во-первых, «именинные» самих молочных сестер Авдотьи и Анны. 1 марта 1833 г. Авдотье выделили 25 руб. «именинных». Во-вторых, это ежегодные поздравления императора с Новым годом. В 1835 г. дочерям «умершей кормилицы» за «счастье поздравить» Николая I с Новым годом выплатили 50 руб. на двоих. В-третьих, это поздравление императора на Пасху «Тариф» был стандартный – 50 руб. на двоих. В-четвертых, поздравление Николая I с днем рождения и, в-пятых, в декабре поздравления с тезоименитством. Таким образом сестры «снимали» с императора ежегодно по 125 руб. каждая. Без сомнения, для крестьянской семьи такой гарантированный доход являлся очень важным. Кроме этого молочные сестры императора занимали особое место в крестьянской общине, да и местные власти к ним относились весьма бережно.

Когда в России, начале 1840-х гг. ассигнации пересчитали на серебро, то пересчитали и деньги дочерей «умершей кормилицы». Анна и Авдотья стали «за поздравления» получать 14 руб. 28 $\frac{4}{7}$ коп. на двоих.

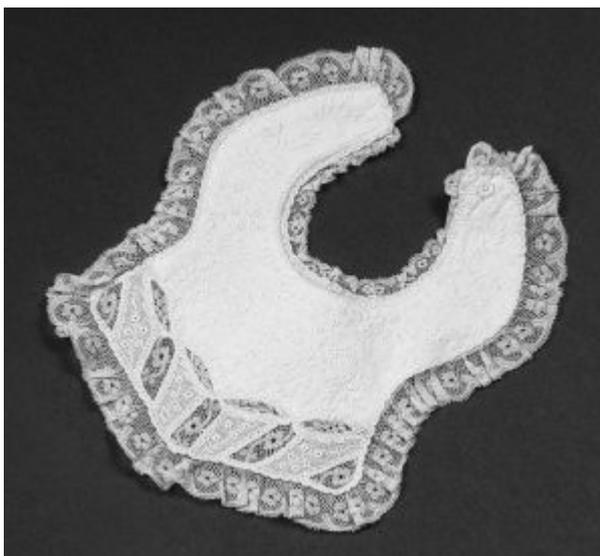

Спальня Ники в Аничковом дворце

В 1844 г. число крестьянских «родственников» Николая I увеличилось в связи с тем, что он стал крестным отцом родившегося у Анны сына. Анна Ершова, по мужу Горохова, в награду «по случаю соизволения Его Величества о восприятии от имени Его Величества от купели новокрещенного ее сына Алексея» получила очень приличную сумму в 28 руб. 58 коп.¹⁰⁰

Иногда по какой-то житейской причине «на поздравления» являлась только одна из сестер и, согласно «железным правилам», она получала только «свои» деньги. На тезоименитство в декабре 1853 г. явилась только Анна Ершова и поэтому она получила только 7 руб. 15 коп. Эти деньги стали последней выплатой Николая I семье кормилицы Ефросиньи Ершовой.

Следует отметить, что у кормилиц со времен Николая I появилась своя «форма одежды». До 1798 г. «форма» кормилиц включала в себя «парадный» и «повседневный» варианты. «Парадный» вариант одевался на торжественные мероприятия, где предполагалось присутствие царственного младенца. В этом случае кормилицы-крестьянки надевали совершенно непривычные для них фижмы и корсеты.

Нагрудники детские. 1900-е гг.

При рождении Михаила, последнего сына Павла I, эта традиция была ликвидирована. «Повседневный» вариант предполагал роскошный русский традиционный сарафан с кокошником. Эта «форма» соблюдалась при Дворе вплоть до 1917 г. Поскольку «русские» сарафаны были дорогими и шились на средства казны, то их продолжали хранить во дворце как реликвию даже после того, как дети вырастали. В Александровском дворце Царского Села, на втором этаже детской половины, в коридоре вдоль стен стояли шкафы с одеждой царских детей. Там, в шкафу № 1, хранились все костюмы кормилиц детей Николая II.

О кормилицах других императоров известно значительно меньше. Кормилицей Александра III была крестьянка села Пулково Царскосельского уезда Екатерина Лужникова. «По примеру прежних лет» по отнятии Александра от груди ей пожалована пожизненная пенсия в 100 руб. в год, сверх которой она ежегодно получала денежные выдачи в упомянутые выше праздники.

Платье для младенца. 1900-е гг.

Мемуаристы упоминали, как к Александру III по «своим дням» приходила его престарелая кормилица: «Она неизменно являлась в своем наряде и отношения к ней государя были трогательны»¹⁰¹.

В 1847 г. в Петергофе проводил свое первое лето Владимир, младший брат Александра III, которому тогда было несколько месяцев. Один из воспитателей писал родителям, что его «кормилица здоровая женщина, но для поддержания ее здоровья в надлежащем равновесии, на будущее время надо, чтобы она делала еще больше движения, о чем я говорил и няне, и доктору»¹⁰², что «обе няни опрятные в своем деле женщины, чрезвычайно усердны и рачительны к своему делу. Мамка тихая, а главное, здоровая женщина»¹⁰³.

Интересен вопрос об организации *педиатрической службы* при Императорском дворе, тем более, что во всех императорских семьях на протяжении XIX в. дети умирали от тех или иных заболеваний. Например, умерли в детском возрасте обе дочери Александра I, в семье Николая I – 18-летняя дочь, в семье Александра II – дочь и сын, в семье Александра III – два сына.

За здоровьем детей медики, конечно, наблюдали всегда. Медиков в обязательном порядке включали в штат всех царских детей. При рождении Николая I к нему в штат были определены: лейб-медик И.Ф. Бек с годовым жалованьем в 500 руб.; придворный аптекарь Гетьман с жалованьем в 100 руб.; придворный лекарь Эблинг (100 руб.) и зубной лекарь Понгиарт. Следует заметить, что Бек обладал значительным опытом службы при Дворе,

поскольку еще в 1773 г. его назначили гофхирургом к будущему Павлу I. В ноябре 1786 г. И.Ф. Бека назначили врачом при великих князьях и княжнах. Примерно по этой же схеме медики включались в штат и других царских детей.

В середине 1870-х гг. при Императорском дворе сформировалась специализированная педиатрическая служба. С 1876 по 1915 г. ее возглавлял Карл Андреевич Раухфус, который первым получил должность лейб-педиатра.

Особое внимание с учетом изменившегося уровня медицинских знаний уделялось здоровью детей в семье Николая II. Особенно опекали больного царевича Алексея. Поскольку все, что было связано с рождением и ростом наследника Алексея, имело важное государственное значение, то и подбор кормилиц для него считался важным государственным делом.

И.Н. Крамской. Портрет доктора К.А. Раухфуса. 1887 г.

В августе 1896 г. должность врача при детях Николая II занял почетный лейб-педиатр доктор И.П. Коровин. До этого он с 1877 г. состоял при детях великого князя Владимира Александровича, получая жалованье в 1800 руб. в год. Любопытно, что при назначении его врачом царских детей жалованье существенно уменьшили – до 1500 руб. в год. И только в 1899 г., после рождения третьей дочери в семье царя, ему увеличили жалованье до 3000 руб. в год. В декабре 1902 г. высочайшим указом постановили уже пожилому «доктору медицины, действительному статскому советнику Ивану Коровину выдавать пожизненно по три тысячи рублей в год из Кабинета Его Величества... безразлично, будет ли доктор Коровин состоять на службе или выйдет в отставку а равно будет ли он продолжать пользоваться Августейших детей или нет»¹⁰⁴. После рождения в 1904 г. Алексея содержание доктора вновь увеличили до 4500 руб. «ввиду того, что лейб-педиатр Коровин был приглашаем весьма часто, иногда ежедневно для пользования Наследника Цесаревича, со дня рождения»¹⁰⁵.

Шли годы, и с сентября 1907 г. лечение наследника и дочерей было возложено на профессора Симановского и старшего врача Николаевского кадетского корпуса доктора меди-

цины Острогорского. 25 августа 1908 г. императрица, отдохавшая в финских шхерах на борту яхты «Штандарт», получила телеграмму в которой сообщалось, что «лейб-педиатр доктор Коровин скончался сегодня утром» в своей квартире. Надо заметить, что его вдова получила достаточно приличное содержание из различных источников: за мужа из Военно-медицинского управления – 423 руб.; из эмиральской кассы – 860 руб.; из Кабинета Его Величества – 1500 руб.; из сумм августейших детей – 500 руб. Всего 3283 руб. в год.

Кормилиц к наследнику подбирали в «Приюте кормилиц и грудных детей С.С. Защегринской». Еще в июле 1904 г. акушерка София Сергеевна Защегринская отправилась, по традиции, в глубинку, в Тверскую губернию, на поиски здоровых кормилиц. Об объеме проделанной ею работы говорит то, что она объездила 108 деревень Новоторжковского уезда, где отобрала четырех кормилиц. Поскольку она забирала их в Петербург в период страды, то ей пришлось выплатить семьям кормилиц по 15 руб. для найма работниц, которые должны были заменить их. По приезде, несмотря на жесткий первичный отбор, двоих отправили обратно после осмотра их доктором Коровиным и профессором Д.О. Оттом. Был проведен тщательный медицинский осмотр кормилиц, сделаны анализы мочи и молока. Отобранными кормилицам установили содержание в 150 руб. Став кормилицами, они обеспечили свое будущее, поскольку, по традиции, первая кормилица, пользовалась покровительством царской семьи на протяжении всей своей жизни.

Императрица Александра Федоровна *сама начала кормить своего сына*, но основная нагрузка легла на отобранных кормилиц. Ими последовательно были: Александра Негодова-Крот (30 июля – 19 октября 1904 г.); Наталья Зиновьева (19 октября – 20 ноября 1904 г.); Мария Кошелькова (28 ноября – 3 января 1905 г.); Дарья Иванова (с 8 января 1905 г.).

Следует подчеркнуть, что Николай II гордился тем, что его жена сама кормит единственного сына. Конечно, это не было полноценным кормлением, скорее, это было просто прикладывание к груди, но тем не менее...

Следует иметь в виду то, что кормление грудью при Императорском дворе имело свою историю. Общеизвестно, что в аристократической среде не в обычае было матерям самим кормить детей грудью. Первой такое желание в 1842 г. выразила жена цесаревича Александра – цесаревна Мария Александровна. Однако это желание настолько выбивалось из традиций, что цесаревич Александр Николаевич решительно воспротивился этому¹⁰⁶. «Пионером» в деле кормления своих детей стала великая княгиня Мария Павловна, жена великого князя

Владимира Александровича. Еще в августе 1875 г. Михень сама стала кормить своего новорожденного сына – великого князя Александра Владимировича. Это явилось маленькой сенсацией, и об этом говорили в гостиных. По крайней мере, даже 18-летний Сергей Александрович отметил в дневнике (21 августа 1875 г.), что «Михень сама кормит своего сына»¹⁰⁷. Императрица Мария Федоровна ни на йоту не отступала от традиций в воспитании детей, поэтому ни о каком кормлении грудью не было и речи. В результате жена Николая II стала первой российской императрицей, которая кормила грудью своих детей.

Подбор кормилиц был не только очень престижным, но и хлопотным и дорогим делом. В связи с жестким контролем за состоянием молока профессор Отт требовал от Защегринской все новых и новых кормилиц. В ноябре «при дурной погоде и дороге» ей пришлось объехать деревни Царскосельского, Лужского, Петергофского уездов. Из этой поездки было привезено пять кормилиц, из них четырех медики забраковали. Как пишет Защегринская, «по желанию доктора Коровина вторично поехала на поиски кормилицы в Псковскую губернию», откуда было привезено еще четыре кормилицы. После трех осмотров кормилиц и их детей отобрали двоих. Но доктора продолжали требовать «как можно больше кормилиц», поэтому уже в декабре 1904 г. она вновь привозит еще 11 кормилиц из деревень, расположенных в пригородах Петербурга, из них отобрали «для наблюдений» четыре кормилицы.

В конце декабря 1904 г. Защегринская отправляет камер-фрау императрицы М.Ф. Герингер письмо, в котором подробно перечисляет и описывает все свои труды по подбору кормилиц для цесаревича и подчеркивает, что оплата ее трудов не соответствует расходам. И констатирует, что «дошла до того, что заложила свой приют и потеряла здоровье», что «доктор Раухфус последнюю поездку назвал подвигом»¹⁰⁸. Любопытно, что проблемы с кормилицами Защегринская связывала с политической ситуацией в стране: «В неудаче кормилиц... виною время... если бы Вы знали. Что делается по деревням... какое горе переживает народ, когда берут из запаса на войну»¹⁰⁹... я прямо даже удивилась, что я нашла 10 человек». В своем следующем письме на имя личного секретаря императрицы графа Я.Н. Ростовцева в январе 1905 г. она упоминает, в чем заключались, собственно, проблемы с кормилицами. Первая кормилица цесаревича Александра Негодова-Крот замужем в середине октября 1904 г. «вследствие зажирения молока»¹¹⁰. За все труды Защегринской заплатили 500 руб., но она представила подробную калькуляцию своих расходов, заявив, что «это вознаграждение решительно не соответствует тем трудам и лишениям в поездках», и напористо потребовала по 500 руб. за каждую отобранную кормилицу. В этот же день ее требования были доложены императрице, которая распорядилась выплатить требуемые деньги. Всего поиски и оплата труда кормилиц обошлись казне (с июля 1904 г. по январь 1905 г.) в 5291 руб. 15 коп.¹¹¹

По традиции, покровительство первой кормилице со стороны царской семьи продолжалось годами. Ко времени рождения наследника в многодетной царской семье было уже несколько таких кормилиц. И сложились определенные традиции их оплаты. Великую княжну Ольгу Николаевну выкормила Ксения Воронцова. Императрица периодически кормила Ольгу сама, но во время обеда ее отсасывал сын кормилицы. Как писала Ксения Александровна: «Кормилица стояла рядом, очень довольная». Ей установили пожизненную пенсию в 132 руб. в год и произвели единовременную выплату в 835 руб. Всем последующим кормилицам устанавливались такие же пенсии, но размеры единовременных выплат были различными, кроме этого им доплачивались «прибавочные деньги»¹¹².

Сведений о кормилицах сохранилось немного. Например, Ксения Антоновна Воронцова, дочь крестьянина, стала кормилицей в 22 года и находилась на этом месте с 4 ноября 1895 г. по 8 августа 1896 г. После окончания службы ее мужа назначили продавцом в казенную винную лавку. В 1901 г. сам император Николай II становится крестником ее ребенка. Примечательно, что роды бывшей кормилицы проходили в петергофском Дворцовом госпитале¹¹³.

Говоря о крестниках императора, надо заметить, что существовала определенная процедура отбора младенцев. Сначала родители подавали просьбу на имя министра Императорского двора, ее докладывали царю, а уже затем он принимал участие в крестинах. Царь, по свидетельству мемуаристов, чрезвычайно редко отказывал, считая поощрение чадлюбия своим долгом.

Да он и сам был многодетным любящим отцом. При этом родители младенца могли рассчитывать и на определенные выгоды: подарок матери ребенка, воспитание и обучения ребенка за государственный счет, возможная служба по Министерству Императорского двора¹¹⁴.

Характерным примером традиционной связи царской семьи с первыми кормилицами была судьба Александры Негодовой-Крот. Поскольку крестьянка Каменец-Подольской губернии Винницкого уезда Александра Негодова-Крот кормила наследника только около трех месяцев, то ей определили неполную пенсию в 100 руб. в год. Кроме этого каждой из кормилиц по традиции собиралось весьма солидное «приданое». Для Негодовой-Крот приобрели вещи более чем на тысячу рублей: кровать, две подушки, сорок аршин полотна, серебряные часы, полотенца и совершенно необходимый в деревне зонтик. Всего на одежду

и «приклад» для гардероба пяти кормилиц и их детей потратили только по одному из счетов почти две тысячи рублей¹¹⁵.

Все последующие годы Негодова-Крот регулярно обращалась к императрице с различными просьбами. Например, в 1905 г. она просит устроить своего мужа в дворцовую полицию. В 1908 г. по ее ходатайству Филиппу Негодову-Крот предоставили место сидельца в казенной винной лавке первого разряда в Петербурге в связи с болезнью ног. Для решения этого вопроса императрица через своего секретаря обращалась к министру финансов. Позже, учитывая Высочайшее покровительство этой семье, Министерство финансов закрывает глаза на крупную недостачу в 700 руб. в винной лавке в 1911 г. В 1913 г. дочь Негодовой-Крот поместили в Петровскую женскую гимназию, и плату за ее обучение, 100 руб. в год, императрица принимает на себя.

В октябре 1913 г. министр финансов направил императрице сообщение, в котором информировал ее, что муж кормилицы пропал без вести, похитив из кассы лавки 1213 руб. казенных денег. Он добавляет в конце документа, что не имеет в виду «возбудить против Негодова-Крот уголовного преследования»¹¹⁶. Несмотря на этот скандал, уже в ноябре 1913 г. императрица удовлетворяет очередное прошение кормилицы цесаревича об определении ее детей, Марии 11 лет и Олега 9 лет, в приют принца Ольденбургского на полное содержание. Кроме этого, в нарушение всех правил и инструкций помогает в назначении неграмотной кормилицы на место продавца в винной лавке и вносит за нее залог в 900 руб. В феврале 1914 г. беглый муж возвращается к жене и тут же пишет письмо секретарю императрицы графу Ростовцеву, в котором просит прощения «за сделанный мною поступок... расстроенный и убитый горем совестью», просит разрешения «занять должность помощника моей жены в казенной винной лавке». Как ни странно, но его просьбу удовлетворили. Из архивного дела, связанного с судьбой первой кормилицы цесаревича, складывается впечатление, что это семейство просто эксплуатировало жизненную удачу трех месяцев 1904 г.

В Интернете автор обнаружил упоминание о другой кормилице цесаревича – Дарье Ивановой. В 1904 г. она жила в поселке Елашки Маловишерского района. Ее выбрали из 18 молодых кормящих женщин. Предпочтение отдали ей из-за ее спокойного, доброго и приветливого характера и грудного молока, отвечающего необходимым требованиям. Умерла Д. Иванова, по воспоминаниям односельчан, уже после войны в 1947–1948 гг. Те несколько месяцев, которые она кормила цесаревича, так и остались для нее главным событием в жизни.

Няни и воспитательницы

Традиции последовательного элитарного воспитания в России сложились во второй половине XVIII в. Императрица Екатерина II фактически реализовывала свой материнский инстинкт, воспитывая старших внуков – Александра и Константина. Естественно, особое внимание уделялось воспитанию преемника. Исходя из своих взглядов на будущее, Екатерина II готовила себе в преемники не сына Павла Петровича, а старшего внука Александра. Поэтому именно царственная бабушка, а не родители определяли стратегию воспитания будущего Александра I.

Будучи прагматиком, Екатерина II составила так называемую «Бабушкину азбуку», проникнутую педагогическими идеями просветителей XVIII в. В наставлениях, данных воспитателю Александра графу И. Салтыкову при высочайшем рескрипте от 13 марта 1784 г., Екатерина II излагала свои мысли «касательно здравия и сохранения оногo; касательно продолжения и подкрепления умонаклонения к добру, касательно добродетели, учтивости и знания» и правила «приставникам касательно их поведения с воспитанниками». Наставления эти были построены на началах либерализма и проникнуты педагогическими идеями в духе знаменитого «Эмиля» Ж. – Ж. Руссо.

В соответствии с этими идеями Александра и Константина не кутали, они спали на твердых волосяных матрасах, в детской комнате всегда было много света и свежего воздуха. Под окнами детской даже стреляли из пушки, чтобы приучить мальчиков к резким и громким звукам с детства. Великих князей категорически запрещалось перекармливать. Кормили мальчиков только в строго отведенные часы. Большое значение уделялось «трудовому воспитанию». В детстве Александр I красил, смешивал и растирал краски, рубил дрова, пахал, косил, вскапывал грядки, исполнял обязанности кучера и столярничал. Только столярное ремесло Александр изучал два года под руководством краснодеревщика Х. Мейера¹¹⁷. Следует подчеркнуть, что традиции «трудового воспитания», заложенные в XVIII в. в период взросления Александра I, воспроизводились вплоть до начала XX в. Несколько поколений царских детей работали в саду и знакомились с разными ремеслами¹¹⁸. Но до семи лет мальчики, рожденные в царской семье, находились в женских руках и до трех лет донашивали платья старших сестер.

Раннее детство Николая I

Младший брат Александра I, великий князь Николай Павлович, был третьим сыном императора Павла I. Он родился за несколько месяцев до смерти Екатерины II, поэтому стратегию его воспитания определяла уже мать – императрица Мария Федоровна. Немаловажным было и то, что как третий сын в императорской семье Николай практически не имел надежд когда-либо занять императорский трон.

Возглавляла персонал, ухаживающий за младенцем, Шарлотта Карловна Ливен. На эту должность ее назначила Екатерина II. Николай I назвал ее в воспоминаниях «уважаемой и прекрасной» женщиной, «которая была всегда образцом неподкупной правдивости, справедливости и привязанности к своим обязанностям и которую мы страшно любили»¹¹⁹. Как руководитель персонала обслуживавшего великого князя, она получала жалованье в 1500 руб. в год. Пока Николаю не исполнилось 4 года, она полностью контролировала процесс взросления ребенка.

Ш.К. Ливен

Шарлотте Ливен подчинялись две «полковницы» с жалованьем по 900 руб. в год. Фактически это были гувернантки, бедные вдовы офицеров, которых, по чину их мужей, называли «полковницами». Они неотлучно состояли при ребенке, давали отчет доктору о состоянии здоровья ребенка, приучали его молиться и пр., и пр.¹²⁰ Поскольку «полковницы» входили в «ближний круг» императорской семьи, то связь между ними и царственным воспитанником поддерживалась всю жизнь.

Первой из «полковниц» была Юлия¹²¹ Федоровна Адлерберг, утвержденная в должности Павлом I в 1797 г. Николай I упоминал, что «вскоре после кончины Императрицы Екатерины ко мне приставили в виде старшей госпожу Адлерберг»¹²². В должности «старшей» она оставалась вплоть до 1802 г., пока не перевели на должность директрисы привилегированного Смольного института. О начале карьеры Юлии Федоровны Адлерберг, урожденной Багговут (сестра генерала, погибшего в 1812 г.), вдовы Выборгского коменданта, один из современников писал: «Шарлотта Карловна Ливен определила Юлию Федоровну Адлерберг нянюшкой: сперва к великому князю Николаю Павловичу, а потом к великому князю Михаилу Павловичу. Юлия Федоровна усердно мыла и обтирала этих двух индивидуумов, а между тем, будучи женщиной хитрой и ловкой и под личиной холодного добродушия весьма вкрадчивой, втерлась в доверие к императрице Марии Федоровне»¹²³. Таким образом, начав карьеру «полковницей» – гувернанткой при великом князе, Ю.Ф. Адлерберг впоследствии сумела занять весьма важный пост директрисы Смольного института. Но самое главное, ей удалось заложить прочный фундамент для придворной карьеры своих детей Владимира и Юлии, которые стали друзьями детства Николая I. Эту дружбу они пронесли через всю жизнь, и в своем духовном завещании Николай I счел необходимым упомянуть о них: «С

моего детства два лица были мне друзьями и товарищами: дружба их ко мне никогда не изменялась. Г. – А. Адлерберга любил я как родного брата и надеюсь под конец жизни иметь в нем неизменного и правдивого друга. Сестра его, Юлия Федоровна Баранова, воспитала троих моих дочерей, как добрая и рачительная родная... В последний раз благодарю их за братскую любовь, Г. – А. Адлербергу оставляю часы, что всегда ношу с 1815 г... а сыну его Александру – портрет Владимира Федоровича, что в Аничкове...»¹²⁴. Династия Адлербергов находилась непосредственно при Дворе с 1797 по 1881 г., то есть 84 года.

Второй «полковницей» была Екатерина Синицына, также получавшая 900 руб. в год. Несколько ниже по положению, но также примыкая к «полковницам», шла надворная советница Екатерина Панаева, получавшая 750 руб. в год. Должностные полномочия «полковниц» были различными. Ю.Ф. Адлерберг была, по сути, правой рукой Ш.К. Ливен, а задачи Е. Синицыной и Е. Панаевой сводились к ночным дежурствам при кровати маленького Николая. Судя по воспоминаниям Николая I, ночные дежурства продолжались только в течение года, позже «полковницы» оставались лишь в течение дня – ночью же присутствовали лишь няньки с одной горничной¹²⁵.

Значительную роль в окружении Николая I играла няня – «англичанка» мисс Лайон. Как утверждают мемуаристы, на должность ее назначила Екатериной II. До 7 лет именно мисс Лайон была самым близким человеком для будущего Николая I. На уровне сознания и подсознания она дала ему многое. Николай Павлович впоследствии говорил, что ненависть к полякам он унаследовал именно от няни, та в 1794 г. провела у поляков в заключении 7 месяцев. О характере няни дает представление прозвище, данное ей Николаем I, – Няня-львица¹²⁶. Шотландка Лайон была дочерью «лепного мастера».

Впоследствии Николай I, описывая свою прислугу, упоминал еще о четырех безымянных горничных «для услуг»¹²⁷. Следовательно, по воспоминаниям императора, весь его «детский» штат состоял из 11 человек. Император почти не ошибается. В действительности штат лиц, отвечавших за обслуживание и взросление Николая I, составлял 12 человек¹²⁸. Это следует из денежных ведомостей. Правда, в другой части своих детских воспоминаний Николай Павлович расширяет круг своего обслуживающего персонала: «Образ нашей детской жизни был довольно схож с жизнью прочих детей, за исключением этикета, которому тогда придавали необычайную важность. С момента рождения каждого ребенка к нему представляли английскую бонну, двух дам для ночного дежурства, четырех нянек или горничных, кормилицу, двух камердинеров, двух камер-лакеев, восемь лакеев и восемь истопников»¹²⁹.

Раннее детство императора прошло в покоях Зимнего дворца. Как вспоминал Николай Павлович: «Спали мы на железных кроватях, которые были окружены обычной занавеской; занавески эти, так же как и покрывки кроватей, были из белого канифаса и держались на железных треугольниках таким образом, чтобы ребенку, стоя в кровати, едва представлялось возможным из нее выглядывать; два громадных валика из белой тафты лежали по обоим концам кроватей. Два волосяных матраса, обтянутые холстом, и третий матрас, обтянутый кожей, составляли саму постель; две подушки набитые перьями; одеяло летом было из канифаса, а зимой ватное, из белой тафты. Полагался также белый бумажный ночной колпак, которого мы, однако, никогда не надевали, ненавидя его уже в те времена. Ночной костюм, кроме длинной рубашки, наподобие женской, состоял из платья с полудлинными рукавами, застегивавшегося на спине и доходившего до шеи»¹³⁰.

В конце 1800 г. семья Павла I с маленькими детьми перебралась в только что законченный и еще не просохший Михайловский замок. Во дворце спальня маленьких великих князей Николая и Михаила располагалась точно над спальней Павла I. В замке было настолько сыро, что это врезалось в память четырехлетнего Николая: «Помню, всюду было очень сыро

и что на подоконники клали свежееиспеченный хлеб, чтобы уменьшить сырость»¹³¹. Одновременно с переездом в Михайловский замок, по решению Павла I, главным воспитателем великих князей Николая и Михаила Павловичей назначается Матвей Иванович Ламсдорф, хотя учиться мальчики начали только в 1802 г. Граф Ламсдорф, суровый и строгий до жестокости, был разительной противоположностью Шарлотты Ливен.

При этом назначении Шарлотта Карловна Ливен не была ни обойдена, ни забыта. Еще в 1794 г. ее пожаловали в статс-дамы и наградили орденом Св. Екатерины I степени. Накануне отставки – 22 февраля 1799 г. Павел I возвел ее с потомством в графское достоинство. В день коронации императора Александра I, Ш.К. Ливен наградили драгоценными браслетами с портретами императорской четы, а в 1824 г. – портретом императора с цепью для ношения на шее. В коронацию императора Николая I графиню Ливен возвели с ее потомством в княжеское достоинство, а затем в декабре того же года получила титул светлости.

Надо заметить, что Николай I с уважением и любовью относился к своим воспитательницам. Его мать императрица Мария Федоровна была далека от детей, поскольку придворный этикет не предполагал постоянного общения матери с детьми. Когда в 1839 г. Ю.Ф. Адлерберг умерла, Николай I в личном письме к И.Ф. Паскевичу, которого ценил и уважал, писал: «Лишились мы нашей почтенной генеральши Адлерберг, бывшей моей наставницы, и которую я привык любить, как родную мать, что меня крайне огорчило»¹³². Наверное, редко кто из нас с такой благодарностью может вспомнить даже первую учительницу.

Когда во второй половине 1830-х гг. подрос, принял присягу и начал светскую жизнь цесаревич Александр Николаевич, старший сын Николая I, родители продолжали его «шлифовать». По желанию Николая Павловича в ближайшее окружение цесаревича включили княгиню Дарью Христофоровну Ливен, урожденную Бенкендорф, жену дипломата, которая была хозяйкой известного дипломатического салона в Лондоне. Предполагалось, что она, встав во главе салона цесаревича, должна была отшлифовать его речь и манеры.

Раннее детство Александра II

Когда у Николая I родился первенец, то для его воспитания привлекли «кадровый костяк», сложившийся в период малолетства самого императора. В 1818 г., для того чтобы растить будущего Александра II, пригласили в качестве консультанта директрису Смольного института Ю.Ф. Адлерберг, которой тогда было 58 лет. Естественно, мать подключила к воспитательному процессу свою дочь, тоже Юлию Федоровну, в замужестве Баранову, которой тогда было 29 лет. Еще в 1806 г. (в 17 лет) ее пожаловали во фрейлины Высочайшего двора. Именно Ю.Ф. Баранова и возглавила штат нянек и гувернанток при младенце.

Непосредственно за младенцем ухаживала надзирательница Н.В. Тауберт, ей подчинялись три бонны-англичанки – А.А. Кристи, Е.И. Кристи и М.В. Касовская. Этот «состав» практически без изменений вынырнул всех детей Николая I. Одна из фрейлин императрицы Александры Федоровны упоминала, что в 1826 г. она видела в Царском Селе, как дочь Николая I, великая княжна Александра Николаевна, «каталась в своей маленькой коляске еще с мамкой, няней Коссовой, а вез ее камердинер Тутукин»¹³³. Женщины оставались рядом с Александром до 12 июня 1824 г., то есть до шестилетнего возраста, после чего воспитание перешло в руки мужчин. Семья Николая I была большой, и сложившийся женский персонал сосредоточился на его подрастающих трех дочерях. С 1831 г. многочисленным штатом великих княжон, который включал как английских бонн, так и русских кормилиц и комнатных работников, руководила Ю.Ф. Баранова.

Надо заметить, что подбор воспитателей велся достаточно тщательно. Тем не менее и при тщательном подборе случались промахи. Например, в 1824 г., когда дочь Николая I, вели-

кая княжна Ольга Николаевна, перешла из ведения английской няни на попечение гувернантки-воспитательницы, к ней назначили Шарлотту Дункер, шведку по происхождению и протестантку по вероисповеданию. Судя по всему, ее жизненный опыт был весьма скуден. Она получила образование в шведском монастыре в Петербурге, в котором затем некоторое время учительствовала¹³⁴.

Шарлотта Дункер продержалась при Ольге Николаевне достаточно долго – до 1835 г., то есть 9 лет. Однако, несмотря на проработанные «при семье» годы, ее пришлось убрать из детской. Дело в том, что летом 1831 г. воспитательницей к старшей дочери Николая I великой княжне Марии Николаевне назначили Юлию Федоровну Баранову. Являясь гувернанткой старшей дочери царя, она по должности «курировала» работу остальных воспитательниц, в том числе и Шарлотты Дункер. Тут, безусловно, проявилось влияние Ю.Ф. Адлерберг, матери Юлии Барановой. Видимо, «профессиональная воспитательница» Дункер тяжело переживала вмешательство в ее епархию «блатной» Жюли Барановой, отсутствие педагогического опыта которой ощущали даже ее подопечные. Спустя годы Ольга Николаевна вспоминала, что Жюли Баранова «не имела и тени авторитета. Очень добрая, очень боязливая, в частной жизни обремененная заботами о большой семье, на службе, кроме воспитания Мэри, еще ответственная за наши расходы и раздачу пожертвований, она не умела следить за порядком в нашей классной»¹³⁵. Тем не менее, незлобивая и неконфликтная Баранова удержалась при дочерях, в первую очередь, потому, что к ней хорошо относился Николай I и императрица Александра Федоровна.

О взаимоотношениях двух воспитательниц сохранились и более резкие отзывы «со стороны». Одна из фрейлин императрицы Александры Федоровны, наблюдая этот конфликт, в резких выражениях отмечает как сложный характер Дункер («Дункер, презлая, препротивная и глупая скотина»¹³⁶), так и невеликие педагогические способности Жюли Барановой: «Очень добрая и честная женщина, но очень ограниченная, притом слабого здоровья. У великой княжны Ольги Николаевны была m-lle Dunker, злое существо с романтическими наклонностями; она любила слушать с Мердером пенье соловья по вечерам около дворца в кустах. Система Дункер была совершенно овладеть умом своей воспитанницы и ссорить двух сестер... что ей вполне удалось, и то детское чувство охлаждения осталось на всю жизнь. Сестры любили друг друга, но не ладили»¹³⁷.

Между начальницей и подчиненной начались конфликты, особенно когда в 1834 г., после 15-летия великой княжны Марии Николаевны, воспитательница Ю.Ф. Баранова получила орден Св. Екатерины. Шарлотта Дункер стала «вспыльчивой и склонной к сценам». В результате Николай I личным решением удалил Шарлотту Дункер из дворца. Как писала Ольга Николаевна: «Он не любил половинчатых мер и считал, что только радикальное решение может восстановить мир в детских»¹³⁸.

В 1835 г. на место уволенной гувернантки к великой княжне Ольге Николаевне «взяли на пробу» еще одну «крепкую специалистку» – «мадам Дудину, начальницу одного приюта». Однако и она не прижилась, поскольку «ослепленная жизнью при Дворе... она спрашивала всех и вся, что это или то обозначает. Ее мещанская манера и ее неразвитость давили меня...»¹³⁹. Ради справедливости стоит отметить, что великая княжна Ольга Николаевна, по мнению современников, отличалась на редкость стержневым характером и уживаться с ней гувернанткам приходилось очень непросто.

Тем не менее, такая гувернантка нашлась. С 5 декабря 1836 г. ею стала Анна Алексеевна Окулова. Еще раз следует подчеркнуть, что это был опять личный выбор Николая I. Видимо, он знал новую гувернантку еще с тех времен, когда она была воспитанницей Екатерининского института. Уверенность царя в «педагогических перспективах» А.А. Окуловой проявилась в том, что ее положение при Дворе, в том числе и содержание, утвердили

сразу, без испытательного срока. Ее назначили на должность штатной фрейлины, по рангу она следовала за статс-дамами и получила, как Ю.Ф. Баранова, «русское платье» *синего цвета*¹⁴¹ с золотом, собственный выезд и ложу в театре¹⁴¹.

Карьера этих воспитательниц-гувернанток сложилась беспрецедентно. Дочь Ю.Ф. Адлерберг, в замужестве Ю.Ф. Баранова, в год смерти своей матери в 1839 г. стала статс-дамой, а с 1855 г. – гофмейстриной императрицы Александры Федоровны. Проработала она при царской семье с 1818 до смерти императрицы Александры Федоровны в 1860 г., то есть более 40 лет.

В год замужества великой княжны Ольги Николаевны в 1845 г. ее воспитательница Анна Алексеевна Окулова получила орден Св. Екатерины.

У третьей дочери Николая I, великой княжны Александры Николаевны (Адини), воспитательницей также была англичанка. Она практиковала английские методы воспитания. В частности, она пыталась закалять девочку и выходила с ней на прогулку «во всякую погоду». Результатом этого закаливания стал сильный бронхит¹⁴². А с учетом того, что Адини умерла в 1842 г. в результате скоротечного туберкулеза, то многие современники приписывали его начало именно бронхиту 1839 г.

Николай I, несмотря на всю свою занятость, охотно привечал многочисленных внуков. На время отсутствия своего второго сына Константина Николаевича он взял в Зимний дворец его детей, «под крылышко к доброй бабушке, и поместили там, в бывших комнатах великой княгини Ольги Николаевны»¹⁴³.

Примечательно, что родители и воспитатели рано начинали приучать царских детей к их будущей «профессии». Детям очень рано давали понять, что вся их последующая жизнь будет проходить на глазах сотен людей. Когда в 1832 г. детей вывезли на море в Прибалтику, они «должны были проходить через публику, собравшуюся, чтобы видеть царских детей». Для детей первые опыты публичности не были легкими, и одна из дочерей императора заметила: «Должна сказать, что мне было гораздо приятнее смотреть самой, чем давать себя разглядывать. Такие прогулки были обязанностью»¹⁴⁴.

Николай I лично вводил подросших детей и внуков в сложный мир придворных церемоний. При этом опять-таки учитывалась необходимая публичность царской «профессии», когда малейших промах даже со стороны детей мог стать предметом длительных сплетен и «итоговых выводов». Ольга Николаевна вспоминала, как во время поездки в Москву в 1837 г. Николай I лично «очень следил за тем, чтобы мы все проделывали неспешно, степенно, постоянно показывая нам, как надо ходить, кланяться и делать реверанс. Мы могли танцевать только с генералами или с адъютантами. Генералы всегда были немолоды, а адъютанты – прекрасные солдаты, а потому плохие танцоры... Об удовольствии не могло быть и речи»¹⁴⁵. При этом надо иметь в виду, что в 1837 г. Ольге Николаевне исполнилось 15 лет и она в силу возраста уже вошла в круг парадной жизни императорских резиденций.

Тогда же детей царя познакомили с достопримечательностями Москвы. Посетили они и Оружейную палату. Дети оставались детьми, и 10-летний сын царя, великий князь Константин Николаевич шалил: примерял сапоги Петра Великого, садился на трон Ивана Грозного и надел бы шапку Мономаха, если бы ему не помешал воспитатель адмирал Литке¹⁴⁶.

Надо заметить, что и позже царским детям разрешали «трогать руками» бесценные экспонаты. Для них это были не просто драгоценные или уникальные вещи. Это была ове ществленная память об их предках, и это на подсознательном уровне «вбивалось» в головы детей. В 1901 г. во время посещения Москвы, 6-летняя Ольга Николаевна, старшая дочь Николая II, не только «посидела» во всех каретах, хранившихся в Оружейной палате, но и «выбрала» себе одну из карет, серьезно приказав прислать экипаж в Царское Село для

ежедневного пользования. Служащие Оружейной палаты, позволявшие ребенку ползать по уникальным каретам ее предков, твердо объяснили девочке, что это невозможно.

Следует подчеркнуть, что усвоение дворцового церемониала царскими детьми не обходилось без накладок. А поскольку дети осознавали и меру своей ответственности, и то, что на них неотрывно смотрели сотни глаз, то свои неизбежные «промахи» они воспринимали очень болезненно. Например, после одного из церемониальных «промахов» 12-летнего цесаревича Николая Александровича в августе 1855 г. фрейлина А.Ф. Тютчева немедленно заметила в одном из своих писем: «Первого у нас было водосвятие и после него парад, на котором великий князь наследник допустил оплошность, начав маршировать с правой ноги. Он был так огорчен, что даже горько расплакался»¹⁴⁷.

Как видим, Николай I отслеживал положение в детской и многие назначения, как воспитателей, так и учителей, были результатом его личного выбора и вмешательства. Возникает вопрос, насколько вникала в дела детской императрица Александра Федоровна? Видимо, это вмешательство оставалось в рамках женских аристократических традиций XVIII в., когда аристократки, родив ребенка, полностью передавали его на руки воспитателей. Конечно, дети росли «при матери», но реально Александра Федоровна в дела детской фактически не вмешивалась. Правда, она воспитывала детей самым фактом своего присутствия поблизости от них, будучи центром большой и дружной семьи. Ольга Николаевна писала: «Что касается общения с нами, детьми, то в нем не было никакой предвзятости, никаких особых начал, никакой системы. Мы просто делили с ней жизнь»¹⁴⁸.

Раннее детство Александра III

Когда в 1840-х гг. у Александра II начали появляться дети, то по традиции сформировали штат женщин-воспитательниц. Сначала его возглавила «надзирательница» С.Я. Поггенполь, затем руководство перешло к «наставнице» Вере Николаевне Срыпицыной. Штат нянь-англичанок состоял из Марии Юз, Томасины Ишервуд и Екатерины Стуттон. Поскольку у Александра II подряд родилось три сына (1843 г. – Николай, 1845 г. – Александр, 1847 г. – Владимир), то фактически их обслуживал общий штат с распределением «по детям». Мария Юз «ходила» за Никсой, первую няней Александра была Екатерина Стуттон. Через два года она перешла к другому сыну Александра II – Владимиру Александровичу. Ее заменила Ишервуд, которая ходила за Александром III до 7-летнего возраста¹⁴⁹.

К этому времени сложился довольно четкий порядок, когда царские дети до 3–3,5 лет находились на попечении няней, с 3–3,5 и до 6–7 лет дети – под присмотром воспитательниц и только после 7 лет мальчики переходили под контроль воспитателей-мужчин. У цесаревичей возрастные рубежи могли смещаться на более ранние сроки.

Следует отметить, что руководство воспитанием детей Александра II было достаточно рано поставлено под контроль мужчин. Еще летом 1847 г. неофициальным руководителем штата воспитателей становится бывший воспитатель Александра II С.А. Юрьевич. Он прожил лето 1847 г. в Петергофе, присматривая за женским штатом и регулярно отчитываясь перед родителями, которые в это время находились в Европе. В это лето императорский Коттедж в парке Александрия был перенаселен, поскольку в нем жили, кроме Николая I и императрицы Александры Федоровны, трое сыновей Александра II и дети старшей дочери Николая I – великой княгини Марии Николаевны. По комнатам Коттеджа детей расселял сам император, показывая «куда ставить кровати».

В 1848 г., когда старшему сыну цесаревича Александра Николаевича исполнилось 5 лет, во главе воспитательного процесса был поставлен генерал-майор Б.Н. Зиновьев, он начал подбирать штат офицеров-воспитателей для сыновей цесаревича.

С. А. Юрьевич

А няни-англичанки продолжали нянчить других детей, рождавшихся в царской семье. Самой долгой оказалась карьера няни Екатерины (Китти) Стуттон. Она прожила при семье Александра II 25 лет, воспитывая его сыновей и дочерей с 1843 по 1868 г. В 1865 г. няня Китти Стуттон находилась в Ницце с императрицей Марией Александровной при пятилетнем Павле Александровиче. Тогда, в апреле 1865 г., в очень тяжелое для императорской четы время, когда они прощались с умершим первенцем, великим князем Николаем Александровичем, Александр II передал К. Стуттон благодарность за то, что она вынянчила всех детей. Об отношении детей Александра II к няне красноречиво говорят строки из дневника 20-летнего (!!!) великого князя Сергея Александровича. Когда летом 1877 г. он уезжал на фронт (Русско-турецкая война 1877–1878 гг.), то его провожала и старая няня: «Китти, милая, со слезами прощалась со мной, добрая Китти»¹⁵⁰.

Даже после отставки не прерывалась связь старой няни с ее воспитанниками. За няней присматривали, обеспечивая ей спокойную старость. Жила она в казенной квартире в Зимнем дворце. Когда няня умерла, Александр III счел своим долгом присутствовать на ее похоронах. Обычно этой чести удостоивались только члены семьи и высшие государственные деятели¹⁵¹. Александр III счел необходимым сообщить эту печальную новость своему стар-

шему сыну (С. – Петербург, 5 марта 1891 г.): «Как раз в день моего рождения умерла бедная старушка Кити, прожившая в нашем доме 46 лет, из которых 22 года подряд нянчила нас шестерых. Нам всем братьям было очень грустно, и мы проводили ее из Зимнего дворца в Английскую церковь, а потом поехали на Смоленское кладбище, где ее и схоронили»¹⁵².

Няня Мари Юз была уволена от должности в сентябре 1850 г., обеспечив себе пожизненную пенсию в 652 руб., в дополнение к той, в 171 руб., которую она получала как бывшая няня великих князей Николая и Михаила Николаевичей. Сверх того ей в пожизненное пользование была отведена квартира в Аничковом дворце¹⁵³.

Раннее детство Николая II

О младенчестве и раннем детстве Николая II материалов немного. По крайней мере, имен кормилиц никто не упоминает, хотя на гравюрах, изображающих спальню будущего императора в Аничковом дворце, видна крестьянка в сарафане, держащая на руках младенца. До семилетнего возраста будущего Николая II обслуживал штат из 24 человек. Непосредственно ребенка обслуживали: наставница (А.П. Оллонгрэн), доктор, няня-англичанка (мисс Орчи), две камер-юнгферы, две камер-медхен, гладильщица и два камердинера. Технический персонал при младенце включал в себя: камер-лакея, четырех лакеев, четырех истопников, двух поваров, двух работников при комнатах и женщину «при комнате»¹⁵⁴.

А.П. Оллонгрэн учила Николая II грамоте. Со своей «первой учительницей» Николай II поддерживал отношения вплоть до ее кончины. Об успехах первой учительницы и ее ученика мы можем судить по тому, что в полные семь лет Николай II только начал «немножко читать по слогам»¹⁵⁵.

Няни-англичанки были и у других детей Александра III и Марии Федоровны. Для самой младшей, по рекомендации старшей сестры Марии Федоровны – принцессы Уэльской, к Императорскому двору пригласили Элизабет Франклин, домашние называли ее Нана¹⁵⁶. Элизабет Франклин оказалась из тех нянь, которые не только «пришлись ко двору», но и сумели завоевать сердца своих питомцев. Это, наверное, было не особенно сложно, поскольку императрица Мария Федоровна очень редко для своих детей оказывалась просто матерью, по большей части она оставалась для них императрицей. Нана осталась рядом с воспитанницей, даже когда она не только выросла, но и вышла замуж. При великой княгине Ольге Александровне Элизабет Франклин прожила до своей смерти в 1916 г.

Когда в императорской семье происходили трагедии, такие как смерть после родов в 1891 г. жены великого князя Павла Александровича, родственники «подставляли плечо». Недоношенного Дмитрия Павловича выхаживали в семье старших братьев Павла – великого князя Сергея Александровича и императора Александра III. Мемуарист упоминает, как он был свидетелем сцены в Гатчинском дворце, когда к Александру III «принесли маленького великого князя Дмитрия Павловича: нянька, конечно, англичанка, стояла у дверей и процеживала сквозь зубы свои ответы. Только слышно было: «Yes, Your Magestry». (Да, ваше величество)»¹⁵⁷.

Дети Николая II

Когда в семье Николая II с промежутком в два года начали одна за другой рождаться дочери, то, естественно, стали немедленно решаться кадровые проблемы, связанные с подбором бонн, нянь и воспитателей. В результате традиция нянь-англичанок при царских детях

была возрождена. Русские няни находились на положении помощниц при нянях-англичанках.

Сначала, следуя традиции, из Англии выписали няню-англичанку мисс Орчи, которая прибыла в Зимний дворец в середине декабря 1895 г. Особый статус этой няне придавало то, что ее прислала своей правнучке английская королева Виктория. Мисс Орчи осуществляла общий надзор за детской.

Надо заметить, что няня Орчи была чрезвычайно властолюбива. Для этого у нее имелись все основания, поскольку в начале 1870-х гг. королева Виктория отправила ее в Дармштадт нанять будущую русскую императрицу Александру Федоровну¹⁵⁸.

Несмотря на заслуги мисс Орчи, вокруг «детской» сразу же начались конфликты. Дело в том, что императрица Александра Федоровна «проявила характер», нарушив традиции, десятилетиями формировавшиеся вокруг детских не только в России, но и в Европе. Императрица Александра Федоровна хотела быть, прежде всего, матерью для своих детей, а это не принято в аристократической среде. Она первой из российских императриц начала кормить детей грудью. Она вмешивалась в мелочи воспитания детей, она сама хотела купать их. В результате начались конфликты между няней-англичанкой «от Виктории» и Александрой Федоровной. При этом няня заставила «немало поволноваться саму императрицу, высокомерно отвергая с высоты своего опыта ее советы и предложения»¹⁵⁹. В результате уже 29 апреля 1896 г. Николай II зафиксировал в дневнике: «Сегодня нас покинула несносная няня-англичанка; радовались, что, наконец, отделались от нее!».

Но, удалив из детской одну англичанку, ее немедленно заменили другой, взяв по рекомендации великой княгини Елизаветы Федоровны, старшей сестры императрицы Александры Федоровны. Новая англичанка появилась в семье буквально через два дня – 1 мая 1896 г. Николай II с долей иронии фиксировал в дневнике эти «битвы», вокруг «детской»: «Со вчерашнего дня при ней состоит новая няня – сестра Ксениной, с длиннейшим носом, взятая напрокат, пока не отыщется другая. Mrs. Coster». Надо заметить, что царь, как и всякий отец, внимательно следил за взрослением своей первой дочери. Он регулярно ходил смотреть, как ее купают, фиксировал прибавление веса, 10 марта 1896 г. он записал: «С этого дня наша дочь облеклась в короткие платьица!», а 8 апреля «дочку впервые вынесли на воздух».

В 1898 г. няню, взятую «на прокат», заменила следующая англичанка (ирландка) Маргарет Эггер, которая прожила в царской семье 6 лет и, вернувшись в Англию, написала в целом доброжелательные воспоминания.

После удаления няни-англичанки «от королевы Виктории» персонал сделал выводы, и с императрицей больше не спорили. В результате все, что касалось жизни при Дворе или «воспитания детей (которое император передал в ее руки), слово Александры Федоровны было законом»¹⁶⁰.

Русские няни оставались «на вторых ролях» вплоть до 1904 г. Только после рождения долгожданного наследника императрица Александра Федоровна решила сломать столетние каноны ухода за младенцами. Делить вымоленного у Бога сына она не собиралась ни с кем. «Революция» в детской оказалась столь значительной, что Николай II уделил ей место в дневнике. 29 сентября 1904 г. он записал: «Сегодня после многих недель колебаний Алике, сильно поддержанная мною и княг. Голицыной, наконец, решила уволить англичанку-няню детей мисс Игер, что и было ей объявлено Марией Михайловной!» На следующий день царь с облегчением отметил в дневнике: «Сегодня англ. няня уехала к себе на родину». Английскую няню рассчитали и выслали из России за день после шести лет ее работы в детской!

О причинах удаления няни писала Ольга Александровна: «...Я помню мисс Игер, няню Марии, которая была помешана на политике и постоянно обсуждала дело Дрейфуса. Както раз, забыв о том, что Мария находится в ванне, она принялась спорить о нем с одной из

своих знакомых. Мария, с которой ручьями лилась вода, выбралась из ванны и принялась бегать голышом по коридору дворца. К счастью, в этот момент появилась я. Подняв на руки, я отнесла ее к мисс Игер». Такой «прокол» для профессиональной няни был непростителен¹⁶¹.

Пожалуй, императрица Александра Федоровна была первой и последней императрицей, столь «плотно» вникавшей в проблемы детской. Фактически она заняла должность главного воспитателя своих детей, ту должность, которую до нее занимали «полковницы» и генералы. Постепенно под ее руководством сложился штат нянь и воспитательниц, она руководила им железной рукой. Ее мнение по организационным и прочим вопросам носило окончательный характер.

А.А. Вырубова, очерчивая штат, обслуживавший царских детей, писала: «У императрицы при детях была сперва няня англичанка и три русские няни, ее помощницы. С появлением наследника она рассталась с англичанкой и назначила ею вторую няню М.И. Вишнякову»¹⁶². Из тех, кто окружал дочерей царя и сына, пожалуй, наиболее часто упоминается няня царских дочерей Мария Вишнякова и «дядька» цесаревича Андрей Деревенько. В результате решения Александры Федоровны цесаревич Алексей стал первым русским великим князем-цесаревичем, которого растило *только русское окружение*.

Мария Ивановна Вишнякова родилась в 1872 г. Она была причислена к мещанскому сословию Петербурга и воспитывалась в Петербургском Воспитательном доме. После окончания школы нянь Воспитательного дома со званием «няня» в мае 1897 г. она тут же зачисляется на должность помощницы няни «при Ее императорском Высочестве Великой Княгине Ольге Николаевне». Вишняковой положили жалованье в 900 руб. в год. Надо заметить, что женщины-врачи в это время имели жалованье в 600–800 руб. в год. В марте 1905 г. ее повысили в должности и назначили няней цесаревича с жалованьем 2000 руб. в год. В июле 1911 г. М.И. Вишнякову возвели в звание почетного гражданина Петербурга.

Вел. кн. Ольга в коляске на прогулке с М.И. Вишняковой

Отношения ее с взрослеющими царскими дочерьми не были безоблачными, но поскольку она фактически входила в состав царской семьи, вырастив четырех дочерей, то императрица всячески старалась сглаживать все возникающие неровности в их отношениях. К январю 1909 г. относится записка императрицы к Ольге Николаевне: «Подумай о Мари, как она вынынчила всех вас, как делает для вас все, что может, и когда она устала и плохо себя чувствует, ты не должна еще и волновать ее». На следующий день дочь отвечала матери: «С Мари бывает не всегда легко, потому, что она иногда сердится без всякой причины и поднимает шум из-за пустяков»¹⁶³. Вишнякова имела еще одно домашнее имя – Меричка¹⁶⁴.

На тот момент Вишняковой исполнилось 37 лет, она была не замужем, и ее характер действительно оставлял желать лучшего. Все ее воспитанницы уже выросли, и, видимо, она начала ощущать некую жизненную пустоту. Отношение ее к Распутину было, вероятно, более чем лояльным, так как она видела отношение к нему царских детей. Это подтверждается записью Ксении Александровны в дневнике в марте 1910 г.: «Все няни под его влиянием и на него молятся»¹⁶⁵.

Имя Марии Вишняковой становится известно широкой публике в связи с шумным скандалом, связанным с именем Распутина. М.В. Родзянко в своем докладе в феврале 1912 г. сообщил царю, что Распутин «соблазнил нянюшку царских детей... она каялась своему духовному отцу, призналась ему, что ходила со своим соблазнителем в баню, потом одумалась, поняла свой глубокий грех и во всем призналась молодой императрице, умоляя ее не верить Распутину, защитить детей от его ужасного влияния, называя его «дьяволом». Нянюшка эта, однако, вскоре была объявлена ненормальной, нервнобольной, и ее отправили для излечения на Кавказ»¹⁶⁶.

Однако, на самом деле, после скандала, поднятого в прессе в начале 1912 г., Вишнякову не сразу уволили. Это произошло только через год – в июне 1913 г. К этому появились формальные основания. Младшему воспитаннику Вишняковой было уже почти 9 лет. При этом весь интерес заключается в том, как увольняли няню царских детей, проработавшую «при семье» 16 лет. Вишняковой предоставили в пожизненное пользование трехкомнатную квартиру в Комендантском корпусе Зимнего дворца. Квартира была полностью обставлена и все издержки оплачены «из сумм Августейших Детей». Ей была назначена пенсия в размере 2000 руб. в год, которая соответствовала ее жалованью в должности няни. После увольнения связь Вишняковой с царской семьей не прекратилась. Например, в сентябре 1915 г. ей выдали «деньги на дорогу в Крым, куда она поедет по совету Ее Величества, чтобы отдохнуть. Устройство поездки Ее Величество поручила доктору Боткину»¹⁶⁷. Проблемы со здоровьем, естественно, были, но это не была ссылка. Вишнякова ездила в Крым на лечение и в 1916 г., получая деньги из Министерства Императорского двора. Последний раз она получила деньги на такую поездку 21 января 1917 г.

Цесаревич Алексей и ОТМА³

Судя по воспоминаниям мемуаристов, мальчик был буквально «светом в окне» для родителей. Особенно для матери. Тем более, что единственный, вымоленный у Бога сын был глубоким инвалидом, которому врачи ничем помочь не могли. В результате мальчика, конечно, забаловали. Воспитатели могли строить с ним отношения только на зыбком фундаменте своих с ним личных отношений своего авторитета. Это не всегда срабатывало с маленьким, очень живым цесаревичем. Кроме этого, сказывалось и его положение наслед-

---

³ ОТМА – так подписывались дочери Николая II под совместными открытками-поздравлениями: Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия.

ника огромной империи. Слушался цесаревич только отца. Слово матери для него носило рекомендательный характер. Даже повзрослев, он позволял себе такие «шутки», которые не только не вписывались в элементарные нормы приличия, но и выходили за все мыслимые границы. Во время обеда в Ставке Верховного главнокомандующего, на котором присутствовал дядя царя – великий князь Сергей Михайлович, наследник «пошутил» над родственником следующим образом. Причем это произошло осенью 1915 г., когда цесаревичу шел 12 год. Во время обеда Алексей подкрался к дяде сзади, держа в руках выдолбленную половинку арбуза. Дядя «продолжал есть, не подозревая о грозящей ему опасности. Вдруг наследник поднял руки, в которых оказалась половина арбуза без мякоти, и этот сосуд быстро нахлобучил на голову великого князя. По лицу последнего потекла оставшаяся в арбузе жидкость, а стенки его так плотно пристали к голове, что великий князь с трудом освободился от непрошенной шапки. Как ни крепились присутствующие, многие не удержались от смеха. Государь еле сдерживался. Проказник же быстро исчез из столовой»¹⁶⁸. Можно только представить, какие чувства испытывал выставленный на всеобщее посмешище пожилой уважаемый человек. Добавим, что на момент «события» великому князю, генерал-адъютанту, генералу-инспектору артиллерии Сергею Михайловичу было 46 лет.

Воспитание четырех дочерей Александра Федоровна тоже «поставила» по-своему. Во-первых, девочек довольно редко выводили в свет. Бабушка, вдовствующая императрица Мария Федоровна, несколько раз устраивала балы у себя в Аничковом дворце для старших внуков. Тетя, великая княгиня Ольга Александровна, привозила по воскресеньям племянниц к себе домой и туда же приглашались сверстницы великих княжон. В Ливадии, бывшая фрейлина императрицы, Мария Бяратинская устраивала для старших танцевальные вечера. Тем не менее жизнь девочек по сравнению с их предшественницами была крайне бедна на полуофициальные светские мероприятия.

Цесаревич Алексей на палубе «Штандарта». 1906 г.

Во-вторых, девочки не имели подруг «со стороны». Александра Федоровна была убеждена, что подруги-аристократки могут научить ее девочек только «плохому». Поэтому четыре девочки росли в своем собственном замкнутом мирке Александровского дворца.

В-третьих, у девочек не было официальной воспитательницы. Их воспитанием руководила сама Александра Федоровна.

В-четвертых, повседневная жизнь царских дочерей складывалась довольно аскетично. Мать воспитывала дочерей так же, как воспитывали ее саму – по английской «викторианской» модели. Одна из мемуаристок, часто бывавшая в комнатах великих княжон, упоминала, что «сестры спали на походных кроватях – так было заведено еще в царствование императора Александра III, который полагал, что царские дочери не должны спать на более удобных постелях, пока не выйдут замуж»¹⁶⁹. На эти походные кровати укладывались волосяные матрасы с тощими подушками под голову. Надо заметить, что «английский воспитательный аскетизм» сложился уже при детях Николая I, когда детям в обязательном порядке на завтрак подавалась овсяная каша, в их спальнях было много свежего воздуха и обязательный холодный душ в ваннных комнатах.

О воспитательнице дочерей следует сказать несколько подробнее. Замкнутость жизни царской семьи рождала бесчисленные слухи и порождала скрытое недовольство, поскольку при Николае II с 1903–1904 гг. такое понятие, как придворная светская жизнь, постепенно исчезает. Светская жизнь сводилась к бездушным протокольным мероприятиям, что, конечно, не устраивало дам-аристократок, которые по примеру своих матерей и бабушек

страстно хотели «блистать» в большом свете. На Александру Федоровну, конечно, пытались влиять, чтобы она «по примеру прежних лет» пригласила ко Двору воспитательницу для своих подросших дочерей.

Александра Федоровна пошла на уступки, и в 1911 г. одну из фрейлин Александры Федоровны – Софию Ивановну Тютчеву назначили на должность воспитательницы. София Ивановна была женщиной с тяжелым характером, с собственной схемой воспитания царских дочерей. После мелких столкновений с Александрой Федоровной они основательно «схватились» по поводу Распутина. Тютчева совершенно не желала понимать, почему простой мужик имеет доступ не только в Александровский дворец, но и в комнаты взрослых девушек-принцесс. Своей позиции она не скрывала и смело «выносила сор из избы»: «Воспитательница великих княжон крайне негодовала на то, что Распутин бывает в их комнате и даже кладет свою шапку на их кровати. Императрица же заявила, что она не видит в этом ничего дурного. Тогда возмущенная С.И. Тютчева обратилась к государю. Он согласился с ее мнением и сказал, что переговорит по этому поводу с государыней. Результатом же переговоров царя и царицы явилось немедленное удаление Тютчевой от Двора»¹⁷⁰.

Это событие, произошедшее весной 1912 г., стало поводом к «раскручиванию» антираспутинской компании в прессе. Светские гостиные бурлили, получив массу «компромата из первых рук» по поводу особенностей частной жизни царской семьи. Все эти слухи прилежно фиксировала в дневнике осведомленная генеральша А. Богданович: «Рассказывал также Джунковский, что великая княгиня Елизавета Федоровна с грустью говорила, что ее племянницы очень дурно воспитаны»¹⁷¹ (20 марта 1912 г.); «Шамшина сказала, что в городе говорят, что вместо Тютчевой к царским детям будет назначена Головина, которая возила Распутина по домам и с ним путалась, а над ней главной – Вырубова. Это прямо позор – назначение этих двух женщин»¹⁷² (10 июня 1912 г.); «Был у нас Ломан. Сказал он, что тяжелое впечатление выносишь от близости ко двору. Вот как он объясняет уход или отставку С.И. Тютчевой. Она не подчинялась требованиям старших, вела с детьми царскими свою линию. Возможно, что ее воспитательное направление и было более рациональным, но оно было не по вкусу, а она упорствовала, как все Тютчевы, была упряма и стойка, верила, как все ее однофамильцы, в свои познания и свой авторитет, так что детям приходилось играть две игры, что приучило их лгать и проч. Являлась всегда Тютчева на все сборища и приемы не в духе. Она говорила, что не все разговоры можно вести при детях. В этом с ней не соглашались, и вот развязка – пришлось ей покинуть свой пост. Мое соображение: из этого видно, что при дворе правду не любят и не хотят слушать. При этом Ломан вспомнил, как воспитательница вел. кн. Марии Александровны Кобург-Готской, тоже Тютчева, после катастрофы на Ходынском поле при встрече со своим бывшим воспитанником вел. кн. Сергеем Александровичем не подала ему руки, обвиняя его в случившемся. Такова и С.И. Тютчева»¹⁷³ (20 июня 1912 г.).

Собственно, на этом скандальном эпизоде весны 1912 г. и закончилась история женщин-воспитателей при российском Императорском дворе.

Боцман А.Е. Деревенько

Говоря о наследнике цесаревича Алексее, необходимо сказать несколько слов и о людях, чьи обязанности непосредственно заключались в заботе о здоровье Алексея Николаевича. Болезнь цесаревича Алексея наложила тяжелый отпечаток на жизнь последней императорской семьи. Гемофилия, которой был болен наследник, заставляла его царственных родителей делать все для того, чтобы спасти ребенка от смерти. В результате их забот вокруг цесаревича сформировался круг лиц, непосредственно отвечавших за состояние его здоро-

вья. К их числу принадлежали и лучшие медики империи, и знахарь Распутин, и множество других людей, повседневно окружавших наследника. Одной из таких фигур был «дядька» наследника – матрос Андрей Еремеевич Деревенько. На множестве фотографий цесаревича на заднем плане виден коренастый силуэт матроса-дядьки.

Появление Деревенько среди ближайшего окружения царевича было необходимо и вместе с тем случайно. Объективная необходимость заключалась в том, что ребенок отличался подвижностью и уследить за ним окружавшие его женщины не всегда могли, а малейшая травма грозила привести к самым трагическим последствиям. Объяснить же непоседливому ребенку необходимость крайней осторожности в повседневных играх было трудно. Поэтому требовался физически крепкий человек, который заботился бы о безопасности цесаревича, выполняя функцию его «ног». Судьба указала на матроса Деревенько, и он не упустил своего шанса. На глазах императрицы он сделал все, чтобы обезопасить наследника Алексея Николаевича во время паники на императорской яхте «Штандарт» в финских шхерах в сентябре 1907 г.

Во время традиционного плавания по финским шхерам к малолетним царским детям персонально приставлялись матросы, присматривавшие за детьми, когда они находились на палубе. Дети много двигались и даже катались по палубе на роликовых коньках. Поэтому уже в мае 1906 г. Деревенько официально внесли в списки придворной челяди с главной задачей опекать наследника во время нахождения царской семьи на яхте. 14 мая 1906 г. Деревенько представлялся Николаю II в Петергофе. Впервые он исполнял свои обязанности в августе 1906 г. во время плавания «Штандарта» по финским шхерам. В перечне лиц, значившихся в окружении «августейших детей», наряду с няньками Вишняковой, Дорониной, Тегелевой и др., значился и матрос Деревенько¹⁷⁴.

Видимо, он показал себя надежным человеком. Им были довольны и поэтому, для того чтобы придать ему некий официальный статус, в недрах дворцовой канцелярии попытались найти прецеденты, которые могли бы объяснить появление при цесаревиче бравого матроса. В октябре 1906 г. делопроизводитель Канцелярии императрицы Александры Федоровны А. Никитин подготовил справку о том, что «Бывший Делопроизводитель Конторы Августейших Детей почивающего Императора Александра III, нынче Действительный Статский Советник Сигель сообщил, что при Августейших Сыновьях почивающего

Императора Александра III «дядек» никогда не состояло... До 1888 г. состоял при них матрос Гвардейского экипажа Букин около 5 лет... по выходе в отставку из военной службы определен был лакеем к Их Императорским Высочествам с жалованьем 30 руб. в месяц»¹⁷⁵. Но, видимо, к этому времени термин «дядька» уже прижился, и начальник Канцелярии императрицы граф Я.Н. Ростовцов в записке от 12 ноября 1906 г. к камер-фрау императрицы М.Ф. Герингер сообщал, что «Ея Величеству императрице Александровне Федоровне угодно, чтобы состоящему с 13-го мая 1906 г. при комнатах Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Алексея Николаевича квартирмейстера Гвардейского Экипажа Андрея Деревенько называли «дядькою» при Его Императорском Высочестве»¹⁷⁶. Таким образом, процедура «оформления» матроса при дворце заняла период с мая по ноябрь 1906 г., а наименование «дядька» приобрело официальный характер.

Окончательно свое положение при Дворе Деревенько укрепил летом 1907 г. Во время традиционной прогулки по финским шхерам императорская яхта «Штандарт» наскочила на подводную скалу, не указанную в лоциях. Товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский, очень точный в деталях, поскольку в его распоряжении находились материалы следствия, связанного с этим эпизодом, описывает это событие следующим образом: «Яхта государя «Штандарт», огибая остров Гроншер, наскочила на подводный камень, не обозначенный на карте, и плотно села посередине. Удар был настолько силен, что котлы сдвину-

лись с мест. Государь с Государыней и августейшими детьми перешли на посыльное судно «Азия», на котором и провели ночь. На другой день прибыла яхта «Александрия», на которой их Величества и продолжили плавание»¹⁷⁷. Удар действительно был силен настолько, что яхту удалось снять с камня только спустя 10 дней. Ее немедленно отбуксировали в док для капитального ремонта.

Во время катастрофы Деревенько проявил себя с лучшей стороны. На глазах императрицы он сделал все, чтобы обезопасить двухлетнего наследника. Впоследствии А.А. Вырубова описывала катастрофу в финских шхерах следующим образом: «Мы почувствовали ужасный толчок. Казалось, что судно подскочило в воздух и упало опять на воду. Потом оно остановилось, и левый борт его стал крениться.

А.Е. Деревенько и цесаревич Алексей

Все произошло мгновенно. Посуда и вазы с цветами оказались на полу. Государыня в ужасе вскрикнула, испуганные дети дрожали и плакали; государь же хранил спокойствие. Он объяснил, что мы натолкнулись на риф. Послышались звуки набата, и вся команда из двухсот человек выбежала на палубу. Матрос огромного роста, Деревенько, занялся наследником. Он был нанят, чтобы оберегать наследника от возможных ушибов. Деревенько схватил мальчика и побежал с ним на нос яхты. Он сообразил, что котлы находятся как раз под столовой и первой может пострадать эта часть судна. Мы же стояли все на палубе»¹⁷⁸.

Впоследствии этот эпизод оброс множеством вымыслов. В качестве характерного примера мифологизации события можно привести изложение произошедшего офицером Ставки М. Лемке спустя 10 лет. Он утверждал, что именно Деревенько спас цесаревича во время крушения «Штандарта»: «Когда раздался треск судна и все подумали, что сели на мину, матрос яхты Деревенько схватил мальчика и бросился с ним в воду»¹⁷⁹. Как это бывает в легендах, скала превратилась в мину, а храбрый матрос прыгнул с 2-летним мальчиком за борт. В.С. Пикуль в романе «Нечистая сила» воспроизвел эту легенду: «В этот момент некто вырывает

из ее рук сына и заодно с ним скрывается... в пучине! Не скоро на поверхности моря, уже далеко от шлюпки, показалась усатая морда матроса, который, держа мальчика над водой, поплыл обратно к «Штандарту», пробоину на котором уже заделали»¹⁸⁰.

Со временем положение «дядьки» упрочилось. Его комната располагалась рядом со спальней цесаревича во всех императорских резиденциях. Цесаревич называл его Диной. Он получал приличное жалованье. На январь 1914 г. оно складывалось: из сумм Его Императорского Высочества – 360 руб., жалованья Гвардейского экипажа – 444 руб., дополнительных выданных Гвардейского Экипажа – 579 руб., что составляло 1383 руб. в год¹⁸¹. Кроме этого, существовали различные косвенные выплаты. Например, сына Деревенько в марте 1912 г. бесплатно прооперировали в больнице Крестовоздвиженской общины, «за что туда было переведено 18 руб. канцелярией Императрицы Александры Федоровны»¹⁸². Императрица входила и в другие семейные заботы «дядьки». В ноябре 1910 г. «Ея Величество, осведомившись о том, что у него на родине больна сестра, и повелеть изволила ему уволиться в отпуск для посещения сестры». Для проезда ему и его жене выделили деньги на дорогу. В декабре 1915 г. матрос обратился к императрице с ходатайством о назначении ежегодного пособия на воспитание его детей (Алексея – 9 лет, Сергея – 7,5, Александра – 3), которые были крестниками императрицы и цесаревича. «Дядька» обучал своих детей французскому языку и приходящей учительнице платил по 20 руб. в месяц. Всего же на обучение детей Деревенько тратил «около 350 руб. в год». Просимые деньги ему немедленно выделили¹⁸³. Но иногда Андрея Еремеевича «били» по карману. В апреле 1912 г. в Канцелярию императрицы поступило письмо, подписанное генерал-лейтенантом, заведующим хозяйством Гофмаршальской части, в котором предлагалось матросу Деревенько вернуть 32 коп., за невозвращенные в Ливадийскую сервизную кладовую осенью 1911 г. ложку столовую простую ценой в 12 коп. и две столовых простых вилки по 10 коп. за штуку.

По мере того как цесаревич вырос, круг забот «дядьки» расширился, и в декабре 1913 г. произошли некоторые «кадровые перемещения». Об этом пишет Е.С. Боткин, лейб-медик Николая II, в письме к графу Ростовцову: «О назначении только что принятого на службу к Высочайшему Двору матроса Нагорного – помощником боцмана Деревеньки. Из сказанного мне Ея Величеством я понял, что фактически боцман Деревенько будет по-прежнему называться «дядькой» Его Высочества Наследника Цесаревича. Но юридически он должен занимать место камердинера, а его помощник, Нагорный, гардеробщика»¹⁸⁴.

А.Е. Деревенько был достаточно заметной фигурой в окружении императорской семьи, о нем непременно упоминали мемуаристы, и все по-разному. Вот одно из таких впечатлений: «Матрос разухабистого вида, с нахальной рожей... он – персона; с ним все очень внимательны, заискивают, угощают папиросами»¹⁸⁵. С ним старались ладить, и он ладил с весьма высокими персонами. Тот же автор пишет, что, «по-видимому, лейб-хирург проф. С.П. Федоров пользуется особым расположением Деревенько. Тот сегодня очень долго суетился: «Где профессор?» – кричал он, когда усаживал в автомобиль дворцовую челядь при выходе ее из штабного кинематографа»¹⁸⁶. Столь же иронично упоминает о «дядьке» В.В. Шульгин в книге «Дни»: «Матрос Деревенько, который был дядькой у наследника цесаревича и который услышал, что волынские крестьяне представляются, захотел повидать своих... И вот он тоже – «вышел»... Красивый, совсем как первый любовник из малорусской труппы (воронья крыла волосы, а лицо белое, как будто он употреблял creme Simon), он, скользя по паркету, вышел, протянув руки – «милостиво»: Здравствуйте, земляки! Ну, как же вы там?... Очень было смешно...»¹⁸⁷. В.С. Пикуль в целом верно охарактеризовал матроса. По его словам: «Попав на дармовые харчи, Деревенько, сын украинца-хуторянина, сразу показал, на что способен. В одну неделю ожирел так, что форменка трещала, и появились у мат-

роса даже груди, словно у бабы-кормилицы. За сытую кормежку он дал себя оседлать под «лошадку» цесаревича. Деревенько сажал мальчика к себе на шею и часами носился как угорелый по аллеям царских парков, выжимая свою тельняшку потом будто после стирки. Но зато цесаревичу теперь не грозили царапины и ушибы!»¹⁸⁸

Будучи «дядькой» цесаревича он, видимо, понимал значимость своего положения и, несмотря на свою малограмотность, пытался вести дневник. Дневниковые записи охватывают очень короткий период с 1 сентября по 28 октября 1912 г. Тогда он явно ощутил, свою близость к истории. В это время в Спале умирал цесаревич, и Деревенько, на своем уровне, фиксировал происходившие события. 6 сентября 1912 г. он записал: «Утром сидели дома, ножка болела. Компресс был, играли в карты»¹⁸⁹.

А.Е. Деревенько катает цесаревича Алексея на велосипеде

В глазах царской семьи он выглядел незаменимой фигурой прежде всего потому что умел ладить с наследником. Как свидетельствует Вырубова: «На... велосипеде матрос возил Алексея по парку в Царском Селе. Часто приходили играть с Наследником и дети Деревенько, и вся одежда Алексея обычно переходила к ним. Когда Наследник бывал болен и плакал по ночам, Деревенько сидел у его кровати. У бедного ребенка никогда не было аппетита, но Деревенько умел уговорить его. Когда Наследнику исполнилось шесть или семь лет, его воспитание поручили учителю, а Деревенько остался при нем как слуга»¹⁹⁰. Кроме этого, что было очень важно для родителей наследника, он его «не так баловал, хотя был очень предан и обладал большим терпением»¹⁹¹.

В послужном списке «дядьки» наследника отражены важнейшие этапы его биографии. Андрей Еремеевич Деревенько родился 19 августа 1878 г. в крестьянской семье, православного вероисповедания, в Волынской губернии Новоград-Волынского уезда Черторибской волости в селе Горонай. В 1899 г. был призван на действительную службу на флот, отсчет которой начался с 1 января 1900 г. Уже 5 января 1900 г. он был определен в Гвардейский экипаж. Через 1,5 года в сентябре 1901 г. он становится гимнастом-инструктором, 1 января 1902 г. – матросом 1-й статьи.

Цесаревич Алексей с М.И. Вишняковой и А.Е. Деревенько. Финляндские шхеры. 1910–1911 и.

12 октября 1905 г. к концу службы Деревенько наградили серебряными часами с государственным гербом и в ноябре 1905 г. произвели в квартирмейстеры. В декабре 1905 г. Деревенько зачисляется на сверхсрочную службу. 13 мая 1906 г. состоялось назначение «дядькою» «при Его Императорском Высочестве Наследнике Цесаревича и Великом Князе Алексее Николаевиче». В апреле 1911 г. его производят в боцманы, и в 1914 г. он получает звание личного почетного гражданина. В мае 1916 г. Деревенько назначается кондуктором флота. Крестниками троих сыновей матроса были члены Императорской фамилии. Его регулярно награждали орденами и медалями. В 1909 г. он награждается серебряной Великобританской и Французской золотыми медалями, в 1910 г. – серебряной медалью и Гессенским серебряным крестом ордена Филиппа Великодушного, в 1912 г. получает золотую медаль для ношения на Владимирской ленте¹⁹².

После февраля 1917 г. царская семья сделала много неприятных открытий, связанных с изменами в их ближайшем окружении. Определенные нарекания вызвало и поведение матроса А. Вырубова в мемуарах упрекала его в том, что дядька «понукал» Алексея Николае-

вича. Некоторые из мемуаристов упоминают, что в дни Февральской революции он ушел из Александровского дворца Царского Села вместе с матросами Гвардейского экипажа. Тем не менее 1 июля 1917 г. «с соизволения бывшего Императора» Деревенько назначается камердинером «при бывшем Наследнике Алексее Николаевиче». Однако в августе 1917 г. его не включили в список лиц, сопровождавших царскую семью в Tobольск. Это было связано со скандальной историей. По словам комиссара Временного правительства В.С. Панкратова, «при наследнике Алексее состоял дядька, матрос Деревенько, полуграмотный, но хитрый хохол, который пользовался большим доверием Александры Федоровны. Перед самым отъездом он подал счет (полковнику Кобылинскому) расходов. В счете оказалось, что сын Николая II за июль 1917 г. износил сапог более чем на 700 руб. Полковник Кобылинский возмутился и заявил матросу Деревенько, что в Tobольск его не пустят»¹⁹³. Эта «история» спасла жизнь «хитрого хохла». Вместо него в Tobольск отправляется матрос Гвардейского экипажа К.Г. Нагорный¹⁹⁴.

После того как царская семья уехала в Tobольск, Деревенько с семьей также уехал подальше от беспокойного Петрограда в отпуск, в Олонецкую губернию. При этом Деревенько продолжал поддерживать регулярную связь как с чинами бывшей Канцелярии императрицы Александры Федоровны, так и с Tobольском. Сохранилось несколько его писем, направленных в Петроград к камер-фрау императрицы Герингер и делопроизводителю Канцелярии императрицы Никитину. Они охватывают период с сентября 1917 г. по март 1918 г. В основном они посвящены просьбам о высылке денег и описаниям различных материальных трудностей, но там есть упоминания и о Tobольске. Например, в письме к Герингер от 21 сентября 1917 г., Деревенько писал: «Получил письмо из Tobольска, все здоровы, некоторые хотели ехать, но им сказали, что нет свободного помещения. Не знаю, когда я попаду в Tobольск? На дежурстве Мария Федоровна!». В письме от 14 ноября 1917 г. он писал: «Получил письмо от Нагорного 10 ноября. Все здоровы. Он пишет, что до весны не будет никакой смены никому... Мне сейчас тяжело жить. Жаль, что я не уехал в Сибирь!». В письмах к Никитину, написанных в январе, феврале и марте 1918 г. он сообщает, что «письма из Tobольска получаю все, слава Богу, благополучно, не знаю когда я туда попаду? Жду приказания»¹⁹⁵.

Дальнейшая судьба А.Е. Деревенько теряется в смуте Гражданской войны, но на глухой станции Олонецкой губернии у него было больше шансов сохранить свою жизнь, и ему не пришлось разделить трагическую судьбу царской семьи. По некоторым данным, А.Е. Деревенько умер от тифа в Петрограде в 1921 г.

Воспитатели и учителя. Царские дети после семи лет

По достижении 6–7 лет мальчики в царской семье переходили из женских рук в мужские. У сыновей Павла I Николая и Михаила это произошло несколько ранее, когда в 1799 г. воспитательный процесс возглавил генерал М.И. Ламсдорф, но при этом женщины продолжали окружать мальчиков вплоть до 1802 г.

В 1802 г. Николая и Михаила Павловичей усадили за парту. С этого времени их гувернерами и преподавателями стали исключительно мужчины, в основном с эполетами на плечах: генерал-майор Н.И. Ахвердов, полковники К.И. Арсеньев и П.А. Ушаков. С 1805 г. к ним присоединился майор А.П. Алединский, действительный статский советник Н.А. Дивов (с 1811 г. заменен Г.А. Глинкой) и коллежский советник Вольф. С этого времени воспитание великих князей было неразрывно связано с их образованием. Однако попробуем разграничить *воспитательный* и *образовательный* процессы.

Главным воспитателем великих князей Николая и Михаила Павловичей стал директор Сухопутного шляхетского корпуса Матвей Иванович Ламсдорф. Это был личный выбор Павла I. И хотя М.И. Ламсдорф состоял свояком республиканца-воспитателя Александра I – Цезаря Лагарпа¹⁹⁶, он реализовывал совершенно иную педагогическую парадигму, которая имела давние корни и широко внедрялась при Павле I.

Если Екатерина II пыталась на практике реализовать педагогические идеи Ж. – Ж. Руссо, то в основу педагогических методов Ламсдорфа было положено насилие в самых его разнообразных формах.

К. Брюллов. Портрет А.В. Жуковского. 1838 г.

При этом император Павел I и императрица Мария Федоровна прекрасно знали о том, что воспитатель добивается послушания от своих воспитанников методами насилия. Это была изошренная система холодных приказаний, выговоров и наказаний, доходивших до жестокости. М.И. Ламсдорф лично бил мальчиков линейкой, ружейным шомполом, хватал за

грудь или воротник и ударял об стену так, что они лишались чувств, или привязывал к ручке кровати, а потом порол розгами. При этом все эти действия фиксировались в специальных журналах¹⁹⁷.

После убийства Павла I в марте 1801 г. стратегия воспитательного процесса стала полностью определяться вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Но для мальчиков фактически ничего не изменилось, их пороли по-прежнему Молодой император Александр I практически не проявлял интереса к своим подрастающим братьям. Камер-фурьерские журналы зафиксировали только один его визит к младшим братьям на детскую половину Зимнего дворца – 28 октября 1803 г.¹⁹⁸

Как водится, насилие давало очень сомнительные педагогические результаты, калеча характеры. Николай I стал скрытным и довольно замкнутым человеком. Он очень мало кому доверял и именно этим отчасти объясняется его стремление взять под полный контроль управление страной, не доверяя никому. Однако Николай Павлович был умным человеком и к своему детству обращался неоднократно. Тяжелые воспоминания детства этого жесткого человека заставили сделать определенные выводы и совершенно изменить характер воспитания своих детей. Только сам факт приглашения *поэта* В.А. Жуковского (поэта, а не генерала!!!) ко Двору для составления образовательной программы цесаревича заслуживает самой высокой оценки педагогических талантов императора.

Воспитание цесаревича Александра Николаевича

Воспитание мальчиков в царской семье имело свою специфику. Девочки «уходили» из дома в семьи владетельных особ по всей Европе, а мальчики должны были служить России. По традиции, для них была возможна только одна карьера – карьера русского офицера, поэтому их воспитателями назначались только офицеры. Учителями могли быть и статские специалисты, но воспитателями только военные.

Поскольку воспитанию цесаревича уделялось особое внимание, то и подбор воспитателя к нему велся с особым тщанием. В июле 1824 г. воспитателем шестилетнего великого князя Александра Николаевича назначается капитан Карл Карлович Мердер, «прирожденный педагог, тактичный и внимательный»¹⁹⁹. Надо отметить, что Николай Павлович тогда еще не был императором и мало кто предполагал, что он им когда-либо будет. Но 30-летний Николай Павлович знал о своих перспективах и считал, что его старший сын рано или поздно станет цесаревичем. Тем не менее выбор К.К. Мердера лично Николаем Павловичем удивил петербургскую публику. Впоследствии все единодушно признали, насколько удачен оказался этот выбор. Редкий случай, когда большинство мемуаристов единодушно сошлись в высокой оценке К.К. Мердера. А.С. Пушкин, бывая в Зимнем дворце, знал Мердера, отметил в дневнике: «Мердер умер, – человек добрый и честный, незаменимый»²⁰⁰.

К.К. Мердер на протяжении всей своей службы (12 июня 1824 г. – 24 марта 1834 г.) тщательно отслеживал особенности характера цесаревича, стараясь развивать те из них, которые могли бы пригодиться Александру Николаевичу в роли самодержавного владыки. Надо заметить, что Александр II сохранил о своем воспитателе благодарную память, приказав соорудить памятник К.К. Мердеру на Детском острове Александровского парка Царского Села.

К.К. Мердер

Самой лучшей характеристикой полученного Александром II воспитания могут служить слова В.А. Жуковского о генерале Мердере: «В данном им воспитании не было ничего искусственного; вся тайна состояла в благодетельном, тихом, но беспрестанном действии прекрасной души его... Его питомец... слышал один голос правды, видел одно бескорыстие... могла ли душа его не полюбить добра, могла ли в то же время не приобрести и уважение к человечеству столь необходимого во всякой жизни, особливо в жизни близ трона и на троне».

Примечательно, что К.К. Мердер в своей педагогической практике тесно увязывал воспитание и образование цесаревича. Например, в 1829 г. он осуществил проект, названный «кассой благотворения». Смысл заключался в том, что успехи в науках и поведении цесаревича и его двух приятелей оценивались в денежной форме. Но накопленные личные деньги должны были идти не на собственные нужды, а на благотворительность. Два раза в год предполагалось считать собранные деньги и тратить их на какое-либо полезное дело или благотворительность. Николай I одобрил идею, и касса действовала во все время обучения наследника.

Очень сильное влияние на воспитание цесаревича Александра Николаевича, на формирование его характера, оказал отец император Николай I. Железный характер этого человека, его чувство долга, его представление о справедливости во многом были усвоены Александром II. Иногда, решая свои педагогические задачи, Николай Павлович прибегал к весьма оригинальным приемам. По воспоминаниям врача Калининской больницы Реймера, в 1835 г. Николай Павлович обратился к нему при обходе: «Я пришлю сюда своего сына, и ты покажи ему самые ужасные примеры сифилитической болезни на мужчинах и женщинах.

И. И. Шарлемань. Детская сыновей Николая I, или Корабельная. 1856 г.

Когда я был молод и еще не женат, мой доктор Крейтон тоже водил меня по военному госпиталю, больные, которых я увидел, произвели во мне такой ужас, что я до самой женитьбы своей не знал женщин»²⁰¹. Цесаревичу в 1835 г. исполнилось 17 лет и отец счел необходимым познакомить сына и с неприглядной изнанкой «любви».

Когда весной 1837 г. цесаревич отправился в путешествие по России, то Николай I постоянно писал сыну, внушая ему те истины, которые, по его мнению, были просто необходимы будущему царю. В одном из писем Николай Павлович писал: «Не любишь ли отныне еще сильнее нашу славную, добрую Родину, нашу матушку Россию. Люби ее нежно; люби с гордостью, что ей принадлежен и родиной называть смеешь, ею править, когда Бог сие определит для ее славы, для ее счастья!»²⁰².

Для младших сыновей Николай I подбирал других воспитателей-офицеров. При этом учитывалась будущая «профессия» детей императора. Второй сын Николая I великий князь Константин с детства был определен в моряки. Соответственно и воспитателя ему подбирали из моряков. Им стал адмирал Федор Петрович Литке (с 3 ноября 1832 г.)²⁰³.

Об отношении к воспитателям своих детей красноречиво говорят строки из завещания Николая I: «п. 16. Завещаю сыновьям моим всегда любить и уважать бывших при их воспитании г-а Кавелина, Литке и Философова и г. Юрьевича, Корфа и Лутковского. Благодарю их искренне за их попечение, заменявшее мой отцовский надзор, отвлеченный делами. Сыну моему предоставляю упрочить их благосостояние, равно как и прочих лиц при воспитании бывших, как у братьев, так и сестер»²⁰⁴.

Воспитание детей Александра II

Когда в 1840-х гг. у Александра II и Марии Александровны подряд родилось три мальчика, схема их воспитания была очевидна. Сам Александр II тогда оставался еще молодым человеком, прекрасно помнившим свое взросление. Да и «у руля» продолжал оставаться

Николай I, который не собирался «ломать» оправдавшую себя воспитательную схему. Мужчины-офицеры впервые появились в детской летом 1847 г., когда старшим сыновьям цесаревича шел четвертый и третий год. В Зимнем дворце сыновья цесаревича жили на детской половине на первом этаже Зимнего дворца. Трех старших (Николая, Александра и Владимира) утром мыли и одевали няни-англичанки, и они же вечером укладывали их в постель. Но днем все трое поступали под надзор военных воспитателей или, как их называли при Дворе, «гувернеров»²⁰⁵.

Весной 1849 г. воспитательницу Скрыпицыну сменил (17 апреля) генерал-майор Николай Васильевич Зиновьев. Это был выбор Николая I, который желал, чтобы его внуки как можно раньше перешли под контроль мужчины-офицера, который должен был придать их воспитанию военизированный характер. Сам Зиновьев считал себя не готовым к должности воспитателя царских внуков, хотя до этого занимал должность директора Пажеского корпуса, поэтому он принял должность воспитателя только де-факто, но де-юре этого звания не носил. Сверх содержания ему определялось жалованье по чину в 1500 руб. в год, помещение в Зимнем и других дворцах, а также придворный экипаж²⁰⁶.

Постепенно вокруг Зиновьева начал формироваться круг офицеров-воспитателей, которых он подбирал сам. В августе 1849 г. Зиновьев получил помощника в лице полковника

Григория Федоровича Гогеля. Однако для детей мало что изменилось в их жизни. Тогда, летом в 1849 г., распорядок дня детей в Царском Селе был следующим.

В 7 часов утра дети (Николай – семь лет, Александр – пятый год, Владимир – четвертый год) вставали и, помолясь Богу, шли здороваться к отцу. Потом они играли в парке, где, как правило, встречали Николая I, совершавшего свою обычную утреннюю прогулку. Дети выстраивались перед дедушкой «во фронт», снимали фуражки и получали от него поцелую.

Н.В. Зиновьев

В 9 часов пробуждалась цесаревна Мария Александровна. Дети шли здороваться к матери. После этого начинались «уроки». Первыми уроками детей стала строевая подготовка (маршировка и ружейные приемы), которой обучал старших мальчиков унтер-офицер Хренов. Этот урок был ежедневным и занимал около часа. После чего дети завтракали. Воспитатели-офицеры дежурили посменно. Первую половину дня, как правило, дежурил Гогель.

В 11 часов цесаревна Мария Александровна отводила детей (из Зубовского флигеля Большого Екатерининского дворца) в Александровский дворец здороваться с бабушкой, императрицей Александрой Федоровной. Потом возобновлялись «уроки». Генерал Зиновьев проводил занятия по артиллерийской стрельбе (2 раза в неделю) или дети занимались гимнастикой на сетке-батуте (два дня в неделю). Остальные дни в это время дети гуляли.

С 12 до 14 часов воспитательница Скрипицына учила старших мальчиков читать и писать.

В 14 часов мальчики обедали. После обеда вновь гуляли. Во время этих прогулок их обучали началам верховой езды на маленьких лошадях.

Г.Ф. Гогель

В 16 часов дети пили чай. После чаепития дважды в неделю брали уроки танцев и дважды проводились занятия со Скрипицыной. В другие дни в это время они пускали змея, играли в кегли или катались в лодке по озеру. Если погода была плохой, то мальчики дома играли друг с другом в шашки, в лото или другую игру, очень ими любимую, которая называлась «Храм счастья».

В 19 часов мальчики шли к матери и «проводили у нее целый час». В Китайской комнате Большого Екатерининского дворца Мария Александровна «сидела, окруженная детьми за чайным столом, поучала, наставляла их, хвалила или журила за их поведение, слушала их признания, разъясняла их недоумения и сомнения»²⁰⁷. Чай разливала одна из фрейлин, и тут же цесаревич играл в вист со «своими», как называл он адъютантов и вообще состоявших при нем лиц.

В 20 часов после благословения родителей дети отправлялись спать.

Рассматривая это расписание, следует отметить следующее. Во-первых, дети рано ложились (21 час) и рано вставали (в 7 часов), следовательно, на сон отводилось 9—10 часов. Во-вторых, дети весь день были заняты и их ни на минуту не выпускали из поля зрения дежурные воспитатели. В-третьих, военизированные уроки детей начались одновременно с обучением их грамоте и письму. В-четвертых, при самом удачном раскладе дети виделись с родителями не более двух часов в день. И хотя биографы уверяли, что «Мария Александровна сама руководила воспитанием детей», проводя в детской «большую часть своего времени»²⁰⁸, это не более чем комплиментарное преувеличение.

Военное образование, когда пятилетнего ребенка приучали к стреляющей пушке, показывали, как сменять караулы и разводить часовых, было довольно рано востребовано. В 1850 г. шестилетний Никса впервые разводил настоящий караул²⁰⁹. В сентябре 1850 г., после того как старшему внуку Николая I исполнилось 7 лет, началась его «действительная» военная служба. Следует отметить, что для мальчиков семилетний возраст был рубежным. После дня рождения они окончательно переходили в мужские руки и, кроме этого, происходило еще много сопутствующих изменений:

- в этот день Никсу произвели в первый офицерский чин;
- отделили от братьев и поместили в Собственные комнаты;
- за Никсой был прекращен уход нянь и к нему был приставлен камердинер Костин, который прослужил ему с 1850 по 1865 г. Никса окончательно перешел в руки военных воспитателей;
- в его спальне была поставлена кровать воспитателя полковника Гегеля;
- умываться и одеваться он должен был сам, без прислуги;
- русскую рубашку заменила гусарская куртка;
- на придворных церемониях он стал появляться в качестве офицера²¹⁰.

Когда 26 февраля 1852 г. второму сыну Александра II Александру Александровичу исполнилось 7 лет, с ним произошли аналогичные изменения. Его произвели в чин гвардии прапорщика и корнета. Мальчика переселили в комнаты старшего брата. Койка воспитателя стояла между кроватями мальчиков, и он не оставлял мальчиков ни днем, ни ночью²¹¹. Примечательно, что практика, когда воспитатели спали в одной комнате со своими воспитанниками, сохранялась вплоть до конца XIX в. Воспитатель обязан был находиться в одной комнате со своим воспитанником до тех пор, пока тот не засыпал. Уходя домой, воспитатель великого князя обязательно оставлял вместо себя одного из камердинеров²¹².

После того как в феврале 1855 г. цесаревич Александр Николаевич стал императором Александром II, положение его

старшего сына изменилось, поскольку мальчик Никса стал цесаревичем Николаем Александровичем. Его отделили не только от младших братьев, но и стали учить по особой программе. При этом военизированный характер и воспитания, и образования по требованию Александра II полностью сохранялся.

Одним из воспитательных новшеств стало появление рядом с цесаревичем молодого боевого офицера, 28-летнего адъютанта князя И.А. Барятинского – Оттона Борисовича Рихтера, что было неслучайно.

О.Б. Рихтер

О своих намерениях и планах относительно наследника Александр II писал в мае 1858 г. «покорителю Кавказа» князю И.А. Барятинскому. В этом письме царь ссылался на генералов В.В. Зиновьева и А.А. Ливена, которые отвечали за весь круг вопросов, связанных с воспитанием цесаревича Николая Александровича. Александр II спрашивал мнение князя И.А. Барятинского о его адъютанте О. Б. Рихтере и сообщал, что он предполагает назначить его «заместителем гувернера при нашем старшем сыне, но прежде, чем мы это решим, желательно узнать Ваше мнение о его характере, чтобы понять, сможет ли он нам подойти. Речь идет о *молодом человеке* с надежным характером, который был бы *другом* и *советчиком* нашему сыну и развивал в нем своими занятиями и общением жажду к обучению. Важен ежедневный контакт с человеком, наиболее близким по возрасту к нашему сыну, из тех, кто его окружает. Вот пока все, что я хотел Вам сказать»²¹³. В этом письме Александр II сформулировал основные требования, которые он лично предъявлял к воспитателям наследника-цесаревича.

Видимо, Барятинский дал Рихтеру самые лестные характеристики. Для этого были все основания. О.Б. Рихтер образование получил в Пажеском корпусе, по окончании которого в 1848 г. поступил на службу корнетом аристократического лейб-гвардии Конного полка. В 1853 г. уже как ротмистр Ахтырского гусарского полка принимал участие в Крымской войне, в осаде крепости Силистрия. По окончании войны Рихтера назначили адъютантом к главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанту А.И. Барятинскому.

В 1856–1858 гг. Рихтер принимал участие в военных действиях против горцев в Большой Чечне, занятии долины реки Мичик, рубке просек и разработке дорог. В 1857 г. его произвели в полковники и назначили в Куринский пехотный полк. В 1858 г. Рихтер принимал участие во взятии Аргунского ущелья, командуя первой штурмовой колонной, за что получил золотое оружие с георгиевским темляком.

Такой послужной список 28-летнего полковника дорогого стоил, и в июле 1858 г. Рихтер прибыл в Петергоф для представления императору и принятия «окончательных решений». Смотрины прошли благополучно, и приказ с назначением состоять при наследнике-цесаревиче Рихтер получил 30 августа 1858 г.²¹⁴

В 1859 г. у цесаревича появился персональный *воспитатель-опекун* — граф С.Г. Строганов. Тогда же для цесаревича был сформирован «Штат Двора Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича»²¹⁵. Всего в состав его штата вошло 85 человек. Непосредственно обслуживали цесаревича 36 человек²¹⁶. Кроме этого, по Конюшенному ведомству цесаревича обслуживали еще 49 человек²¹⁷.

Согласно законам Российской империи, «достигший совершеннолетия вступает сам в управление своим имуществом; но с того времени до двадцатипятилетнего возраста при каждом лице Императорского дома, носящем титул Императорского Высочества или Высочества, состоит особый попечитель». Задачи попечителя состояли в том, чтобы давать «советы по всем делам, до имени его касающимся, и утверждает его волю, без чего она никогда не может быть действительною».

Познакомившись с прекрасно образованным юношей, граф Строганов изумился тому, что в цесаревиче он обнаружил «холодное и равнодушное отношение, если не отвращение к военному делу»²¹⁸. Это было совершенно не типично для Романовых, искренне преданных офицерской службе. Такие настроения цесаревича вызвали недовольство Александра II.

Следует отметить, что отношения Александра II со старшим сыном складывались далеко не безоблачно. Современники упоминали, что царь был «строг к своему наследнику, скажу даже, в некоторых случаях, немилосерден...». Есть упоминания, что Александр II испытывал определенную ревность к своему старшему сыну как к преемнику и, возможно, поэтому позволял себе резкие замечания с запрещением выражать свое мнение «молокососу, как он его называл»²¹⁹. Неоднократно Александр II упрекал хрупкого, интеллигентного сына в отсутствии мужественности и, возможно, травма спины цесаревича, полученная на скачках в Царском Селе, была результатом стремления цесаревича показать свою «мужественность».

Молодой цесаревич Николай Александрович, по единодушным отзывам воспитателей и преподавателей, подавал большие надежды. Его интеллектуальные качества были неоспоримы. Однако в апреле 1865 г. цесаревич после тяжелой болезни умер.

Его преемником «по должности» цесаревича стал второй сын императора – великий князь Александр Александрович. Преподаватели, «навалившись» на цесаревича, с удивлением выяснили, что программа его воспитания и обучения была на порядок ниже, чем у его старшего брата. Мемуаристы объясняли этот факт влиянием императрицы Марии Александровны, которая сознательно снижала образовательные стандарты младших сыновей, чтобы они не заслоняли своего блестящего старшего брата, будущего российского императора.

Если это действительно так, то создавала она эти образовательные преимущества весьма и весьма тактично. Дети ее любили. Для них она была в первую очередь мамой, а уже затем императрицей. Такое в царской семье бывало далеко не всегда. Александр III вспоминал впоследствии: «Сколько было разговоров самых разнообразных, душевных, всегда Мама выслушивала спокойно, давала время все высказать и всегда находила, что ответить, успокоить, побранить, одобрить и всегда с возвышенной христианской точки зрения»²²⁰.

Второй и третий сын Александра II – великие князья Александр и Владимир росли вместе. Они жили в одной комнате, у них были одни воспитатели, они вместе делали уроки и отвечали преподавателям. Перед сном они совершали обязательные прогулки по Дворцовой набережной. Эту близость братья сохранили на протяжении всей жизни.

У воспитателей, наблюдавших за будущим Александром III и его братом, подчас возникали недоуменные вопросы. В ноябре 1861 г. один из воспитателей с удивлением записал в дневнике: «Я всегда удивлялся, смотря на Александра Александровича, и думаю, как юношу почти в 17 лет могут занимать детские игры, как, например, перекидывание снега лопатой»²²¹. А между тем из этого «перекидывания снега» выросла целая традиция, и уже никто не удивлялся, когда Николай II за зиму, «здоровья ради», перекидывал тонны снега. Конечно, представить Николая I с лопатой, разгребающего дорожки в парке, трудно, но для Александра III и Николая II этот образ был уже вполне органичен.

Вызывало удивление воспитателя и несколько инфантильное отношение молодых великих князей к девушкам: «Они почти с ними никогда не говорят, а если случится перемолвить слово, то совершенно так же, как с каким-нибудь товарищем, как с Гришей Гогелем, например, разве что немного покороче, чтобы скорее отделаться»²²². А между тем впоследствии, после весьма кратковременных юношеских увлечений, Александр III и Владимир Александрович превращаются в самых верных мужей.

Были у молодых людей и редкие экстремальные приключения, воспоминания о которых бережно хранились долгие годы. В июне 1864 г. состоялся пеший «поход» компании великих князей и их ровесников из Царского Села в Гатчину. Все произошло довольно спонтанно, поскольку они вышли в 4 часа пополудни и пришли в Гатчину только вечером, в половине десятого. При этом молодые люди чувствовали себя настолько хорошо, что на следующий день вернулись пешком в Царское Село через Ропшу. Александр III потом всю жизнь хранил в своем рабочем столе альбом с зарисовками сценок этого «похода». Из этого приключения у двух императоров – Александра III и Николая II выросла прочная привычка к длительным пешим прогулкам в хорошем темпе. Эти прогулки позволяли отключиться от бесконечной рутинной работы, которая занимала все время самодержцев.

Следует отметить, что до 17–18 лет воспитатели сохраняли жесткий контроль за всеми сторонами жизни великих князей, единолично определяя уровень их личной свободы. Поскольку эта практика соблюдалась с детства, то великие князья беспрекословно слушались воспитателей, став почти взрослыми. Например, в 1862 г., когда Александру было уже 17 лет, воспитатель потребовал от молодых людей очистить учебные комнаты в Зимнем дворце от «разного хлама», который там неизбежно набирался: «Сперва я очистил от всех этих вещей комнату Владимира Александровича, который добровольно подался на это требование, но Александр Александрович ослушался, и я должен был настоятельно потребовать от него исполнения заведенного порядка»²²³.

Конечно, столь жесткий контроль со стороны воспитателей не вызывал восторга у великих князей. Они подчинялись, но осадок несправедливости происходившего у них сохранялся на долгие годы. Следует признать, что в отношении родителей к детям присутствовал элемент здорового прагматизма, учитывавший их будущее положение в родовой иерархии Романовых. Эта некоторая отчужденность во взаимоотношениях с родителями тяжело переживалась детьми, спустя много лет, в 1878 г. великий князь Владимир Александрович рассказывал окружающим о «равнодушии своих родителей» к ним и без всякого уважения говорил о своих воспитателях²²⁴. Присутствовавший при этом великий князь цесаревич Александр Александрович соглашался с ним, называя свое детство «отвратительным воспоминанием»²²⁵.

Наличие негативных детских впечатлений подтверждает и граф С.Д. Шереметев, который был одним из адъютантов цесаревича Александра Александровича. Он пишет, что ему не раз приходилось слышать от великого князя Александра Александровича упоминания о том, что «почти не было у него хороших воспоминаний отрочества...Пребывание в Зимнем дворце для него всегда было мрачное время, и он даже раздражался вспоминать о нем. Счастлирое время для него началось с переездом из Зимнего дворца в Аничков...Почему он не любил вспоминать про свое детство и почему он раздражался, говоря об этом времени, – не знаю»²²⁶.

Видимо, детские воспоминания действительно для Александра и Владимира не доставляли радости. Наблюдая за взрослением своих младших братьев, разница в возрасте с которыми доходила до 15 лет, они констатировали, что детство братьев счастливее их собственного²²⁷.

Детство Николая II

У Александра III и императрицы Марии Федоровны родилось пятеро детей. Первый ребенок, будущий Николай II, родился в мае 1868 г., когда отцу было 23 года, а матери 20 лет. Естественно, «по образцу прошлых лет» воспитательную стратегию внуков определял Александр II. Ранний возраст для внуков Александра II проходил по отработанной схеме: русские кормилицы в кокошниках, няни-англичанки, короткие платьица и женское окружение. Когда цесаревич подрос, родители поставили задачу перед воспитателями сформировать из великих князей «нормальных», не забалованных детей. В мемуарах часто приводятся слова Александра III: «Повторяю, что мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные, здоровые, русские дети».

Главным воспитателем к Николаю в 1877 г. назначается генерал Григорий Григорьевич Данилович. В этой должности он состоял до 1891 г., то есть 14 лет. Это было решение Александра II.

Впоследствии, после гибели империи, многие из современников, анализируя особенности сложного характера Николая II, предъявили «счета» Г.Г. Даниловичу. Некоторые из мемуаристов упоминали, что воспитательные методы Даниловича «изломали» характер Николая II, сделав его скрытным и замкнутым. Предъявляли претензии и к Александру III, который не сумел передать детям свою харизму власти: «Их слишком настойчиво учили быть «прежде всего людьми» и слишком мало готовили к их трудной сверхчеловеческой роли»²²⁸.

Рассуждая на эту тему, следует иметь в виду, что Данилович был профессиональным военным педагогом. Свою педагогическую карьеру он начал в Дворянском полку, а затем служил под началом талантливого руководителя военно-учебных заведений Я.И. Ростовцева. Данилович принимал участие в реформе военно-учебных заведений в 1860-х гг., многие годы возглавлял аристократический Второй кадетский корпус. Это был опытный военный педагог, соответствующий уровню требований своего времени.

Классная комната вел. кн. Николая и Георгия Александровичей в Гатчинском дворце

Трое сыновей Александра III не были забалованными детьми. Родители держали их «в руках». Каждый и по-разному. Отец охотно разделял детские забавы не только своих детей, но и их ровесников. Сохранилось несколько фотографий Александра III с клюшкой в руках на катке у Аничкового дворца, рядом со своими подросшими сыновьями. Императрица Мария Федоровна строила свои отношения с детьми по-иному. Это были отношения, не выходящие за рамки дворцового этикета. Естественно, отношение царственных родителей к своим детям обсуждалось в свете. Многие сходились в том, что любимым сыном Александра III был младший Михаил, что Георгий – самый талантливый и способный, что старший сын Николай довольно бесцветен как личность. Досужим разговорам не было конца...

Доставалось и императрице Марии Федоровне. Например, генеральша Богданович в своем дневнике, со ссылкой на камердинера Николая II, писала, что «детей своих Мария Федоровна совсем не любит. Она детей никогда не ласкала. Покойный Александр III был гораздо нежнее с детьми, чем мать. Несмотря на свою суровость, бывало, царь обнимет сыновей, но мать никогда. Иногда, совсем неожиданно, царь заходил в спальню детей, но мать, как заведенные часы, заходила аккуратно в один и тот же час, так же, как в одно и то же время дети являлись к ней – поздороваться утром, поблагодарить после завтрака и обеда и проч. Радциг говорит, что он был полным хозяином в спальне наследника, никакого контроля за ним не было»²²⁹.

Вмешивалась в воспитательный процесс и ближайшая родня. Мальчишки оставались мальчишками и, естественно, шалили. По рассказам мемуариста, однажды на вокзале, во время торжественных проводов Александра III, его сыновья страшно расшалились, бегая между ногами сановной публики. Видимо, они совершенно не реагировали на замечания, и выведенный из терпения младший брат царя, великий князь Владимир Александрович, схватил будущего Николая II за уши и публично выдрал его, говоря: «Я тебе говорю – перестань шалить»²³⁰.

Но наряду со многочисленными воспитателями «по должности» рядом с цесаревичем Николаем оказался редкий человек, который являлся воспитателем по призванию. Это был его преподаватель английского языка Карл Иосифович Хис. Он появился рядом с цесаревичем, когда тому исполнилось 10 лет. Благодаря Хису все дети Александра III получили прекрасную физическую подготовку. Генерал Н.А. Епанчин писал об этом в мемуарах: «Физическое развитие наладилось случайно. Дело в том, что для занятий по английскому языку был приглашен мистер Хис... Именно Хис обратил внимание на недостаточность физических упражнений цесаревича и занимался этим делом и, между прочим, закаливанием цесаревича, в чем достиг превосходных результатов». Говоря о результатах этого воспитания, Н.А. Епанчин подчеркивал, что царь «был очень вынослив в физическом смысле, не боялся сквозного ветра, не был подвержен простуде и обладал прекрасным здоровьем»²³¹.

Об этом же упоминают и другие мемуаристы. А.П. Извольский писал, что «действительным руководителем его занятий был англичанин Хетс, занимавший место частного учителя в Императорской семье... особенную склонность он чувствовал к спорту и затратил много труда, чтобы воспитать в своих учениках любовь ко всем видам спорта. Ему Николай II обязан совершенным знанием английского языка и увлечением спортом»²³². Негативно относившийся к царю кадет и масон В.П. Обнинский также счел необходимым упомянуть об этом – «англичанин Mr. Heath, «Карл Осипович» как его обыкновенно называли... прекрасный художник и спортсмен... В юношеские годы первое место занял спорт всех видов, и царские сыновья хорошо скакали, стреляли, ловили лососей... подвижность и любовь к спорту отличали всех детей Александра III»²³³.

Видимо, не без влияния Хиса в 1879 г. будущий император писал отцу: «Я не умею еще плавать, но скоро научусь»²³⁴. После переезда семьи в марте 1881 г. в Гатчинский дворец, в одной из его комнат, для подрастающих наследников оборудовали гимнастическую комнату, в которой были установлены турник и параллельные брусья²³⁵.

Одежда детей

Внешний вид детей в императорской семье был не менее важен, чем внешний вид взрослых. Следует иметь в виду, что на протяжении большей части XVIII в. детской одежды как таковой не было. Дело в том, что на детей смотрели как на маленьких взрослых. Поэтому для детей шили одежду по взрослой моде, но меньшего размера. Только на рубеже XVIII–XIX вв. наметилась тенденция к появлению детской одежды, но только тенденция. Известно, что Екатерина II лично проектировала одежду для своих внуков Александра и Константина. У нее получилось нечто вроде детского комбинезона, которым она очень гордилась.

Вел. кн. Александр, Владимир и Николай Александровичи. 1849 г.

Поскольку царские дети с момента рождения зачислялись на военную службу, то им очень рано приходилось облачаться в военную форму. Например, летом 1847 г. император Николай I приказал своему старшему внуку Николаю, которому тогда шел четвертый год, «быть в форме» на разводе лейб-гвардии Конного полка. Выполняя приказ императора, воспитательница одела на мальчика «имеющуюся шинель Преображенского полка и фуражку». При этом император предполагал, что у трехлетнего мальчика должно быть несколько комплектов военной формы. Когда же он увидел, что на внуке одета пехотная, а не кавалерийская фуражка, он немедленно выговорил воспитателям за нарушение формы одежды трехлетним ребенком. Воспитатель мальчика был вынужден доложить цесаревичу Александру Николаевичу, что ему «досталось от его величества на другой день. Его величество изволил выговорить мне»²³⁶.

Фактически дети росли в военной форме. Однако в конце 1840-х гг. Николай Павлович несколько модифицировал детскую одежду. Самые маленькие внуки, лет до трех, донашивали платья своих старших сестер. Под платьями мальчики носили широкие панталончики. Эта странная традиция сохранялась в дворянской среде повсеместно вплоть до начала XX в.

Остались гравюры маленького Александра II, одетого в платьица с декольте, украшенные «жуткими розочками»; фотографии 1870-х гг. маленького Николая II, одетого в платьице; фотографии начала XX в., на которых цесаревич Алексей запечатлен в таких же платьицах, что и его отец в 1870-х гг.

Вел. кн. Александр Николаевич

Вел. кн. Сергей Александрович, 1861 г.

Вел. кн. Сергей Александрович с братом Павлом. 1862 г.

Где-то лет с трех-четырех мальчиков облачали в «русские» кумачовые или белые рубахи-косоворотки и шаровары, заправленные в сапоги. Это был «народный стиль», принятый при дворе Николая I. При этом у мальчиков для особо парадных случаев уже появлялись первые комплекты военной формы.

Окончательно в военную форму мальчики переодевались после достижения семи лет. С этого времени они, перейдя от женщин-воспитательниц к воспитателям-офицерам, уже считались на действительной службе. С 1850 г. старшие сыновья наследника-цесаревича начинают участвовать в придворных и военных торжествах. Тогда Никсе было семь, а Александру – пять лет. 5 сентября 1850 г. на полковом празднике Кавалергардского полка, проходившем на лугу перед Елагиным дворцом, по желанию Николая I с мальчиков сняли красные русские рубашки, в которых они обыкновенно ходили. Старших внуков царя переодели в полную парадную офицерскую форму лейб-гвардии Гродненского гусарского полка (Николая) и в лейб-гусарскую солдатскую шинель (Александра)²³⁷.

Детский костюм Александра Павловича. 1784 г.

Однако наряду с настоящей военной формой у детей имелись комплекты домашней одежды, стилизованной под военную форму. Это были так называемые «гусарские курточки». Такие же курточки дозволялось носить всем товарищам по детским играм, приезжавшим в Зимний дворец. Как вспоминал граф С.Д. Шереметев: «Меня облакали в гусарскую курточку (гусарские курточки были изобретены императором Николаем, и так как великие князья их постоянно носили, то и нам дано было позволение их надевать во всякое время, меня забавляло всегда, что по фуражке солдаты на улице, а иногда и офицеры принимали меня за Великого Князя и отдавали честь; в сущности, это было не что иное, как ливрея)»²³⁸. Но даже эти стилизованные под форму домашние курточки напоминали великим князьям об их предназначении. У Александра на куртке были самые настоящие погоны Финского стрелкового батальона, шефом которого он состоял²³⁹. А Владимир Александрович всегда носил «драгунскую куртку», поскольку состоял шефом лейб-гвардейского Драгунского полка²⁴⁰.

Судя по фотографиям 1860-х гг., у великих князей был еще один вариант домашней одежды: удлиненный сюртук с погончиками и красными выпушками, его носили застегнутым только на верхнюю пуговицу. Под сюртук одевалась белая рубашка с отложным воротником. Сюртук носили с форменными брюками на штрипках. При этом если гусарская курточка предполагала сапоги, то брюки носились с ботинками.

Судя по воспоминаниям, отложной воротничок белой рубашки поверх воротника сюртука был нарушением формы одежды, и это пресекалось. С.Д. Шереметев упоминает: «Мне

всегда бросались в глаза безукоризненной белизны воротнички его рубашки, незаконно появившиеся из-за воротника мундира и сюртука. За эти воротнички ему не раз доставалось от государя»²⁴¹.

И.Н. Крамской. Портрет вел. кн. Сергея Александровича

Это «воспитание формой» приводило к тому, что все Романовы были, мягко говоря, равнодушны к форме. Они буквально срастались с военной формой и чувствовали себя в ней естественно и свободно. Когда в 1864 г. встал вопрос о поездке за границу сыновей Александра II Александра и Владимира, то наряду с радостью от свидания с родителями и старшим братом, их очень волновал вопрос, как будут они носить штатское платье²⁴².

Наказания детей

Воспитательный и образовательный процесс невозможен без наказаний в той или иной форме. Поскольку царские дети были далеко не ангелами, то детей наказывали и во дворцах. Поводом к наказанию, как обычно, служили либо обычные детские шалости, либо неуспехи в учебе. При этом следует иметь в виду, что детей ни на минуту не оставлял без присмотра многочисленный штат воспитателей. Возможность расшалиться как следует, у них практически отсутствовала. Поэтому именно учеба была для них главным источником «неприятностей».

Характер наказаний детей разительно изменился при Николае I. Когда сам Николай I был маленьким, его наказывали бранью, толчками, щипками, ударами линейки и даже розгами. По свидетельству современников, главный воспитатель Ламсдорф мог в ярости ударить будущего Николая I головой об стену²⁴³. Один из мемуаристов писал: «Время было такое: били людей по убеждению, а не из злобы. Даже царственные лица не были от этого изъяты»²⁴⁴.

Спустя много лет Николай I оценивал эти педагогические методы следующим образом: «Граф Ламсдорф сумел вселить в нас одно чувство – страх, и такой страх уверенность в его могуществе, что лицо матушки было для нас второе в степени важности понятий... Употреблял строгость с запальчивостью, которая отнимала у нас чувство вины своей, оставляя одну досаду за грубое обращение, а часто и незаслуженное»²⁴⁵.

Когда у самого Николая I появились дети, то их наказывали совершенно по-иному. Методы физического воздействия *совершенно изъяли* из воспитательного процесса. Воспитатель цесаревича Александра Николаевича К.К. Мердер упоминает, что наказывали детей либо запретом встречаться с родителями, либо ограничениями в еде. При этом воспитатель цесаревича поддерживал связь с императором, имея постоянную возможность «прямого выхода» на самодержца.

Следует заметить, что системные физические наказания действительно изъяли. Однако царских детей, видимо, все-таки периодически пороли. Правда, об этом до нас дошли только глухие упоминания. В 1863 г. шестилетнего великого князя Сергея Александровича выпороли розгами²⁴⁶.

В марте 1829 г. за выказанную на уроке истории «необыкновенную апатию» Николай I запретил цесаревичу «подходить к нему при прощании вечером»²⁴⁷. Были и наказания несколько парадоксального характера. В 1829 г. 11-летнего цесаревича за «плаксивость и апатичность» наказали лишением права входить в учебную комнату в воскресенье. В январе 1832 г. за невыученное наизусть стихотворение цесаревич «за обедом кушал один суп»²⁴⁸. Спустя несколько дней, когда цесаревич получил отметки хуже, чем его товарищи, и за это «получил выговор от государя императора», то опять за обедом он ел один суп²⁴⁹. Если поведение и успеваемость мальчиков была хорошая, то К.К. Мердер мог себе позволить обратиться к Николаю I с просьбой «о помиловании» цесаревича и его товарищей²⁵⁰.

Наказывали цесаревича не только за учебу, но и за промахи во время военных упражнений. Когда в мае 1832 г. 14-летний цесаревич во время парада «опозорился», проскакав галопом вместо рыси, то по распоряжению отца его посадили «под арест» на дворцовую гауптвахту²⁵¹.

Остальные дети Николая I были обычными детьми, то есть далеко не ангелами. Например, мемуаристы упоминают о «выходящей за рамки» шалости второго сына царя – великого князя Константина Николаевича. Однажды он во время карточной игры родителей и их

гостей потихоньку выдернул стул из-под одного из гостей, когда тот собирался сесть за карточный стол. Грузный И.М. Толстой упал на пол и, огорошенный этим падением, с трудом поднялся с помощью М.Ю. Вильегорского. При этом маленький великий князь со смехом выбежал из комнаты. Николай I, побелев от гнева, положил на стол свои карты и, обращаясь к императрице, сидевшей невдалеке, произнес: «Мадам, встаньте». Императрица поднялась. «Просим извинения у Ивана Матвеевича в том, что так плохо воспитали нашего сына!» После чего мальчика наказали²⁵².

В семье самого Александра II эти традиции соблюдались в полной мере. Осуждение со стороны императора-отца и императрицы-матери имело для детей огромное значение. Тем более следует учесть, что общение детей и родителей не было постоянным. Детские комнаты были совершенно изолированы от половин императора и императрицы. Поэтому контакты родителей и детей сводились к кратковременным «визитам» родителей в детскую или «визитам» детей на родительскую половину. Иногда родители и дети «пересекались» во время светских мероприятий. Одна из фрейлин описывает визит детей Александра II на половину императрицы Марии Александровны в июле 1855 г. следующим образом: «Сегодня утром я была у императрицы. К ней вошли ее четыре сына, все крупные, красивые, хорошо сложенные мальчики, смотреть на которых доставляет удовольствие. Императрица спросила у них отчет о их уроках; младший сознался, что он плохо учился. Императрица очень строго посмотрела на него и сказала: «Это меня очень огорчает»»²⁵³.

Дети учились по-разному. Старший сын Александра II, Николай, учился очень хорошо. Александр и Владимир – «упертые» троечники и учились откровенно плохо. Для учителей и воспитателей это была серьезная проблема, которую они пытались решать, в том числе используя те или иные наказания.

Если систематизировать эти наказания, то они оказались достаточно стандартны, поскольку педагогика вещь довольно консервативная по природе. *Во-первых*, самой серьезной формой наказания было обращение воспитателей к родителям мальчиков. Иногда устно, иногда в форме писем и докладных. Надо заметить, что «стукачеством» воспитатели не злоупотребляли, поскольку хорошо понимали, что тем самым расписываются в собственной несостоятельности. Чаще они прибегали к угрозе обратиться к родителям. Этот «педагогический шантаж» оказывался достаточно действенным для всех поколений Романовых. Детей больше страшил не сам факт наказания, а то, что их неуспехи в учебе огорчат царственных родителей. Но иногда нервы воспитателей не выдерживали. И как это ни странно, в «забавах» принимал участие и «отличник» – 19-летний цесаревич Николай Александрович: «Александр Александрович и Николай Александрович начали приставать к маленькому брату Алексею Александровичу; дело началось шуткой, а кончилось очень неприятно для старших братьев. Алексея Александровича так облили водой и измучили, что он пожаловался императрице и государю. Всех старших братьев государь позвал к себе и сделал им строгий выговор»²⁵⁴. Доставалось мальчикам от родителей и после «ревизии» их успеваемости: «Владимир Александрович получил сегодня от императрицы строгий выговор за его «О» баллов»²⁵⁵. Когда осенью 1865 г. воспитатель великого князя семилетнего Сергея Александровича напомнил, что «их Величествам будет известно все, что он делает, то немедленно стал послушен и уже больше не шалил»²⁵⁶.

Во-вторых, это были традиционные *ограничения в еде*: лишение за чаем хлеба с маслом или сладкого блюда за обедом. Один из воспитателей девятилетнего великого князя Сергея Александровича описывает типичную ситуацию (31 августа 1866 г., Ливадия), которая воспроизводилась несколькими поколениями воспитателей царских детей: «Я ограничился упреком, обещав в следующий раз лишить его сладкого блюда за обедом. Наказание это, в котором лишение соединено с унижением (т. к. ежедневно обедает с великим кня-

зем один из учителей), будет, полагаю, действенным»²⁵⁷. И такое наказание было в самом деле действенным. Надо заметить, что в отношении еды маленьких великих князей держали буквально в ежовых рукавицах. В сентябре 1866 г. девятилетнего Сергея Александровича поставили в угол перед обедом только за то, что он хотел без позволения съесть кусок малиновой лепешки²⁵⁸. А через несколько дней на невинный вопрос мальчика «Что будет у нас к ужину?» воспитатель жестко ответил: «Если вы голодны, ужинайте, в противном случае, идите спать»²⁵⁹.

В-третьих, это различные дисциплинарные наказания, когда мальчиков могли поставить «на несколько минут в угол»²⁶⁰. Любые формы физических наказаний были, конечно, исключены.

В-четвертых, это были запреты на какие-либо игры и развлечения. Например, когда поздней осенью 1861 г. Александру Александровичу запретили кататься на лыжах рядом с Александровским дворцом, то он «был сильно огорчен тем, что я не позволил ему этого без особого разрешения графа»²⁶¹. Иногда поводы для запретов возникали серьезные. Воспитатель зафиксировал следующую ситуацию: «После обеда Александр Александрович и Владимир Александрович поссорились друг с другом. Владимир Александрович спрятался в камердинерскую и боялся оттуда выходить, потому что Александр Александрович не на шутку угрожал ему. Я велел Владимиру Александровичу выйти из засады и обещал, что никто его не тронет, а Александру Александровичу сказал, что если он только дотронется до него, то не пойдет вечером к великому князю Константину Николаевичу. Этим средством я обоих успокоил»²⁶².

В опубликованных дневниках воспитателей Александра и Владимира Александровичей встречается множество упоминаний самого обычного мальчишеского поведения. Это поведение буквально прорывалось сквозь пристальную опеку воспитателей и, возможно, было неосознанной формой протеста против этой чрезмерной опеки. Воспитатели же в свою очередь использовали весь свой «арсенал» для того, чтобы держать мальчиков «в рамках». Конечно, когда в 1854 г. девятилетний Александр Александрович «шалил во время урока, прыгал по стульям или прятался под стол»²⁶³, воспитателям приходилось принимать меры. А 5 сентября 1861 г., встав «в шесть с четвертью часов... Александр Александрович был как-то особенно в духе с самого утра, что он выпускал дикие горловые звуки. Впрочем, он прилежно приготовил уроки до 8 часов»²⁶⁴.

15 сентября братья играли после обеда в крокет и входили «в такой азарт, что со стороны ничего не слышно, кроме ругательств и насмешек»²⁶⁵. Видимо, это было обычной манерой игры братьев, поскольку через несколько дней воспитатель отметил, что «великие князья ужасно неприлично ведут себя во время игры; они решительно не могут играть спокойно и мирно и беспрестанно ругаются»²⁶⁶. Воспитатель, конечно, пытался бороться с таким поведением воспитанников: «Во время игры он больше ничего не делал, как ругался. Я вызвал Александра Александровича в особую комнату и при Николае Александровиче же довольно долго распекал его за это, обещая, что его в другой раз не допустят до игры за подобное невежество»²⁶⁷. Ради справедливости следует отметить, что не лучше вели себя и двоюродные братья сыновей царя. Когда в игре принял участие 11-летний великий князь Николай Константинович, то воспитатели буквально схватились за голову, поскольку этот воспитанник Мраморного дворца «так кривлялся и паясничал, что я был сам не рад, что взял его с собою»²⁶⁸. Иногда мальчики обзывались: «За чаем мне пришлось сделать выговор Александру Александровичу за это несчастное слово «цинготный»»²⁶⁹.

Следует отметить, что даже после того как дети выросли, они до своего совершеннолетия оставались жестко подчинены в своих действиях родителям, воспитателям, а после совершеннолетия и наставникам-попечителям. В качестве примера можно привести эпизод, мимоходом упомянутый в дневнике великого князя Сергея Александровича, которому в феврале 1877 г. шел двадцатый год. Тогда он отпрашивался у матери для того, чтобы поехать в театр посмотреть известного итальянского трагика, играющего в «Гамлете». Ему было разрешено²⁷⁰.

В семье Николая II практика наказаний детей оставались в целом традиционной. «Узаконенных» физических наказаний, конечно, не было, но детей периодически шлепали. И не обязательно родители. Сестра Николая II упоминала, что она сама «влепила затрещину племяннице Анастасии»²⁷¹. Примечательно, что Николай II также лично участвовал в «воспитательном процессе». Сохранились упоминания, что дочерям от отца, периодически «доставалось». Однако цесаревича Алексея, не смотря на все его выходки, никто и пальцем не трогал. А.А. Вырубова упоминает, что частенько доставалось самой шкодливой из дочерей Николая II – Анастасии. Однажды во время обеда на «Штандарте», пятилетняя Анастасия залезла под стол и там начала щипать гостей: «Государь, поняв в чем дело, вытащил ее за волосы, и ей жестоко досталось»²⁷².

Детские игрушки

Взросление любого ребенка связано с игрушками. Причем для ребенка игрушкой может стать любая, даже случайная вещь. «Взрослая» или «детская», без разницы. При этом взрослые, конечно, стараются, чтобы ребенок получал игрушки «по возрасту» и чтобы они по возможности носили развивающий характер.

Игрушки бывают у всех детей, имели их и дети царя. Но в играх именитых детей присутствовала определенная специфика, обусловленная их высоким происхождением. Проще говоря, у царских детей и игрушки были «царские». Это совсем не значит, что они являлись дорогими. Многие из этих игрушек на почти подсознательном уровне воспитывали у детей то, что сейчас принято называть «чувством историзма».

Цесаревич Николай Александрович с погремушкой. 1869 г.

Например, сохранилась литография, на которой годовалый Николай II изображен с детской погремушкой в спальне Аничкового дворца. Конечно, это была не простая, а парадная погремушка. Усыпанную драгоценными камнями парадную погремушку изготовили придворные ювелиры еще при Екатерине II. В качестве реликвии она передавалась каждому новорожденному наследнику престола. В 1869 г. ее подарила «милому Ники» бабушка – императрица Мария Александровна²⁷³. Ныне эта погремушка хранится в Алмазном фонде Московского Кремля.

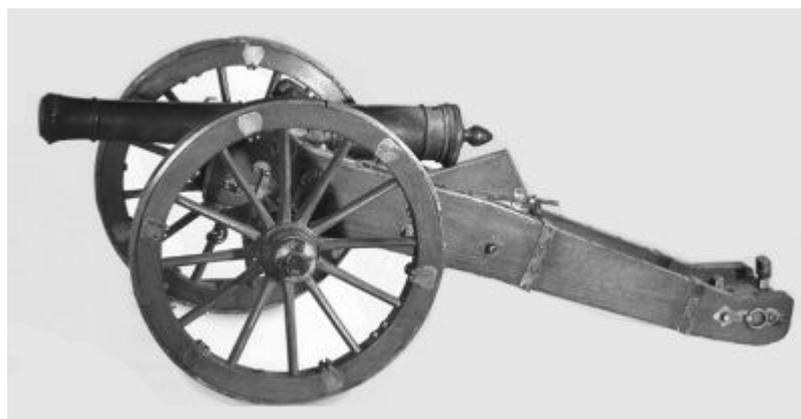
Вел. кн. Александр Павлович с погремушкой

В свою очередь, сын Николая II цесаревич Алексей в 1910-х гг. играл лошадкой, которую еще в конце 1750-х гг. подарила Екатерина II своему сыну Павлу Петровичу. Конечно, забавляясь драгоценной погремушкой и облезлой лошадкой, они вряд ли осознавали то, что этими же игрушками когда-то играли их царственные предки. Но «войдя в возраст», они с удивлением узнавали, что с «их» любимой старой лошадкой играл еще император Павел I.

Следует отметить, что «по примеру прежних лет» вышедшие из употребления личные вещи, в том числе и игрушки, бережно хранились в дворцовых кладовках. Более того, их передавали по наследству, вне зависимости от их материальной стоимости и внешнего вида. Для членов семьи это были не просто старые игрушки, а ИГРУШКИ Александра I, Николая I и других российских императоров. В Аничковом дворце вплоть до революции 1917 г. хранились детские игрушки Николая II. И. Бабель так описывал свое «посещение» дворца в дни революции: «На столе горою лежали детские игрушки, разорванные тряпицы, изорванные книги с картинками... Остаток ночи мы провели, разбирая игрушки Николая II, его барабаны и паровозы, крестильные его рубашки и тетрадки с ребячьей мазней»²⁷⁴. В результате дети буквально с молоком матери впитывали чувство историзма и осознание своей преемственности в череде правителей России.

Лошадка. Середина XIX в.

Модель полевой пушки. Россия. XIX в.

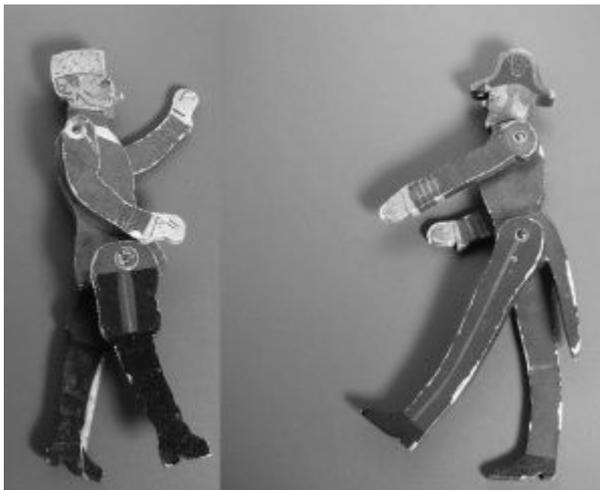
Как это обычно бывает, игрушки детям покупали родители, дарили бабушки и дедушки, многочисленные родственники. Игрушки мальчиков из рода Романовых так или иначе были связаны с армией. В 70-х гг. XVIII в. первыми игрушками великого князя Александра Павловича, будущего Александра I, стала миниатюрная шпага, сделанная Екатериной II из булавки, и маленькая шпага с деревянным клинком. Позже ему подарили детскую саблю «с рукоятью и оправой из золота с финифтью» в «ножнах из белого шагрина». Затем подарена маленькая турецкая сабля «с рукояткой и оправой золотом, с черною насечкою», в «ножнах из черного шагрина». Дарили и игрушечное огнестрельное оружие: «ящик с пятью маленькими детскими ружьями и парюю маленьких пистолетов» с двумя маленькими детскими барабанами²⁷⁵.

Детский барабан Александра I. 1782 г.

Когда подросли младшие сыновья Павла I, Николай и Михаил, процесс их воспитания контролировался уже матерью – вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Она приложила массу усилий, для того чтобы нейтрализовать «милитаристскую наследственность», столь характерную для мужской половины дома Романовых. Поэтому «военные» игрушки исключили из их обихода.

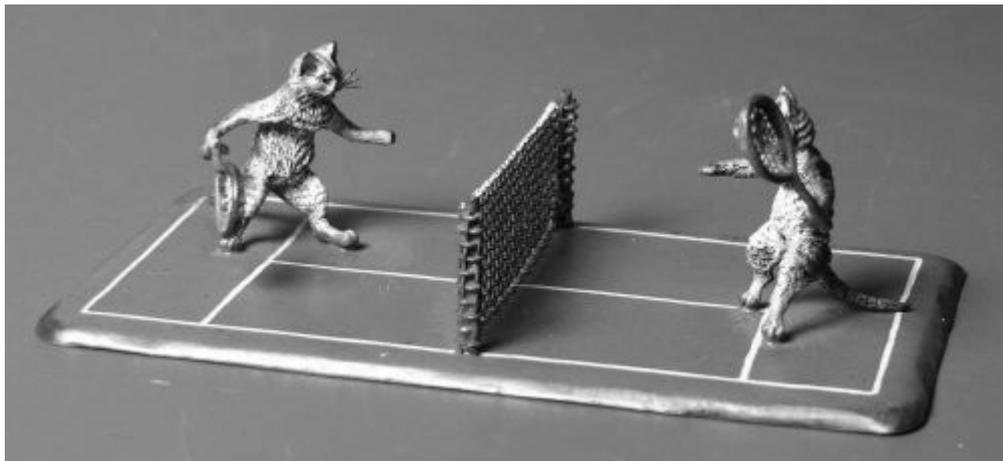
Солдатики. Западная Европа. Россия. XIX в.

До глубокой осени 1800 г. семья Павла I жила в Зимнем дворце, где для игр детей оборудовали специальную игровую комнату. Поскольку там же дети учились ходить, то «Зал для игр» был обтянут в нижней части стены, так же как и пол, стегаными шерстяными подушками зеленого цвета. Когда дети подросли, подушки убрали²⁷⁶. Некоторые из подаренных «игрушек» запоминались на всю жизнь. Спустя годы, Николай I, вспоминая свое детство, упомянул, что обер-штальмейстер граф Ростопчин от имени отца подарил ему «маленькую золоченую коляску с парюю шотландских вороных лошадок с жокеем»²⁷⁷.

Даже детские игрушечные деревянные лошадки становились частью образовательного процесса, поскольку позволяли привить мальчикам основы верховой езды. Поэтому в феврале 1803 г. седельному мастеру Карлу Коссову выплатили деньги «за сделанные им убор, для деревянной лошади английское седло и принадлежности к ней»²⁷⁸.

Когда у Николая I появились дети, то он сам начал покупать им игрушки. Осенью 1824 г., находясь в Пруссии, он на 7 талеров купил у купца Гарнета игрушки для своих детей²⁷⁹.

Игрушки для детей покупались, конечно, «по возрасту». О том, что собой представляли эти игрушки, дают некоторое представление расходы по «Гардеробной сумме» Николая I. В марте 1834 г. англичанке «Его высочества Великого князя Константина Николаевича» выдали 300 руб. «за купленную чрез ее старинную пушку для его величества»²⁸⁰. В феврале 1835 г. в таможенную отправили пошлины 21 руб. 08 коп. «за военную игру, полученную из-за границы». В апреле 1838 г. уплатили деньги «механику Белау за взятый у него через графа Вильегорского циркуль для военной игры».

Игра в теннис. Австрия. Конец XIX в.

В 1840-х гг. Николай I начал оплачивать детские подарки уже для своих внуков. В декабре 1844 г. он, выбирая подарки к Рождеству, оплатил мастеру Орлову два детских ружья. В январе 1849 г. в магазин Вольфа отправлено 32 рубля «за игрушки». Последний «игрушечный счет» Николая I оплачен в ноябре 1851 г., когда в игрушечный магазин Пассажа «за 26 коробок нюрнбергских игрушек» отправили 13 руб. из расчета по 50 коп. за коробку²⁸¹.

Дети любили игры «в войну» или «в черкесских ординарцев». Летом 1849 г., когда маленькие сыновья Александра II были «на море» в Ревеле (Таллине), то они при помощи саперов построили в саду Екатериненталя настоящее земляное укрепление, торжественное названное ими фортом «Дебречин»²⁸².

Когда Николай, Александр и Владимир зимой проживали во дворце, то это были игры в солдатики, они раскрашивали картинки, складывали географические карты, золотили деревянные вещицы сусальным золотом²⁸³. По воскресеньям к ним приглашали ровесников, для достаточно серьезных игр «в мяч», тогда нередко случались травмы от «окаменевших» резиновых мячей, попадавших в лицо. Иногда с детьми играл и Николай I. Но были и тихие камерные игры в бирюльки.

К.А. Ухтомский. Детская дочерей Николая I. 1837 г.

Примечательно, что прогресс эпохи, как и сегодня, сопровождался «прогрессом игрушек». Наряду с «традиционными» игрушками в дворцовых игровых комнатах быстро появлялись и «технические новинки». Уже в сентябре 1861 г. 16-летний Александр Александрович «занимался пусканием в ход маленькой модели паровой машины»²⁸⁴. В 1863 г., когда младшие сыновья Александра II Сергей и Павел жили с матерью в Ницце, то в саду виллы Пельон для детей создали традиционную «игровую зону»: там, у маленького ручейка, для детей устроили целый мирок: домик, железная дорога, домики для их фарфоровых мопсов, заменявших им кукол²⁸⁵.

Были у царских детей, как и у всех детей, «свои» игрушки, которые они придумывали сами. Когда в 1860—1870-х гг. детей и внуков Александра II начали вывозить в Крым, то они, как и сегодняшние дети, собирали на берегу «камушки». Чтобы сохранить прелесть и яркость «мокрого» камушка, они покрывали их лаком и раскладывали на листах бумаги в шкафах²⁸⁶.

На эти «самопальные» игры накладывали отпечаток заботы родителей. А эти заботы носили преимущественно политический характер. К концу Крымской войны относится игра «Мопсополь», в которую будущий Александр III играл со своим старшим братом Никсой. Собственно игра представляла серию рисунков выдуманного города под названием Мопсополь, в котором жили мопсы. Многие из этих мопсов очень походили на политических деятелей того времени. Видимо, о них часто упоминали во «взрослых» разговорах. Примечательно, что Александр III сохранил этот альбом как память о своем детстве и спустя многие годы показывал его своей маленькой дочери Ольге²⁸⁷.

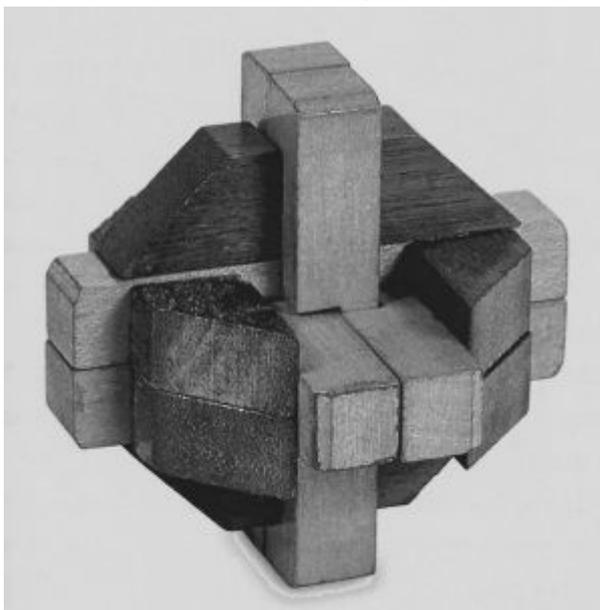
Один из друзей сыновей Александра III, описывая игровую комнату маленьких великих князей «образца» середины 1870-х гг. в Аничковом дворце, вспоминал: «Игровая комната великих князей волшебная. Во-первых, по полу идет железная дорога, маленькая, но настоящая, с тремя классами вагонов, стоят полки солдат с киверами, с касками, казаки в

шапках, а вот лошади с гривами, верблюды с горбами, а вот Петрушка, вот медведь, вот Иван-дурак в клетчатых брюках, барабан, ружья в козлах, трубка с кисточкой, гора песку»²⁸⁸.

Сохранились счета, которые оплачивала императрица Мария Федоровна, покупая своим детям игрушки. 28 марта 1881 г. в «Игрушечном магазине Фохта» куплены: карета (14 руб.), три куклы (по 5 руб.), кукла (4 руб.), картинка для складывания (5 руб.), игра «Зоологический сад» (15 руб.), разных кукольных украшений (2 руб. 50 коп.). Всего игрушек куплено на 60 руб. 50 коп.²⁸⁹ Надо сказать, что этот «детский счет» имеет непосредственное отношение к «большой истории». Дело в том, что 27 марта 1881 г. семья Александра III переехала в Гатчинский дворец, где начала обстраиваться в низких и сырых комнатах антресольного этажа Арсенального корпуса. Видимо, игрушек во дворце не оказалось, поэтому их срочно купили 28 марта и привезли в Гатчинский дворец для детей.

На Пасху для детей Александра III даже традиционные яйца покупались в магазинах, торгующих игрушками. Например, в «Магазине детских игрушек С.И. Дойникова» (Гостинный двор, № 73) на Пасху куплены: яйцо с мебелью (16 руб. 50 коп.), яйцо с куклой (10 руб.), яйцо с музыкой, яйцо плетеное, яйцо красное, яйцо с гардеробом, яйцо с музыкантами. Всего на 138 руб.

Когда будущий Николай II подрос, он стал принимать участие в различных представительских мероприятиях со своим отцом Александром III.

Головоломки. Начало XX в.

В этих случаях подарки подростку соответствовали его официальному положению и чину. В ноябре 1881 г. 12-летнему Николаю Александровичу преподнесли детскую казачью пашку образца 1881 г. (общая длина 76,5 мм, длина клинка – 67 см, резной вензель с буквами «НА» под императорской короной) по случаю его назначения атаманом Казачьих войск России. Для подобных подарков соблюдалось обязательное требование – подарок должен был во всем соответствовать стандартному образцу, за исключением размеров²⁹⁰. Когда наследнику исполнилось 20 лет, поднесли последний «подростковый» подарок – детскую казачью винтовку «Бердана № 2» (без спусковой скобы и с уменьшенным стволом, была на вооружении с 1870 по 1891 г., общая длина – 82 см). Ее преподнесли цесаревичу великому князю Николаю Александровичу 22 сентября 1888 г. в Екатеринодаре во время его визита (вместе с отцом) в земли Кубанского казачьего войска. Винтовка выполнена «детской» потому, что визит этот предполагался много раньше, и ее изготовили «под подростка»²⁹¹.

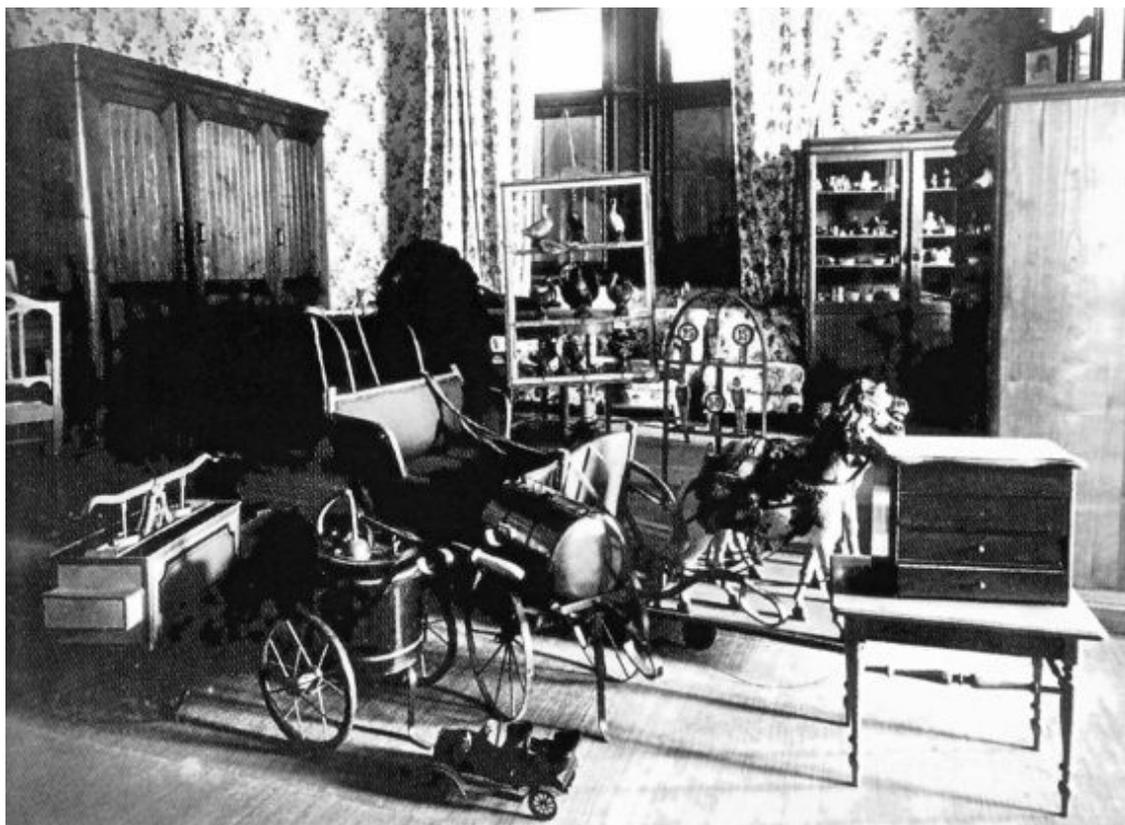
Когда в семье Николая II появились дети, то и им начали дарить игрушки. Здесь следует упомянуть еще об одной категории детских игрушек. Это игрушки подаренные, «на государственном уровне» во время официальных визитов. Например, во время первого официального визита Николая II и Александры Федоровны во Францию в 1896 г., восторженно встречавшую российских монархов, хозяева не забыли и годовалую великую княжну Ольгу Николаевну, которую родители взяли с собой в поездку. От лица президента Французской республики княжне подарили «на вырост» сундук для кукольного приданого и игрушечный набор²⁹².

Игровая комната цесаревича Алексея в Александровском дворце

Очень редко дети имели возможность сами выбирать себе игрушки. Это могли делать дочери Николая II либо в Ялте, либо за границей. Няня-англичанка упоминает, как в 1900 г. в Дармштадте она зашла с 5-летней великой княжной Ольгой Николаевной в магазин игрушек. Ольга долго выбирала и, наконец, попросила купить ей самую маленькую игрушку. Когда ее просили выбрать что-нибудь еще, то она отказалась это сделать, заявив, что другие красивые игрушки купят другие девочки.

Большая часть игрушек оказывалась в игровых комнатах царских детей в качестве подарков. Иногда детям дарили игрушки простолюдины. «Простолюдин» Г.Е. Распутин в 1913 г. подарил цесаревичу Алексею подарочный набор: шашку в ножнах, португепю и газыри. Подарок был очень дорогой, поскольку оружие изготовили знаменитые мастера дагестанского села Кубачи.

Игровая комната Алексея на Нижней даче Царского Села

По мере того как росли дети, во всех императорских резиденциях Николая II возобновлялись игральные комнаты. При этом игрушки девочек хранились в их комнатах, а цесаревичу Алексею «по статусу» выделили «свою» отдельную игровую комнату.

Сохранилось несколько фотографий и описание игровой комнаты цесаревича Алексея в Александровском дворце Царского Села. Большая угловая комната на втором этаже Александровского дворца была буквально забита игрушками. В одном из углов комнаты находилось возвышение – подиум. Там был устроен уголок из детской и игрушечной мебели. Из этого множества игрушек следует упомянуть золоченый стул с музыкальным ящиком. Музыка начинала играть, когда ребенок садился на стул. У подиума находилась стойка с детскими ружьями. Там же хранилась настоящая ручная граната системы Лишина, присланная наследнику с фронта в 1916 г. В игровой находились доспехи средневекового рыцаря, индейское снаряжение – две пироги, луки, головной убор и вигвам. Множество моделей было расставлено вдоль стен: модель четырех трубного миноносца, модель госпитального фургона, модель пулемета и пушки. Под потолком крепились модели самолетов. На фотографии хорошо видна большая собака из белого шерстяного плюша с рыжими ушами, на колесах с механизмом. Это – подарок наследнику от кайзера Германской империи Вильгельма II. Имелись в комнате и игрушки с политическим подтекстом. Один из клоунов-паяцев был изготовлен с лицом известного германского революционера Бебеля.

При подборе игрушек в игровых комнатах цесаревича учитывалась и «география» резиденции. В Ливадийском дворце в Крыму у цесаревича Алексея в «собственной» игровой преобладала морская тематика, учитывая, что сам дворец расположен на морском побережье. Там хранилась целая флотилия подводных лодок и военных кораблей. Разноцветные сигнальные флажки знакомили наследника с морской азбукой.

У каждого из детей постепенно формировалась своя библиотека. Книги отмечались личными эксlibрисами, выполненными для каждого из детей художником и хранителем Отдела драгоценностей Императорского Эрмитажа бароном А.Е. Фелькерзамом²⁹³.

Образование императорских детей

Не всегда российских императоров можно включить в интеллектуальную элиту своего времени, но то, что они получали добротное образование на уровне своей эпохи, бесспорно. Родители, конечно, могли себе позволить пригласить лучших преподавателей и методистов, которые и выстраивали образовательный процесс.

Особенности домашнего образования Александра I

Все без исключения российские императоры и великие князья получили *домашнее образование*. Это было нормой для золотого века русского дворянства XVIII первой половины XIX вв. Во второй половине XIX в., когда разночинцы, выходцы из купеческих и буржуазных семейств, пошли в университеты, вынашивались планы образования великих князей в университетах, однако, вплоть до 1917 г. молодая поросль Романовых в целом продолжала получать высшее образование в домашних условиях. Конечно, великим князьям лекции читали лучшие университетские профессора. Только некоторые из великих князей последней поросли Романовых накануне Первой мировой войны позволили себе посещение такого привилегированного учебного заведения, как Училище правоведения. Первым из них стал сын великого князя Константина Константиновича Романова Олег Константинович.

На протяжении XIX в. сложились свои традиции в домашнем образовательном процессе, проходившем в императорских резиденциях. Этот процесс имел множество граней.

Образование российских монархов в XVIII в. носило фрагментарный характер или явилось результатом самообразования. Начиная с внуков Екатерины II, *домашнее образование* великих князей принимает *системный характер* в духе новаций, привнесенных в систему образования России И.И. Бецким. Реализовывали эти новации в Зимнем дворце различные преподаватели, но самой заметной фигурой среди педагогов Александра I стал швейцарец Фридрих Цезарь Лагарп.

Сначала Лагарп (воспитанники называли его Петром Ивановичем) с 1784 г. преподавал французский язык. Позже он стал преподавать всеобщую историю, арифметику, географию, философию, законоведение. Со временем Лагарп превратился для Александра не столько в авторитетного наставника, сколько в старшего друга. Педагогическая деятельность Лагарпа при Императорском дворе продолжалась десять лет, с 1784 по 1794 г. Добрую память о своем учителе Александр I пронес через всю жизнь. Свидетельством тому было то, что в 1814 г. Александр I произвел Лагарпа в генерал-лейтенанты, наградив при этом высшим орденом Империи – орденом Андрея Первозванного.

Другие учителя не оставили столь заметного следа в душе Александра I, но все они были, безусловно, профессионалами. Коллегами Лагарпа служили профессор физики Крафт, знаменитый академик Паллас, читавший ботанику, и математик Массой. Русский язык преподавал известный писатель и моралист М.Н. Муравьев, а закон Божий – протоиерей А.А. Самборский. Координировал образовательный процесс главный воспитатель великих князей граф Н.И. Салтыков.

Сроки завершения образования процесса определялись не только возрастом, но и политическими соображениями. Для Александра I образование завершилось достаточно рано, что было связано с ранней женитьбой великого князя (в 16 лет) на 14-летней принцессе Луизе Баденской, в православии великой княгине Елизавете Алексеевне.

Домашнее образование Николая и Михаила Павловичей

По-иному получали образование младшие братья Александра I – великие князья Николай и Михаил Павловичи. Это связано не только с тем, что у старших и младших братьев была большая разница в возрасте, а, прежде всего, с тем, что в начале XIX в. в образовательной практике отказались от гуманистических идей Бецкого и вернулись к универсальному образовательному методу – насилию. Характерно, что насилие, как методическую основу преподавания, полностью разделяли родители мальчиков – император Павел I и императрица Мария Федоровна.

Образовательный процесс для великого князя Николая Павловича начался в 1802 г., т. е. когда ему исполнилось 6 лет. Образование будущего Николая I началось с «легких» уроков. Первой регулярной учебной дисциплиной стали уроки танцев. Занятия шли довольно успешно, и уже в 1803 г. семилетний Николай танцевал с сестрою Анной сочиненный ею небольшой балет²⁹⁴. Уроки танцев для великих князей давал французский балетмейстер Лепик, а с 1807 г. – Гуар. Наряду с танцами мальчиков начали учить музыке (англичанин пианист Теппер фон Фергюссон) и верховой езде. Позже в расписании появились уроки гимнастики и фехтования.

Постепенно число уроков увеличивалось. Именным указом 14 января 1802 г. генерал-майору И.И. Ахвердову поручается преподавать великим князьям русскую словесность, историю, географию и статистику. Однако регулярные занятия по этим дисциплинам начались только с 1804 г. Причем новые дисциплины вводились постепенно: с 1804 г. – русская история, география и арифметика, с 1806 г. – геометрия и с 1808 г. – алгебра. С 1807 г. великим князьям начали преподавать физику.

Генерал Иван Исаевич Ахвердов, который вел пять предметов, имел серьезный педагогический опыт, поскольку 12 лет (1764–1776 гг.) преподавал в Шляхетском кадетском корпусе. Своих воспитанников он знал еще с октября 1799 г., когда его определили «кавалером при воспитании Великих Князей Николая и Михаила Павловичей».

Надо заметить, что педагогическая деятельность при Императорском дворе приносила весомые служебные дивиденды.

При первом экзамене 22 мая 1806 г. император Александр I, довольный успехами своих августейших братьев, выразил наставнику «Свою признательность и особенное благоволение» и пожаловал Ахвердову «при милостивом рескрипте» орден Св. Анны I степени, а 12 октября 1807 г. произвел его в чин генерал-лейтенанта.

К перечисленным выше урокам мальчики относились по-разному. Одни нравились меньше, другие – больше. Однако самые большие трудности у Николая Павловича вызывали древние языки²⁹⁵. С русским языком (П.А. Ушаков) и новыми иностранными языками²⁹⁶ особых проблем не возникало, тем более что их вели «носители языка» и, кроме того, часть предметов (всеобщая история и география) читались на французском языке швейцарцем бароном Дю-Пюже.

С 1802 по 1809 г. великие князья Николай и Михаил учились по программе начального и среднего образования начала XIX в. С 1809 г. 13-летнего Николая Павловича начали учить по университетской программе. Такое форсирование не было случайным, поскольку именно тогда старшие братья Александр I и Константин Павлович сделали первую «прикидку» на возможную передачу власти именно в руки третьего сына Павла I. С этого времени получение добротного образования великим князем Николаем становится важнейшей государственной задачей.

Именно тогда впервые в семье Романовых начинает просчитываться возможность получения образования великими князьями Николаем и Михаилом в стенах государственного учебного заведения. Этот вариант рассматривался в период, когда одним из ближайших советников Александра I еще оставался отец русского либерализма М.М. Сперанский. Сначала вынашивалась идея отправить великих князей в один из германских университетов, однако от этой идеи быстро отказались, поскольку политическая ситуация в Европе осложнилась. Потом появилась идея создать для великих князей элитарное учебное заведение, своеобразный университет для великих князей, в котором вместе с ними будут учиться представители только высшей российской аристократии. Императрица Мария Федоровна отнеслась к этой идее благожелательно. Замысел начал воплощаться в жизнь на уровне документов и, не без влияния Марии Федоровны, из программ проектируемого Царскосельского лицея изгнали все, имеющее отношение к военному делу. Однако Александр I решительно воспротивился этим проектам, поскольку он считал совершенно абсурдным воспитывать великих князей в общественном учебном заведении. В результате великие князья продолжили свое домашнее образование. Но идея об элитарном учебном заведении не умерла, а воплотилась в знаменитый Царскосельский лицей, открытый 19 октября 1811 г.²⁹⁷

Образование Николая Павловича по «университетской программе» продолжалось с 1809 по 1814 г. Из преподавателей «университетского» периода можно упомянуть И.И. Ахвердова (русская история), Дю-Пюже (всеобщая история), академика А. К. Шторха (политическая экономия), М.А. Балугьянского (история права), профессора Педагогического института В. Г. Кукольника (римское, гражданское и естественное право).

Особую роль в образовании Николая I сыграли преподаватели Первого кадетского корпуса: академик В.Л. Крафт (математика, физика и инженерное искусство), генерал К. И. Опперман (тактика), полковник Маркевич (артиллерия) и полковник Джанотти (инженерное дело)²⁹⁸. Следует отметить, что Николай I, повзрослев, позиционировал себя именно как *военного инженера*, говоря о себе «Мы, инженеры». Это был первый и, пожалуй, последний российский самодержец XIX в., который говорил о себе так, с полным на то правом. Остальные монархи имели универсальное гуманитарно-юридическое образование.

Примечательно, что теоретические занятия по военным дисциплинам дополнялись практическими занятиями. В 14 лет Николай Павлович вместе с младшим братом, великим князем Михаилом зачисляются в сформированную в 1810 г. из пажей лейб-гвардии Дворянскую роту «потешного» характера. Как следует из названия, роту сформировали специально «под великих князей». В ней Николай исполнял обязанности командира полувзвода и ротного адъютанта, носил чин штабс-капитана и именовался Романов 3-й (первым был Александр I, вторым – великий князь Константин Павлович). Его рано увлекла внешняя сторона военной службы: караулы, придворные церемонии, особенности формы. Впоследствии он не раз называл себя ротным командиром, а отношения с людьми строил на началах военной дисциплины. Это далеко не всем нравилось, и Николай Павлович, поначалу, не был популярен в гвардии.

Насколько эффективна была система образования великих князей? Как сам император Николай I впоследствии оценивал уровень собственного образования?

Следует признать, что, несмотря на достаточно высокий для своего времени уровень преподавателей, эффективность учебного процесса оказалась достаточно низкой. Схоластическая метода преподавания, основанная на бездумном зазубривании материала, характерна и общепринята для всей системы военно-учебных заведений того времени.

На усвоении материала сказывался и непростой характер великого князя. Гуманитарные науки мало интересовали Николая Павловича, пожалуй, за исключением истории. Особенно ненавистны были древние языки – латынь и греческий. Юридические науки для великого князя не соотносились с повседневной реальностью и также отторгались им. Николай

И, вспоминая о годах своего ученичества, не раз говорил, что «на уроках этих господ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздор, иногда их собственные карикатурные портреты, а потом к экзаменам выучили кое-что в долбежку. Без плода и пользы для будущего»²⁹⁹.

С другой стороны, будущего императора с детства привлекали прикладные науки. Он охотно занимался физикой, прекрасно рисовал и гравировал на меди, с увлечением учился военным наукам. Однако в целом научное образование великого князя было поставлено слабо, и он сам называл его «бедным».

Учебные занятия продолжались с 1802 по 1814 г. В целом, учителя, занимавшиеся с Николаем Павловичем, оставили очень слабый след в его душе. Став взрослым, он часто ощущал пробелы в полученном образовании, и это вызывало у него искреннюю досаду и на учителей, и на «потерянные годы».

Образование великого князя завершилось в 1814 г. Однако «шлифовка» продолжалась фактически до женитьбы. В 1814 г. Николай отправился в побежденную наполеоновскую Европу. В 1816 г. предпринял путешествие по России с образовательной целью. В 1817 г. Николай Павлович в возрасте 24 лет женился, и с этого времени началась его взрослая жизнь.

Образовательные новации в обучении детей и внуков Николая I

Собственный печальный опыт Николая I и понимание того, что его сын должен стать преемником, заставили императора крайне серьезно отнестись к организации учебного процесса старшего сына, как к образовательной программе, так и подбору преподавательских кадров.

Прежде всего стоит отметить, что «солдафон» Николай I в качестве «методиста», отвечавшего за образовательный процесс, с правом определения программы и подбора кадров назначил поэта В.А. Жуковского. Поэта, а не генерала!!! Безусловно, это стало прорывом в подходе к образованию детей при Императорском дворе. Однако традиция оставалась традицией, и «по образцу прежних лет» главным воспитателем к наследнику-цесаревичу назначен генерал П.П. Ушаков.

Общеизвестно, что В.А. Жуковский потратил на составление «Плана учения» около полугода, закончив его к осени 1826 г. В «Плане» весь период обучения будущего императора разделялся на три периода. Первый – с 8 до 13 лет – предполагал «приготовительное учение», то есть изучение общеобразовательных дисциплин. Второй период – с 13 до 18 лет – предусматривал «учение подробное» и третий период – с 18 до 20 лет – «учение применительное». Николай I утвердил план учения, представленный В.А. Жуковским. Он внес только одну поправку, исключив из образовательной программы сына латинский язык.

Личным решением Николай Павлович изменил и систему военной подготовки своих сыновей. Вместо создания «потешной» роты «под цесаревича» он приказал зачислить в июне 1827 г. девятилетнего великого князя цесаревича Александра Николаевича в списки кадет Первого кадетского корпуса, отложив начало практического обучения сына в петергофских лагерях на 2 года.

Все время цесаревича, как учебные, так и не учебные часы, было расписано буквально по минутам. *Летние каникулы* у цесаревича продолжались *полтора месяца*, с середины июня по 1 августа. Причем эти «каникулы» цесаревич проводил в петергофских лагерях с кадетами. В.А. Жуковский, борясь с семейной чертой Романовых, предложил военную подготовку мальчика ограничить только этим временем. Впервые в лагерь вместе с кадетами цесаревич вышел из Петербурга в 1829 г. в возрасте 11 лет. Вышел в буквальном смысле в одном строю с кадетами. Позже военные лагеря дополнили изучением ружейных приемов в залах Зимнего дворца.

В 1860—1870-х гг. у сыновей Александра II *каникулы* приобретают несколько размытый характер. Поскольку учебный процесс часто прерывался представительскими обязанностями и поездками, то у детей учеба стала идти фактически без перерывов, в течение всего года. Занятия полностью прекращались лишь при поездках за границу или в Крым. Однако прекращение занятий компенсировалось широкой гуманитарной программой поездок. Дети активно посещали галереи, музеи, осматривали различные достопримечательности³⁰⁰.

Обычно В.А. Жуковскому приписывают главные заслуги в прекрасном образовании Александра II. Роль В.А. Жуковского в этом была действительно велика, но вместе с тем это не совсем так. Сами царственные воспитанники впоследствии весьма критически оценивали педагогические способности поэта, да и конкретные методические новации носили достаточно спорный характер. Поэтому правильнее считать главной заслугой В.А. Жуковского то, что он изменил образовательную концепцию, а честь ее практического воплощения с существенными коррективами принадлежит капитану К.К. Мердеру и главному воспитателю генералу П.П. Ушакову.

Одна из дочерей Николая I писала о В.А. Жуковском: «На его долю выпала незаслуженная слава составления плана воспитания наследника престола... я склонна признать за ним красоту чистой души, воображение поэта, человеколюбивые чувства и трогательную веру. Но в детях он ничего не понимал»³⁰¹. По ее же свидетельству, при выборе учителей больше следовали советам пастора Мульрата, возглавлявшего лучшее частное учебное заведение Петербурга: «Благодаря прекрасным преподавателям и Мердеру с его практическим умом влияние Жуковского не принесло вреда»³⁰².

Императрица Александра Федоровна, хорошо зная В.А. Жуковского, писала о воплощении его методов на практике. В августе 1826 г. императрица сообщала В.А. Жуковскому, что «занятия идут хорошо; г. Жилль мне понравился с первого взгляда. В Царском Селе я иногда присутствовала на уроках»³⁰³. В августе 1827 г.: «...Он целый день играл в саду с двадцатью кадетами, выбранными за хорошее поведение и умеющими прилично держать себя»³⁰⁴. В феврале 1833 г. сообщала, что «наш чудный Мердер скоро покинет нас; вы чувствуете, какое это будет горе для вашего Александра и для всех нас. Сашею очень довольны, он готовится к экзамену перед своим отцом... не забывайте меня, пишите мне и берегите себя, мой милый Жуковский, так как вы очень нужны»³⁰⁵.

Поскольку физические наказания исключались по отношению к цесаревичу, то воспитатели пытались повышать его мотивацию к занятиям самыми разнообразными методами. *Во-первых*, для цесаревича подобрали двух ровесников³⁰⁶, которые должны были пробудить дух конкуренции и соревновательности. *Во-вторых*, Николай I внимательно следил за успехами сына и, как правило, присутствовал на всех экзаменах. Он даже как-то высказал намерение самому читать сыну курс российской истории: «Учителем русской истории был Арсеньев. Император ему сказал: «До Петра – вы, а с Петра – я»»³⁰⁷. *В-третьих*, использовались различные педагогические игры. Для оценки знаний цесаревича были изготовлены деревянные шары и ящик. За хороший ответ в ящик опускался белый шар, за плохой – черный. В конце недели подводились итоги. Тот, у кого оказывалось больше белых шаров, получал право истратить определенную сумму на благотворительность³⁰⁸.

Следует учитывать и специфику образования в самой императорской резиденции. Это была не «чистая» учеба, она тесно переплеталась с придворными церемониями и обязанностями. В придворных торжествах наследник начал принимать участие с 11 лет. Во время больших и малых выходов цесаревич обычно шел в паре со своим дядей – великим князем Михаилом Павловичем.

Например, в праздник, 6 января 1829 г., в день традиционного водосвятия, наследника подняли, как обычно, в 6 часов утра. До 7 часов он приводил себя в порядок и завтракал. С 7 до 8 часов утра он читал избранные места в Евангелии, относящиеся к празднику водосвятия. Затем с 8 до 9 часов цесаревичу было предоставлено «личное время», а в 9 часов утра великий князь надел офицерский мундир лейб-гвардии Павловского полка и пошел к отцу Николаю I, с которым прошел в парадные залы дворца, где уже выстроились гренадерские взводы от всех батальонов гвардейских полков. Николай I, проходя мимо Павловского взвода, приказал 11-летнему великому князю встать «во фронт» на место поручика. После церемонии Николай I поручил цесаревичу угостить всех нижних чинов чаем³⁰⁹. Это тоже были уроки «по профессии».

Будние дни, как правило, проходили следующим образом. Цесаревич Александр Николаевич и его товарищи-ровесники, граф Иосиф Виельгорский и Александр Паткуль, которых поселили в Зимнем дворце, поднимались в 6 утра. Затем они завтракали, молились и готовились к урокам. Уроки, или, как тогда говорили «классы», начинались в 7 утра и продолжались до 12 часов. Для мальчиков предусматривалась «большая перемена» (с 9 до 10

часов утра) для отдыха. После 12 часов два часа выделялось на прогулку. С 14 до 15 часов дети обедали. Затем до 5 часов играли, гуляли и отдыхали. С 5 часов до 7 вечера вновь были «классы». С 7 до 8 вечера мальчики занимались гимнастикой и различными играми. В 8 часов они ужинали. Два часа выделялось на личные нужды, причем в это время входило обязательное писание дневника. В 10 часов – отбой. В воскресные и праздничные дни вместо уроков оставалась гимнастика, игры, чтение и ручная работа.

Учебные занятия по плану В.А. Жуковского начались осенью 1826 г. Постепенно сложился костяк преподавателей-предметников, которые вели занятия у трех мальчиков. Всеобщую историю и французский язык вел женеvский швейцарец мосье Жилль³¹⁰. Как вспоминала Ольга Николаевна, говорил он не слишком понятно, зато писал очень отчетливым и ясным языком и «требовал от нас, чтобы мы записывали его лекции, чем приучил нас к быстрому писанию»³¹¹. После окончания курса наук Николай I назначил его заведующим библиотекой и хранителем арсенала в Царском Селе. Немецкий язык вел секретарь императрицы Александры Федоровны Шамбо³¹²; английский – Альфри.

Арифметику преподавал академик Коллинс. Затем ему на смену пришел профессор Академии наук Ленц, он преподавал физику и в нем «Соединились большие знания и добродушие».

Видимо, в отличие от преподавателя истории, Коллинс и Ленц могли заинтересовать и учеников и учениц своим предметом. По крайней мере, Ольга Николаевна упоминает, что «была страстно увлечена химией и следила с большим интересом за опытами, которые производил некто Кеммерер, его помощник. Он показывал нам первые опыты электрической телеграфии, изобретателем которой был Якоби». Более того, «уже в то время мы получили понятие о подводных снарядах, впоследствии торпедах»³¹³.

Вскоре помощником К.К. Мердера назначается его товарищ по Первому кадетскому корпусу капитан Юрьевич, он преподавал польский язык, выполнял репетиторские обязанности по арифметике и организовывал гимнастические игры внутри Зимнего дворца. В.А. Жуковский преподавал русский язык, общую грамматику, основы физики и химии. В последующие годы состав учителей менялся мало. Например, учителя немецкого языка Шамбо заменил Эртель.

После двух лет учебы в июле 1828 г. состоялись первые «полугодовые» экзамены, они продолжались 4 дня. Поскольку экзамен носил домашний характер, то их принимали сами учителя, но при этом на экзаменах присутствовала бабушка – вдовствующая императрица Мария Федоровна. В целом учителя остались довольны, отметив хорошую наследственную память цесаревича. После сдачи экзаменов на протяжении целых шести недель были каникулы. В это лето мальчик научился хорошо стрелять и плавать.

В конце января 1829 г. провели первый «годовой» экзамен. Поскольку экзамены сдавались по всем проходимым предметам, процедура заняла 10 дней (с 24 января по 2 февраля). На этих экзаменах присутствовали родители цесаревича. Результатами экзамена Николай I остался доволен.

В 1829 г. число преподавателей увеличили, что связано с расширением программы. В курс обучения цесаревича включили «Всеобщую историю», которую читал на французском языке преподаватель частного пансиона Липман, «Химию» – академик Кеммерер и «Естественную историю» – академик Триниус. «Отечественную историю» будущему императору преподавал Жуковский. Царским дочерям «Отечественную историю» читал М.М. Тимаев. Ольга Николаевна называет его педантом и сухарем. Она пишет, что он «был единственным нашим преподавателем, который экзаменовал нас и наказывал, заставляя переписывать что-либо, за малейший проступок. Нужно было принести в жертву свою любовь к Отечеству, чтобы учить его уроки»³¹⁴.

Кроме этого среди преподавателей были учитель чистописания Рейнгольд, фехтования – Сивербрик и танцев – Огюст. Детей продолжали активно развивать физически: шли регулярные уроки фехтования, занятия верховой ездой, гимнастикой. Мальчики совершали пешие прогулки, катались с ледяных гор в саду Аничкова дворца.

В 1830 г. в курс обучения ввели географию со статистикой России (преподаватель Арсеньев) и русскую словесность (преподаватель Плетнев). По характеристике Ольги Николаевны, «он (Плетнев. – *И. 3.*) был очень посредственным педагогом», но «его влияние на наши души и умы было самым благодатным»³¹⁵.

Следует отметить, что преподавание царским детям являлось делом не только профессионального престижа, но и весьма хорошо оплачиваемым занятием. Конечно, все они совмещали преподавание в Зимнем дворце со своей основной работой, но при этом в Зимнем дворце все они получали 300 руб. серебром в год и после окончания курса получали эту же сумму пожизненно, как пенсию³¹⁶. Причем пенсия шла за каждого из высокородных учеников отдельно. Например, преподавателю русской истории М.М. Тимаеву за занятия с великой княжной Марией Николаевной пожаловали пенсию в 1000 руб. и такую же пенсию «положили» по прекращении занятий с великой княжной Ольгой Николаевной.

В 1831 г. образовательный курс не претерпел изменений, но в организации досуга, кроме первых охот на зайцев и уток, началось издание рукописного журнала «Муравейник». Этот журнал издавал цесаревич со своими товарищами.

Те же самые преподаватели занимались в 1840-х гг. со вторым сыном Николая I, великим князем Константином Николаевичем. Второй сын был порфирородным, то есть родившимся в то время, когда его отец уже стал императором. Мальчик отличался непомерным честолюбием и оказался очень способным. Барон М.А. Корф читал Константину право. В 1844 г. в присутствии родителей для Константина провели экзамены, «продолжавшиеся несколько недель сряду», на которых, по сложившейся традиции, присутствовали Николай I и Александра Федоровна³¹⁷.

В 1830-х гг. по несколько облегченной программе занимались и с тремя дочерьми Николая I. Ольга Николаевна упоминает, как в 1835 г., во время поездки в экипаже, «пока Мама читала», она зубрила «исторические даты по картинкам Жуковского»³¹⁸. За курсом ее учения еще в 1837 г. внимательно следила воспитательница Анна Алексеевна Окулова. Девочке торопились дать базовый образовательный курс, поскольку предполагалось, что она выйдет замуж в 16 лет.³¹⁹

Николай I, организуя подобную систему образования своих детей, рассчитывал, что его личный пример подвигнет российских аристократов применить для образования собственных детей подобные методики. Главной же целью образования детей он считал их честное служение России. В письме к своему постоянному корреспонденту И.Ф. Паскевичу Николай I в июле 1836 г. писал: «Сегодня отправляю сына Константина с флотом в море на 15 дней; и хотя ему только еще 9 лет, но оно нужно для подобного ремесла начинать с самых юных лет; хотя и тяжело нам, но должно другим дать пример»³²⁰.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.